

2
358

СОВРЕМЕННАЯ
СИБИРСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ВЛАДИМИР
ВЛАСОВ

КАРА- ТАЙГА



СОВРЕМЕННАЯ
СИБИРСКАЯ
ПОВЕСТЬ

КАРА-
ТАЙГА

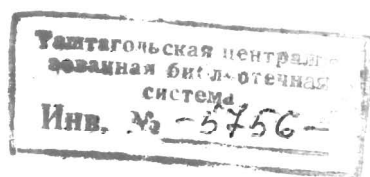


0

ВЛАДИМИР
ВЛАСОВ

КАРА- ТАЙГА

ПОВЕСТЬ



КЕМЕРОВО
КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1981

P2
B58

B 70302-06 19-81-4702010200
M 145(03)-81

В море вздыбленных хребтов гора Кара-Тайга стоит, как остров. Ее вершина, покрытая мхами, видна со всех сторон. Обрывистые северные склоны блестят никогда не тающими снегами, среди которых зубьями огромной пилы торчат обточенные ветром черные скалы. Южный склон усеян каменными россыпями — курумами.

Груды скальных обломков обманчиво неподвижны. Предельно осторожен должен быть человек, рискнувший пересечь курум: перебираться с глыбы на глыбу медленно, не делая резких движений. Ошибиться нельзя, особенно там, где надо протискиваться между камнями — каменные ловушки не выпускают добычи.

Среди курумов небольшими пятнами разбросаны альпийские луга. Здесь всегда тихо. Только изредка крикнет заполюшная птица кедровка, сидящая на кустах стланика, да дикий козел дробно процокает точеными копытцами, спасаясь от хищника. Прыгая с камня на камень, он промелькнет, как серая тень, и снова виснет над Кара-Тайгой нерушимая тишина.

Дурной Камень — называют люди это место с давних времен и стараются обходить его стороной. Даже лакомка-медведь не живет летом на Кара-Тайге, хотя почти каждый клочок земли между камнями густо зарос черникой, а поверхность мха узорчато расписана красными ягодами брусники. Он появляется здесь поздней осенью и, отыскав в диком нагромождении камней потайную яму, прикрытую от дождя и снега, устраивается на зимовку. Зверь знает, что сюда никто не придет. Двухметровый слой снега будет надежно согревать и охранять его до весны.

Горе тому, кто осмелится нарушить покой хозяина тайги. На чистом, без единого деревца склоне, покрытом плотным

снегом, спрятаться невозможно, а «неповоротливый» медведь, даже будучи тяжело раненным, не уступит в скорости бегущей лошади. Говорят, что давным-давно один смелый охотник, приметив с лета берлогу, зимой ушел на Кара-Тайгу с собакой и не вернулся. Собака приковыляла домой на пятый день. Сломанная задняя нога ее волочилась по снегу, оставляя глубокий след. Этот след вывел людей к тому месту, где кончается лес и начинается Дурной Камень.

Приземистые крепыши-кедры, погибшие на корню, но крепкие, как слоновая кость, почти вплотную подступали к высокому скальному обрыву, за которым, скрытый под снегом, лежал курум. След обрывался возле кедра-мертвеца с торчащими редкими сучьями. На одном из них висел охотник. Острый конец крепкого сука, красный от крови, торчал между лопаток погибшего. Ветер раскачивал надежно привязанные к ногам охотника камузные лыжи. Под кедром стволами вверх из-под снега торчала двустволка.

Сделав длинный обход, люди поднялись на обрыв и увидели, что лыжня охотника кончается на самом краю обрыва, как на трамплине. В десятке метров выше по склону лежала огромная медвежья туша. Дальше в гору вместо лыжни тянулась глубокая борозда, пробитая в снегу медведем. Края ее были забрызганы кровью. Почти километр гнал человека простреленный насквозь зверь, не давая возможности перезарядить ружье.

У входа в берлогу нашли второго медведя, убитого, очевидно, первым выстрелом.

Охотника похоронили возле скалы, заложив его тело камнями.

С тех пор скалу эту называют Черный Саван, и нет к ней ни троп, ни дорог. Время сравняло каменную насыпь над телом охотника, а сухой кедр, как памятник, стоит здесь до сих пор.

В пасмурный летний день к подножию скалы пришел человек. Он был одет в потрепанную брезентовую куртку, распахнутую на груди, и такие же брюки, заправленные в высокие резиновые сапоги.

Из-под широких полей клеенчатой шляпы, небрежно сбитой на затылок, к потному лбу кольцами липли влажные волосы. Кучерявилась густая черная борода. Прихрамывая и тяжело дыша, он подошел к скале и отбил молотком небольшой образец породы. Внимательно осмотрев свежий излом, он взвесил образец на ладони и снова застучал молотком по скале. Все образцы были похожи друг на друга, как родные братья.

Человек нежно погладил шершавую поверхность скалы и, устало улыбаясь, негромко и буднично сказал:

— Что и требовалось доказать.

Бросив тяжелый рюкзак возле одинокого кедра, он достал из полевой сумки горный компас и карту, свернутую по размеру сумки и сильно потертую по углам, посмотрел на лихорадочно прыгающую стрелку компаса, вытянул трубочкой толстые красные губы и удивленно присвистнул:

— Ну, братец, так нагло ты еще никогда не врал.

Стучал молоток, тревожа вековое молчание скал, рождая эхо в горах. Человек работал без отдыха до сумерек, изредка оставляя молоток и делая пометки в толстой записной книжке.

Описание скального выхода заняло шесть страниц и сопровождалось зарисовкой, на которой стрелками были показаны места взятия образцов и проб.

Хмурый день был на исходе. Серые облака спустились вниз, окутали вершину Кара-Тайги. Сумерки стужались. Опасливо поглядывая на небо, человек записал последнюю фразу крупными буквами: «В центральной и западной части обнажения наблюдаются крупные шлировые выделения титаномagnesита размером до 5—6 сантиметров в виде пятен неправильной формы, не имеющих четких границ. Считаю, что в общем весь выход — титаномagnetитовая руда». Торопясь, перенес к кедру завернутые в оберточную бумагу пробы, сложил их кучкой, определил на глаз: «Все в рюкзак не влезет». Безжалостно вытряхнул из него все, потом уложил образцы и пробы породы, сверху втиснул банку консервов и кусок хлеба. Сидя, надел на плечи широкие простроченные ремни и с трудом встал.

Спустившись на несколько шагов вниз по склону, он неожиданно повернул назад, озорно подмигнул и сказал:

— Вспомним ребят Джека Лондона.

Несколькими сильными ударами маленького острого топора человек сделал на сухом кедре широкий затес и, смочив слюной палочку сухой туши, размашисто написал:

«САБЛИН Л. М. 21/VIII-1956 г.»

Глава I

Экстренное совещание руководящих работников геологического управления затянулось до поздней ночи. В просторном кабинете управляющего за длинным лакированным столом суетились начальники отделов. Украдкой поглядывая на

часы, они рассеянно слушали выступление очередного докладчика:

— Хочу подчеркнуть самое больное место в Кедровской партии — кадры. Условия работы и быта там очень тяжелые, а разницы в зарплате, по сравнению с другими партиями и базой экспедиции, нет никакой. Климат как на Крайнем Севере — на месте работы невозможно вырастить даже картошку. Людей туда привлечь нечем. Опытные геологи и кадровые рабочие туда не идут. В настоящее время геологический состав — вчерашние студенты. Месяц назад ушел на пенсию начальник партии. Сейчас исполняет обязанности начальника партии молодой инженер, первооткрыватель месторождения Саблин Леонид Михайлович. Он же — главный инженер партии, он же старший геолог. Прошу срочно направить туда хотя бы одного работника с солидным стажем работы. В первую очередь нужен начальник партии. В противном случае я, как начальник экспедиции, снимаю с себя ответственность за возможный срыв работ на Кара-Тайге.

Начальник управления медленно поднял тяжелую лобастую голову и, насмешливо прищурившись, сказал:

— Ответственность возлагается при назначении на должность и снимается при уходе с должности. Как прикажете понимать вашу громкую фразу о снятии ответственности, товарищ Хватов? Если вы собираетесь увольняться, прошу подать заявление.

Хватов побледнел.

— Вы неправильно меня поняли... — начал он.

Начальник управления предупреждающе поднял руку.

— Пусть будет так, Хватов. Но дать вам сейчас опытных работников мы не можем. Я предлагаю назначить начальником Кедровской партии техника-геолога Голубева. Если не ошибаюсь, вы учились вместе и знаете друг друга. Голубев работал у нас все время в районах с трудными природными условиями. Это уже хорошо. Голубев — коммунист. Опыта руководящей работы в большом масштабе, правда, не имеет, но ведь никто из нас начальником не родился. Опыт — дело наживное.

Грузно повернувшись в кресле, управляющий попросил начальника отдела кадров:

— Характеризуйте, пожалуйста, Голубева, но как можно короче.

— Голубев — работяга, — решительно доложим кадровик.

— Коротко, но емко, — улыбнулся управляющий. И, обратясь ко всем, чуть повысил голос:

— Возражения есть? Возражений нет.

Его никто не встречал. Голубев закурил, огляделся: выкошенное поле аэродрома лежало в тесной речной долине, окруженное невысокими горами, заросшими кое-где густым лесом.

Вершины разнообразной формы на горизонте венчал массивный купол Кара-Тайги. Он блестел ранним снегом, оттуда тянул холодный ветерок.

Голубев привычным движением вскинул на плечи тяжелый рюкзак и направился к другому концу летного поля, где виднелись дома поселка, но вскоре свернул к реке. Там, почти на самом берегу, небрежно прикрытые брезентом, штабелями стояли ящики. Он отогнул край брезента и обмер. Широкая красная полоса пересекала надпись: «Аммонит. С детонаторами не грузить». Впритык стояли ящики с детонаторами.

«Вот оно. Начинается!» — тоскливо подумал Голубев.

Относя в сторону ящик с детонаторами, услышал далекое:

— Стой!

От реки, оскользясь на мокрых камнях, бежал человек. В правой руке он держал ружье, в левой — удочку.

— Я-то постою, а вот тебя сажать надо, — скрипучим от злости голосом сказал Голубев.

— Да ты кто такой? — пахуче дохнув самогонкой, спросил незадачливый сторож.

— Новый начальник партии, — по-прежнему зло ответил Голубев.

— Вот тебя и посадят, — насмешливо успокоил его сторож.

Голубеву хотелось закричать и даже ударить, но он пересилил себя и мирно сказал:

— Пошутили и хватит. Давай помогай.

За полчаса они перенесли и отдельно сложили детонаторы, аккуратно зашпилили брезент.

— Ты как Михалыч, — похвалил сторож, когда они присели покурить, — тот тоже заплотешный мужик. У него и фамилия боевая — Саблин.

«Уважают Саблина», — невольно отметил про себя Голубев, но продолжать разговор на эту тему не стал.

— Ты мне зубы не заговаривай, — непримиримо сказал он, исподлобья поглядывая на собеседника. — Почему бросил пост?

— А я не проклятый, чтобы голодом тут сидеть. Послали на три дня — сижу вторую неделю. Деньги кончились, а в долг здесь никто не дает. Кладовщица наша — Маша Корюкина, или как ее прозвали — Королева Марго, без наличных в склад не пускает. Вот и промышляю рыбку.

Голубев помрачнел, сказал с упреком:

— На водку деньги нашел.

— Эка ты какой носастый,— удивился сторож.— Унюхал? Со вкусом затянулся табачным дымом, неторопливо пояс-нил:

— Это я вчера после смены погреб Дымочке выкопал. Есть тут такая тунейдка на поселении. Ее, суку, в городе воспитать не смогли и к нам в тайгу на перевоспитание пихнули — пусти-ли козу в огород. Там на каждом углу милиционер стоит, а у нас на сто верст кругом ни одного нет. Вот она и пиво варит и самогонку на любой вкус гонит.

Задохнувшись от волнения, он снял потрепанную фуражку и, обмахиваясь ею, продолжал:

— Живут паразиты как сыр в масле, и никакой управы на них нет.

Лысая голова сторожа, оперенная редкими одиночными во-лосинками, качалась на тонкой шее, как засохший цветок одуванчика. Утонувшие в морщинах глазки табачного цвета укоризненно смотрели на Голубева.

Голубев развязал рюкзак, выложил на траву банку тушен-ки и большую буханку хлеба.

— На день тебе хватит. Завтра пришло замену. Где тут дорога на Кара-Тайгу?

— Дороги нету, а тропа идет вот по этой речушке,— сторож ткнул цыгаркой в сторону небольшой речки, которая вырыва-лась из узкого, будто топором прорубленного ущелья.

Голубев зашагал к ущелью. Узкое при устье речки, оно внезапно расширилось, открывая широкую заболоченную до-лину. Высокие кочки с пучками пожелтевшей травы густо те-снились по обеим берегам, утопая в ржавой болотной воде.

«Надо гатить,— решил Голубев, с трудом вытаскивая сапоги из липкой грязи,— иначе угробим всех лошадей».

Оставляя болото в стороне, широкая конная тропа вскоре спустилась к речке и, перепрыгивая с берега на берег, змеей закружилась вдоль русла. Вплотную к воде подступал лес.

Между могучих кедров-великанов островками желтели небольшие группы берез, изредка ярким пламенем вспыхивали на солнце красные листья рябины и черемухи. Почти вся трава уже полегла, и только двухметровые сухие будылья мед-вежьей пучки упрямо стояли под солнцем, разбрасывая свои бесчисленные семена. На них висели серебристые кружева паутины, усеянные капельками росы. Каждая капля в лучах солнца горела радугой.

«Славно,— подумал Голубев, с удовольствием вдыхая свежий смолистый воздух.— Бабье лето — самая хорошая пора в тайге. Постояла бы такая погода подольше».

Поднявшись по долине километров на десять, он выбрал место у основания кедра, где толстая подушка опавшей хвои мягко пружинила под ногами, снял рюкзак.

Мокрая от пота рубашка приятно холодила натруженные плечи. Голубев прилег на сухую желтую хвою, как на перину. Огромная крона многовекового кедра закрыла от глаз небо.

«Под такой крышей можно неделю спастись от дождя,— думал Голубев, любуясь толстыми — по полметра в диаметре — нижними сучьями, покрытыми темной рисунчатой корой. Внезапно он вспомнил, что такой же рисунок, но облагороженный светлым лаком, видел вчера на столе начальника экспедиции.

Хватов, учившийся в техникуме в одной группе с Голубевым, встретил его подчеркнуто вежливо.

Запретив секретарю принимать кого бы то ни было, он усадил Голубева в мягкое кресло, подвинул ближе к нему массивную пепельницу замысловатой формы и пачку папирос «Казбек».

— Рассказывай, старик, как прожил эти десять лет. Каких вершин достиг.

Голубев не спеша закурил папиросу, с любопытством оглядывая кабинет. Книжные шкафы, поблескивающие стеклом и полировкой, мягкие стулья и кресла, шелковые отглаженные шторы и тяжелый сейф — все было на своих местах и радовало глаз чистотой и уютom. На большом письменном столе — два телефона и букет осенних цветов. Устоявшийся слабый запах табака, цветов и одеколона наполнял кабинет начальника экспедиции.

Хватов сел за стол, взял из ящика трубку с прямым длинным чубуком, искрешил в нее три папиросы. Прикуривая, высоко поднял густые темные брови. Матово-белая кожа на высоком, с большими залысинами лбу слегка сморщилась. Четкого рисунка губы дрогнули в улыбке. Ему нравилось, что Голубев смущен непривычной обстановкой и, наверное, встревожен мыслями о новой работе.

— Что же ты молчишь, Владимир Андрич? — не вытерпел Хватов.

— Прожил неплохо, — весело отозвался Голубев, — а вот насчет вершин дело хуже: выше Царь-Камня не поднялся, а там высота над уровнем моря всего тысяча девятьсот метров.

— Знаю, — обрадованно подхватил Хватов, — слышал о твоих делах на Царь-Камне. И о Черном озере знаю. Управ-

ление тебя как-то в приказе поминало. Однако постарел ты, братец, за эти годы. Смотри, сколько морщин.

— Солнышко помогло,— пошутил Голубев.— Мы ведь там к нему поближе были, а очками пользовались не всегда — больше вприщурку обходились. Ну и ветерок помогал дубить кожу.

— Кара-Тайга — твердый орешек,— предупреждая вопросы Голубева, начал Хватов.— На ней не только зубы, но и шею сломать можно. Тебя называли покорителем Царь-Камня. Надеюсь, что и здесь ты не оплошаешь.

— Пока сам не увижу — говорить воздержусь,— перебил Голубев.— Раньше мне было проще: я, в основном, отвечал за себя и за свою работу. Только в последнее время мне дали целый участок, а здесь сразу даете партию.

— Даю, потому что я тебя знаю, я тебе доверяю и потому, что ты работал на гольцах много лет. Я тебя рекомендовал.

Видя, что Голубев хочет что-то сказать, Хватов положил ему на плечо руку, слегка придавил.

— Самое трудное на Кара-Тайге сейчас — кадры. Там у меня весь сброд — хоть сегодня разгоняй, хоть завтра. Частично в этом виновата экспедиция, а в основном, — исполняющий обязанности начальника партии Саблин. Он вербует себе кадры на вокзалах, в каких-то кабаках и черт знает где. Берет зачастую без документов. Однажды при мне в городской столовой к нашему столику подсел какой-то бродяга, и Саблин через пять минут уговорил его ехать на Кара-Тайгу. Я вмешался, спросил у этого типа документы, а он засмеялся и говорит: «В данный момент у меня есть справка, что в детстве я корью не болел». И что ты думаешь — Саблин взял его. Ошибся я: выдвинул Саблина на эту должность. Вот уж поистине правы китайцы, когда говорят: «Прежде чем проглотить, подумай, как будешь отрыгивать».

Хватов свободно откинулся на спинку кресла и, прикрыв бледными, почти белыми веками светло-голубые глаза, заговорил быстро, словно опасаясь, что его перебьют на полуслове:

— Саблин, мягко выражаясь, — авантюрист. Самовольно, без разрешения экспедиции, изменил план работ. Третий месяц вместо запланированных шурфов проходит канавы. Канавы оплачиваются банком намного дешевле, чем шурфы. Сейчас уже ясно, что партия и экспедиция не выполняют квартальный план по проходке шурфов, а также план в денежном выражении. Ты знаешь, чем это пахнет?

Он болезненно сморщился, кончиками тонких пальцев потер виски, сказал, словно оправдываясь:

— Я, как на грех, вздумал этим летом подлечиться и взял

на два месяца отпуск, а помощники мои упустили время. Сейчас просить об изменении плана поздно, да и вообще неудобно — на это всегда смотрят косо. Надеюсь на тебя. Ты должен обуздать Саблина, поставить его на место и в оставшиеся дни месяца выполнить план по проходке шурфов. Прошу тебя поменьше обращать внимания на всяческие рассуждения Саблина. Месторождение то ли будет, то ли нет, а экономические показатели за квартал должны быть. План — закон.

Табачный дым синим облаком уже стлался по кабинету, а Хватов раскурил новую трубку и говорил с явной иронией:

— Саблин — первооткрыватель. Поэтому с ним управленцы и носятся, как дурак с писаной торбой. Тоже мне — герой Сибири. Повезло ему на преддипломной практике — вот и все. Сейчас он окружил себя подхалимами вроде Картошина, а они трезвонят на всех углах: «Ах, Михалыч! Молодец, Михалыч!»

— Кто этот Картошин? — спросил Голубев, желая перевести разговор на другую тему.

— Картошин? — небрежно махнув рукой, ответил Хватов. — Это не геолог, а какая-то бледная немочь. Ему няньку надо, чтобы слюни и сопли вытирала, а он напросился в такую трудную партию.

— Зачем же его туда направили?

— Да все Саблин...

Хватов встал и, широко шагая по мягкой ковровой дорожке, прошел к двери и обратно. Остановился против Голубева, сказал с досадой:

— Саблин упрям, как бык. Прав он или не прав, а режет, как ножом, и все напрапалую. Для него нет никаких авторитетов. Вот полкубуйся.

Хватов перебросил со своего стола Голубеву нухлую папку.

— Это докладные, рапорта и жалобы ушедшего на пенсию начальника. Килограмм жалоб за полгода, и каждая посвящена Саблину.

— А от Саблина что-нибудь есть? — поинтересовался Голубев, перелистывая аккуратно подшитые бумаги.

— Ни одного слова. Очевидно, считает это занятие для себя зазорным.

— Да, поведение непонятное, — задумчиво протянул Голубев.

— Не только непонятное, а я бы сказал — вольное, даже дерзкое.

Хватов открыл окно и, продолжая ходить по кабинету, рассказывал:

— Вот тебе для примера один случай. Этим летом, когда в горах начали таять снега, неожиданно поцпи сильные затяж-

ные дожди. Метеослужба предупредила меня о возможном наводнении. Я немедленно послал всем начальникам партий радиограмму, чтобы они заблаговременно приняли все меры и сообщили о них в тот же день последним сеансом связи. Случилось так, что начальника на базе не было, а этот наглец мне ответил дословно так: «Вашу номер сто тридцать пять получил. Люди, лошади, имущество, снаряжение и продукты подняты на Кара-Тайгу. Абсолютная отметка 1870 метров. Надемся спастись даже в случае всемирного потопа».

Голубев невольно улыбнулся, а Хватов, распалаясь все больше и больше, стукнул кулаком по столу, сорвался на крик:

— Нет. Посуди сам. Какая наглость!

— А может быть, просто неудачная шутка?— заступился Голубев.

— От таких шуток плакать хочется,— нахмурившись, ответил Хватов.— Ты смотри там за этим шутником повнимательнее. Дела там — хуже некуда. В последнее время по канавам отобрано огромное количество проб, а вывезти их к дробилке невозможно. Саблин бросил на это дело всех лошадей, не подготовив дорогу, и за один рейс почти всех искалечил. Сейчас партия живет практически без транспорта. Грузы скапливаются на перевалочной базе в Кедровке. На базу партии в Снежный нельзя завезти даже продукты. А управление требует немедленно готовые пробы, чтобы к концу года оценить месторождение. Я попрошу тебя подготовить на всякий случай материал о гибели лошадей для передачи в суд. Работы тебе будет по горло и выше. Если справишься, на меня в обиде не будешь. Я знаю, ты был все эти годы в загоне. Считаю Кара-Тайгу для себя временной ступенькой, трамплином для прыжка вверх. Сделаешь Кара-Тайгу и примешь экспедицию. Это я гарантирую.

— А ты не гарантируй,— усмехнулся Голубев.— Ступеньки, лесенки, трамплины — дело шаткое и больше подходит цирковым артистам, а я — человек простой и люблю землю под ногами.

Хватов незаметно поморщился, но спросил спокойно:

— Не думаешь ли ты, Владимир Андреевич, что я тут в облаках витаю?

— Нет, Дмитрий Харитоныч, не думаю. Наоборот,— думаю, что ты здесь на базе сделал много полезного и окопался крепко. Построить такой поселок и создать такие условия — надо потрудиться. Если и в партиях у тебя все так капитально сделано, то лучше и не придумашь.

Хватов помолчал. Нежно погладил зеркально-гладкую

крышку стола и прищурился, любуясь благородным рисунком дерева, просвечивающим через лак. Сказал подчеркнуто скромно:

— Времени даром не терял. Экспедиция систематически выполняет план. Премии получаем каждый квартал.— Кивнул на знамя, стоящее в углу:

— Ну и все остальное, что полагается по заслугам.

...Где-то рядом коротко свистнул бурундук. Не поворачивая головы, чтобы не спугнуть зверька, Голубев осторожно скосил глаза. Бурундук стоял на ветке кедра, как полосатый столбик, поблескивая бусинками глаз. Голубев нечаянно моргнул. Бурундук тревожно свистнул и исчез в кустах.

«Кончай отдыхать!— скомандовал себе Голубев и легко поднялся на ноги. Переходя вброд речку, он внимательно осмотрел на отмели гальку. Одну, покрытую ржавым налетом, поднял и, пожалев, что нет с собой молотка, разбил о крупный валун. В свежем изломе порода была окрашена в стально-серый цвет и матово отсвечивала металлическим блеском. Обломок заметно тяжелил руку.

«Так вот она какая, руда с Кара-Тайги,— обрадовался Голубев.— Далеко ее несет по речкам».

Усталость исчезла сразу, как это всегда бывает у поисковиков, когда удается найти руду. Непередаваемое, испытанное много раз чувство азарта, близкой удачи схватило Голубева.

«Все эти годы ты был в загоне»,— вспомнил он слова Хватова и презрительно усмехнулся.— Эх ты, кабинетный разведчик! Да за такие минуты можно работать годами. А у меня каждый год была удача».

Крепко сжимая в руке образец руды, он, по привычке, свернул с тропы и направился вверх по течению, пристально оглядывая валуны и гальку.

Густой тальник, непроходимой стеной вставший перед ним, заставил его опомниться.

— А, черт, совсем забыл, что я теперь администратор,— пожалел он, выбираясь на тропу.— И как я поддался на уговоры управляющего? Чем он меня околдовал, лобастый дьявол?

Голубев положил образец в карман, задумался, вспоминая на ходу:

«Объект — трудный во всех отношениях: разведочные работы в гольцовой части района, дорог нет, жилья почти нет, аэродром в двадцати километрах. Там все плохо: плохой климат, плохое снабжение, очень плохие отношения между

руководством партии и экспедиции. Но там, по данным немногочисленных анализов,— отличная титаномагнетитовая руда».

— Вот чем он меня взял,— Голубев громко рассмеялся, восхищенно покрутил головой.— Ай да старина! Ай да молодец! Охмурил за полчаса и даже сумел ничего не пообещать. Нет, здесь я вру. На прощание сказал:— «Если будет туго, прощу ко мне без всяких церемоний в любое время».

Оставшуюся половину пути Голубева ни на минуту не покидало хорошее настроение. Преодолевая последний крутой и затяжной подъем, он с любопытством оглядывался, отмечая в уме участки, годные для строительства дороги.

Лес заметно поредел. Начались курумы — крупноглыбовые каменные осыпи, заросшие местами травой и мхом.

Голубев миновал длинную рубленую конюшню, возле которой понуро стояли разномастные лошади, и, привалившись рюкзаком к высокому пню, остановился, с трудом переводя дыхание.

Недалеко от тропы белела выцветшая на солнце четырехместная палатка.

«Ну и подъем. Как же завозить грузы?» — с тревогой подумал он, оценивая пройденный путь.

В палатке громко заговорили, загремело ведро. Потом послышался смех. Кто-то, дурачась, нарочито громко запел, подыгрывая на гитаре:

— Раз в уютном кабачке сидели, боже мой,
Лешка Саблин сам туда зашел.
И, когда порядком окосели,
Он нас всех в тайгу завербовал.
В края далекие, гольцы высокие,
На склоны гор, где гибнут рысаки.
От вин, от курева, житья культурного
Зачем забрал? Начальник, отпусти!
От вин, от курева, житья культурного
Зачем забрал? Михалыч, отпусти!

«Ого! Про Саблина даже песни поют!» — удивился Голубев.

— Хватит, Колька, душу мотать,— оборвал песню грубый женский голос.— Собирайся в столовку, может быть, сегодня хлебом разживемся, а то опять опоздаем, и придется крошки и корки жевать.

— А почему это мне идти за хлебом? — обиженно загнул Колька.— Это дело надо разыграть честно, чтобы никому не было обидно. Давай карты, Катюха.

«Работнички!» — ахнул про себя Голубев.— Очередь за хлебом и ту в карты разыгрывают».

— Вы не знаете, где сейчас можно найти Саблина?— спросил он, догоняя Кольку.

— Михалыча? Смотри по поселку, где собаки табуном ходят, там он и есть. Это примета верная. Они его любят,— улыбаясь, ответил Колька.

— Час от часу не легче,— буркнул Голубев, поглядывая по сторонам в надежде увидеть собак.

Глава II

Не встретив на своем пути ни одного человека и ни одной собаки, Голубев прошел через весь поселок, вытянувшийся вдоль бурного пенистого ручья, и остановился возле крайнего дома. Рядом с домом на самом берегу сидел худенький паренек в больших круглых очках и подбривал реденькую бороденку.

Неуклюже растопырив локти, он неуверенно водил по лицу узким лезвием бритвы и морщился от боли. Свежие порезы, заклеенные клочками газеты, сочились кровью, но он мужественно продолжал начатое дело. Окончив бритье, он умылся холодной водой из ручья и снова заклеил раны бумагой.

Приблизив почти вплотную к лицу круглое зеркальце, паренек долго и внимательно рассматривал свою физиономию, придавая ей различные выражения: то грустно-задумчивое, то сурово-спокойное, то мрачно-отрешенное.

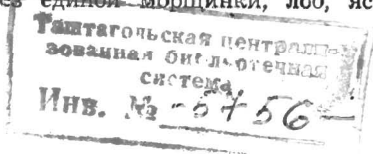
Не удовлетворившись ни одним, он свел к переносице и грозно нахмурил тонкие черные брови и выпятил вперед нижнюю челюсть, обросшую скудной растительностью неопределенного цвета. В результате таких ухищрений лицо приобрело зверски кровожадный вид. Отведя зеркало на длину вытянутой руки, паренек явно любовался грозным выражением своего лица.

Вдруг в зеркале мелькнуло отражение улыбающегося Голубева. Паренек покраснел и быстро спрятал зеркало в карман. Суетливо собирая бритву, мыло и кисточку, он нагнулся, и Голубев увидел, что покраснела даже тонкая нежная его шея. Молчать дальше было невозможно. Голубев, делая вид, что только сейчас подошел, кашлянул и поздоровался.

Паренек обернулся.

«Если бы не очки и не борода,— подумал Голубев,— принял бы его за девушку».

У парня был чистый, без единой морщинки, лоб, ясные



голубые глаза с чуть загнутыми длинными ресницами и прямой нос. Он смущенно улыбался.

— Здравствуйте,— сказал он по-мальчишески звонко.— Вы, наверное, новый начальник партии.

Голубев утвердительно кивнул.

— Техник-геолог Николай Картошин,— пожимая Голубеву руку, представился паренек.— Меня Леонид Михайлович специально оставил сегодня в поселке, чтобы вас встретить и проводить на квартиру.

— А где сейчас Леонид Михайлович?

— Задерживается на выработках. У нас в последние дни вскрывается канавами очень интересная руда, и Леонид Михайлович днюет и ночует на участке работ.

— Ну, что ж, придется подождать.

— Одну минуточку,— попросил Картошин,— я занесу свой инструмент и отведу вас домой.

Половина дома, выделенная начальнику, была вымыта. Возле порога одиноко пестрел круглый домашней работы полочник, напоминая о том, что где-то еще существует налаженная годами спокойная, уютная жизнь. Остальная обстановка была предельно сурова: стол, топчан, три табуретки, грубо сколоченные из сырых досок, и легкая печка-барабанка из кровельного железа.

— Это квартира бывшего начальника партии, который ушел на пенсию,— пояснил Картошин.— Ее берегли для вас.

— У него была большая семья?— спросил Голубев, рассеянно оглядывая огромное пустое помещение.

— Семья жила в городе, а начальник— здесь один.

— Да ведь здесь в футбол можно играть,— шутливо заметил Голубев,— площадь вполне позволяет.

— Играть вряд ли, а тренироваться можно,— подтвердил Картошин.— Но вам с дороги, наверное, надо отдохнуть и поесть. Леонид Михайлович велел мне организовать для вас спальный мешок и обед. Я побегу.

За час Картошин организовал все: на столе появилась керосиновая лампа, консервные банки, пакеты с печеньем и пряниками, в углу— ведро с водой и кружка.

В печке весело трещали сухие мелко наколотые дрова, кипел чай в большом семейном чайнике. Картошин на правах хозяина открыл консервы, пригласил Голубева к столу.

— Выбор у нас небогат, но другого ничего нет,— смущенно сказал он, подвигая к Голубеву твердокаменные пряники и пачку печенья.— Хлеба хорошего нет. Пока доведут из Кед-

ровки во вьюках хлеб, от него остаются одни крошки и корки. И это в лучшем случае, при условии, что нет дождя.

Он сокрушенно вздохнул и, печально оглядывая стол, добавил:— А если идет дождь, то и крошек не получишь. Консервами тоже не балуют: сейчас остались только крабы и шпроты. Так сказать,— деликатесы.

Голубев ел крабов с печеньем и хмурился.

— Мы уж крабов так не едим,— рассказывал Картошин.— Мы их сначала жарим на сковородке с луком и с перцем — иначе глаза на них не смотрят. Через пару недель и вы от них откажетесь.

Вечером начался дождь. Голубев подкинул в печку пару поленьев потолще, оставил дверцу открытой и подсел поближе к огню. Глухо стучал по крыше дождь, гудел в печке огонь, хотелось спать.

Согнувшись на табуретке и глядя на прыгающее пламя, он тоскливо думал:

«И зачем я полез в эту дыру? Это же настоящее самоубийство: невывезенная взрывчатка без охраны, сто пятьдесят человек, которые питаются жареными крабами и вместо хлеба едят печень, искалеченные лошади, инженер, сорвавший план, бросивший хозяйство и пропадающий целыми днями на выработках. Не уйти ли обратно, пока не увели под конвоем, пока еще не поздно?» Мысли текли, как вода по мелкому перекату, разбиваясь на отдельные не связанные между собой струйки, виляя в разные стороны, исчезая и появляясь вновь: «Столько лет отдал Царь-Камню, а кончат ребята будут без меня... Здесь все сначала... Интересно бы было посчитать: сколько километров пройдено за эти годы только в маршрутах?. Ребята сейчас, наверное, жмут изо всех сил — погода добрая... Там не потеряют ни одного дня, а здесь?.. Как-то мы еще сойдемся с Саблиным? От этого зависит все. Судя по тому, что удалось увидеть, тут проще: рядом поселок леспромпхоза, а там — на сто километров вокруг ни жилья, ни человека...»

Услужливая память рисует обрывистые склоны непроходимых долин, хребет Потогонный, а за ним на фоне хмурого неба седую от снега громаду Царь-Камня. Между скал мечется ветер и воет так, что волосы поднимаются дыбом. Альпийские луга в буйном цветении трав, а выше никогда не тающие снежники... Из болота сломанным клыком торчит скала, целиком состоящая из железной руды — первая находка... Единственная тропа прыгает с гольца на гольц, вьется между курумов, теряется среди камней. Густой туман поднимается из

долин, закрывает горы... Непроглядный буран, когда на минуту нельзя повернуться лицом к ветру, надо идти... Лыжи вязнут в рыхлом снегу, люди проваливаются по пояс и меняют идущего впереди через каждые двадцать метров. Пот заливал глаза, насквозь пропитывает ватную фуфайку на спине и превращается в тонкий хрустящий ледок. Впереди девушка. Схватывается белым паром ее дыхание, оседает колючим серебряным инеем на мохнатой шапке. Встречный ветер треплет за спиной концы красного шарфа. Голубев останавливается, чтобы поправить крепление правой лыжи. Красный шарф мелькает далеко впереди. И вдруг — слитный глухой шум, словно вздохнула гора. Сбитый воздушной волной, он падает в снег. Впереди рассеивается и медленно оседает снежная пыль. Там, где мелькал красный шарф, через всю долину стеной громоздятся многотонные глыбы снега вперемешку со стволами деревьев. Тонкая нить лыжни обрывается возле снежного завала. Задышавшись от напряжения, Голубев преодолевает завал, ищет глазами лыжню. Лыжни нет. Значит...

Боже мой! Прошел год, но стоит вспомнить, и сердце плачет, словно это было вчера.

Чтобы забыться, он встал, подошел к окну и долго стоял, глядя в темноту, но это не помогло: перед глазами неотступно — холмик земли над могилой той, что была ему дороже всего на свете.

И снова неумные мысли:

«Как ни трудно, а одолели Царь-Камень. Правда, там люди были подобраны один к одному и проверены не одним днем, а годами совместной работы... Первую буровую вышку выносили на голец на плечах по одному бревнышку... А здесь очередь в карты разыгрывают... Там был опытный осторожный начальник. Его бы сюда. Он бы навел порядок... Порядок. Какой порядок?.. Нужно присмотреться хорошенько к Саблину и... Но не торопиться... Порядок!»... Тяжелая дрема смежила веки, спутала мысли.

В сенях что-то брякнуло, застучали подковки сапог, кто-то шарил рукой по стене, нащупывая ручку двери. Голубев открыл глаза, потер щеки, отгоняя сон. Через порог широко шагнул высокий бородатый мужчина в брезентовом плаще, накинутом на плечи. Щурясь от яркого света, спросил:

— Вы начальник?— И не ожидая ответа, представился:— Главный инженер Саблин.

Руки не подал. Сбросив насквозь промокший плащ, кинул на гвоздь — ближе к печке. По стене метнулась широкая тень, будто крупная птица взмахнула крылом. Почти незаметно

прихрамывая, прошелся по комнате. От плаща по комнате шел смешанный запах сырой земли, костра, махорки и еще чего-то, вроде бы порохового дыма. Небрежно пригладив пышный чуб, Саблин резко повернулся к свету. Голубеву открылись крупные мужественные черты смуглого лица, густая черная борода, карие, по-юному живые, веселые глаза. Они откровенно оценивающе рассматривали Голубева. Дрогнули в усмешке красные, словно подкрашенные, толстые губы:

— Вы на гольцах работали?

Голубев понял: на карту ставятся будущие отношения, ответил спокойно:

— Пять лет на Царь-Камне.

— О... мне все ясно,— с уважением протянул Саблин. Толчком ноги двинул табурет, сел напротив. И тоном ниже:

— И сколько из них вы работали начальником партии?

— Ни одного дня.

— Вот это — да! — искренне огорчился Саблин. — Да вы знаете, какая это работа? Особенно здесь! Наш Фэ Фэ, то есть Федор Федорович Мищенко, проработал начальником двадцать три года, а здесь в последнее время перед выходом на пенсию стал заговариваться. Люди здесь случайные, не то что где-нибудь на заводе, где все знают друг друга по двадцать и по тридцать лет. Или в колхозе, где председатель знает своих людей, как облупленных. Там можно легко ориентироваться, там каждый на своем месте, каждый проверен временем. А здесь... — Саблин насутился и безнадежно махнул рукой. — Здесь что ни человек — то загадка. Достаточно сказать, что на заготовке дров у нас работает спившийся профессиональный дирижер симфонического оркестра, а напарник у него — кассир-растратчик. И так везде, кроме горного цеха. Там пятьдесят процентов бывших старателей с золотых приисков. Это настоящие специалисты своего дела. Они могут делать все: проходить горные выработки в сложнейших геологических условиях, строить дома и отбирать пробы. У них никакое дело из рук не валится. И самое главное — им можно полностью доверять. Про остальных этого не скажешь. Собраны, как говорится, с миру по нитке. Вдобавок ко всему — тяжелейшие природные условия. Хватов обещал, что добьется назначения опытного человека. — Он с сожалением посмотрел на Голубева и участливо спросил: — Как же вы согласились?

— Волков бояться — в лес не ходить. Вы же тоже согласились, когда это стало необходимо.

— Ну я, положим, согласился на эту проклятую должность только временно. Постоянно работать начальником я не со-

глашусь даже под страхом смертной казни. Черт бы тут работал: числишься начальником, а работаешь то грузчиком, то прокурором, а то и вышибалой в самом буквальном смысле этого слова.

— Леонид Михайлович, давайте без паники, а то я испугаюсь и завтра же убегу.

— Я вас не пугаю. Я стараюсь пояснить вам, что это за должность. Вы хоть бухгалтерию знаете?

Голубев покачал головой.

— Ну вот. А это такое темное дело, где вообще ничего не поймешь. Нас в институте не учили этим дебитам и кредитам. Бухгалтер смотрит на меня как на врага народа, а у меня, ну хоть убей, нет времени сесть и разобраться во всех этих бумажных хитросплетениях. Устаю зверски: геологи малоопытные, объем работ большой, но успевать надо везде. Одним словом, я в каждой бочке затычка. Мне *хоть бы в геологии разобраться*, не то что... Саблин провел по столу рукой, словно отменяя в сторону что-то лишнее, спросил:

— Титан разведывали?

— Не приходилось. Но надеюсь, что с вашей помощью, Леонид Михайлович, я...

— Я постараюсь объяснить положение. Месторождение находится почти на вершине Кара-Тайги. Туда можно добраться только пешком, потому что подходы закрыты курумами. Мы отобрали около двадцати тонн проб, но вывезти их не можем. Товарищ Хватов, наверное, жаловался на меня?

Саблин помрачнел, упрямо нагнул голову. Голос стал глуше:

— Мы сделали все, что могли: взорвали остатками аммонита наиболее крупные глыбы, заложили мелким камнем провалы и трещины и провели лошадей на участок работ. Все шло хорошо, но на обратном пути нас накрыл внезапный буран. В снежной каше мы сбились с тропы и за малым не погубили всех лошадей. Люди стелили под копыта коней свои фуфайки, куртки, плащи, потники и седла, но часть лошадей все же искалечили. Сейчас нужно тонн шесть аммонита, чтобы окончательно доделать конную тропу и вывезти пробы. Аммонит уже доставили в Кедровку самолетами, но его не на чем вывозить.

— Положение с аммонитом — аховое, — согласился Голубев. — И до меня просто не доходит: как вы можете хранить две недели взрывчатые материалы вне склада и почти без охраны? За такие фокусы — прямая дорога за решетку.

Смуглое лицо Саблина дрогнуло, мягкие карие глаза стали

черными. Сдерживая себя, он сказал срывающимся от злости голосом:

— А... а... будь оно все трижды проклято! Знаю — виноват. Но кто мог предвидеть, что будет снег и буран в августе, что мы летом среди бела дня собьемся с тропы и останемся без лошадей!

Он ожесточенно потер рукой лоб, устало попросил:

— Только не страшайте вы меня, ради всего святого! Вот взяли все в привычку: как чуть что, так тюрьмой пугают. Я уже говорил и еще раз скажу: дальше Кара-Тайги меня сослать не могут, а в любом другом месте я буду жить лучше, чем здесь. В тюрьме раз в неделю буду кино смотреть и есть буду регулярно три раза в сутки. Так зачем же меня ею страшать? Разве от этого будет легче? Разве я здесь ради денег работаю? Взрывчатку надо вывозить и бомбить курум. Работы на этой тропе непочатый край.

— Лбом стену не прошибешь, — вставил Голубев. — Надо искать обходной путь через курум.

— Разве мы не искали? — Саблин вскочил, прихрамывая, быстро заходил по комнате из угла в угол. Черная тень заметалась по стене и по потолку, затем остановилась, нависла над столом.

— Везде черт ногу сломит: с трех сторон курумы — с четвертой отвесный обрыв, куда и смотреть-то страшно.

Он тяжело вздохнул, поморщился как от внезапной боли и вынул из кармана кисет. Присел к столу, протянул кисет Голубеву. Зажег спичку и, пряча ее глубоко в согнутых ладонях, дал прикурить.

«Таежник, — отметил про себя Голубев, глядя, как бережно Саблин держит спичку, — на любом ветру прикурит».

Они сидели молча и курили, прислушиваясь к шуму дождя. Саблин пытливо посматривал на нового начальника партии, ждал. Голубев дымил сигаркой, невесело думал: «Ну и влип я с этим назначением».

Широкое скуластое лицо его было неподвижно. Кустистые белесые брови хмурились, пряча затравленное выражение глаз. Он нагнулся, подкинул в печку полено, не глядя на Саблина, спросил:

— А план?

Саблин раздраженно фыркнул:

— План — штука простая. План должен соответствовать проекту. К сожалению, наш проект писали люди, которые видели Кара-Тайгу один раз, да и то на карте, а план давали работники экспедиции, не видевшие ее и на карте. И хотя в

проекте геологические и горнотехнические условия искажены не очень сильно, недостатков много: в плане абсолютно не учтены климатические факторы, позволяющие проводить разведку канавами только в летний период. Так что нам теперь делать? Богу молиться на этот план и, вопреки своей совести, бить шурфы только для его выполнения? Ведь план на нашей стадии разведки — условность!

— План, доведенный до исполнителя, не условность, а закон,— резко возразил Голубев.— Неужели нельзя было согласовать его с экспедицией вовремя?

— Пытался я это сделать, да все без толку. Сначала Фз Фэ уперся и не захотел разговаривать на эту тему, а потом Хватов уехал в отпуск. Сейчас в проходке всего два шурфа, без которых не обойтись.

— Не довели до конца начатое дело, не пересмотрели план и теперь расхлебываете,— подытожил Голубев.— Но все это мы переживем, лишь бы не страдала разведка месторождения.

— Разведка нашего месторождения — дело сложное,— голос Саблина неожиданно потеплел, лицо словно просветлело, а в черной бороде блеснула белозубая улыбка. Он заторопился, потянул из сумки многократно сложенный, испачканный землей лист ватмана.— Смотрите.

Бережно разглаживая на столе выдавший виды рабочий план месторождения, Саблин встал и заговорил взволнованно, будто перед большой аудиторией:

— Одиночные пробы с этой огромной площади,— рука Саблина с аккуратно подстриженными ногтями тяжело легла на центр плана,— характеризуются резким непостоянством содержания титана. Нет двух рядом пройденных шурфов с приблизительно одинаковым содержанием: в одном руда едва дотягивает до кондиций, а в другом — ураганное содержание, в третьем — пустая порода. А расстояние между шурфами всего десять метров. Как видите, распределение полезного компонента крайне капризно. Вывод: для определения перспектив месторождения надо иметь, на первый случай, хотя бы три сплошных разреза, расположенных друг от друга в пятистах—тысяче метрах, опробованных систематически, метр за метром. Только тогда мы можем говорить о промышленном значении месторождения и просить деньги на предварительную разведку.

— Какова мощность наносов?— перебил Голубев.

— Центральная и северная части рудной зоны закрыты маломощными наносами от двух до трех метров. Их можно легко и быстро вскрыть канавами. Но канавы на гольцах:

можно проходить только летом. Вы работали на Царь-Камне, и доказывать вам этого не надо. В южной части,— рука передвинулась к нижней кромке листа,— наносы достигают десяти-пятнадцати метров. Здесь потребуется много времени и сил, чтобы вскрыть коренные породы, а эффект работ будет ничтожен: из каждого шурфа мы возьмем одну метровую пробу. Даже при десятиметровом интервале между двумя шурфами останется десять метров неопробованных пород. Достоверность оценки при таких результатах опробования приблизительно равна одной шестой. А мы должны знать точно, стоит ли нам вкладывать большие государственные деньги в это месторождение.

Саблин глубоко вздохнул, настороженно глянул в глаза Голубева: «Понимает ли?»

Голубев слушал внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова.

Встретившись с твердым немигающим взглядом Голубева, Саблин повеселел: «Понимает».

Он опустил на табурет, заговорил спокойнее:

— Наша задача — как можно быстрее, используя короткий летний сезон, вскрыть и опробовать руду в центральной и северной частях месторождения. Оценку южной части я сознательно оставляю на осень и зиму. Зимой легче очистить от снега устье шурфа, чем канаву. Зимой в шурфах легче вентилировать воздух после взрыва: они сами быстро вентилируются за счет разницы температур. Зимой меньше приток воды, а верховодка вообще не страшна. Ну, а главное — время.

— Были бы люди, а времени хватит,— вставил Голубев.

— Я думаю, что через месяц — максимум полтора мы закончим канавные работы и полностью отберем пробы. Четвертый квартал можем посвятить югу и организовать там только шурфовые работы. Под толщей наносов мы будем проходить не торопясь рассечки, соединяя соседние шурфы, и опробовать метр за метром все вскрытые породы. Конечно, план этого квартала по шурфам мы проваливаем с треском. Естественно, горит выполнение плана в деньгах, потому что канавы оплачиваются банком намного дешевле. Но пусть оно горит сегодня, если завтра мы сможем дать достоверную оценку месторождения. Не убьют же нас плановики. Впереди еще квартал, когда мы будем проходить только шурфы. Годовой план мы все равно выполним и убытки этого квартала перекроем. Вот успеем ли вывезти пробы к дробилке и обработать их до годового отчета?

— Как настроены люди? — осторожно спросил Голубев.

— Что люди? — не понял сразу Саблин и снова повел по столу рукой, будто отстраняя что-то лишнее.

— Люди у нас с тобой, — незаметно переходя на «ты», сказал Голубев, — не разбегутся к зиме от такой веселой жизни? Заработки малы, жилья не хватает. Даже хлеба нет настоящего.

— Но это же временно! Я ведь тебе объяснял! — загорячился Саблин. Его борода взъерошилась и стала похожа на растрепаный веник. Он смотрел на Голубева непонимающими ясными глазами и совсем по-детски обиженно выпятил толстую нижнюю губу.

— О хлебе можно не беспокоиться, Владимир Андреич, завтра мы будем пробовать свою пекарню. Надо ли еще объяснять?

— Надо объяснять не мне, — жестко сказал Голубев, нажимая на последнее слово. — Надо объяснять людям, пока еще не поздно.

— Люди поймут, — заверил Саблин. — Мы же делаем одно дело и живем в абсолютно одинаковых условиях — найдем общий язык.

— Ты меня, Леонид Михайлович, извини, но на голом энтузиазме долго не продержишься. Ты сам говорил, что люди разные, что каждый человек — загадка. Пока тепло, они еще здесь, но они видят, что для них ничего не делается. Кто даст гарантию, что с наступлением холодов они не дрогнут и не побегут пачками с Кара-Тайги? Такие случаи бывали. Коммунисты здесь есть?

— Н... не знаю, — растерялся Саблин.

— Нда, — крикнул Голубев. — Это здорово.

— Так ведь и Мищенко... — начал Саблин.

— Давай оставим старого начальника в покое, — оборвал его Голубев. — Что было, то было. После нас придут другие и тоже найдут массу ошибок. Не стоит тратить на это время — его и так мало. За день я посмотрелся и послушался такого, что голова идет кругом. Самое больное место — транспорт. Я видел издали лошадей...

— Я приму вину на себя! — крикнул Саблин.

— Не трудись. Она и так твоя, — отрезал Голубев. — В гольцах все тропы надо обозначать на местности вешками. Ты должен был это знать.

Саблин согнулся как от удара. Лицо его медленно наливалось кровью. Голубев не хотел с первой встречи обижать инженера. Он примиряюще тронул Саблина за плечо и сказал мягко:

— Положение мне ясно. Давай сейчас подумаем, что надо делать.

— Приказывайте,— Саблин обиженно выпятил губы.

— Леонид Михайлович, не надо лезть в пузырь. Начальник, у которого я работал последние пять лет, никогда нам не приказывал, но каждую просьбу его или замечание мы привыкли рассматривать как приказ. Я буду рад, если нам удастся установить подобные отношения со всеми инженерами и техниками. Бери-ка карандаш и бумагу и записывай все наши нужды, все нерешенные вопросы.

К полуночи, когда в лампе выгорел почти весь керосин и стекло покрывала густая копоть, а по комнате залетали пушистые хлопья сажи, Саблин швырнул на стол наполовину исписанную тетрадь и, облегченно вздохнув, потянулся так, что хрустнули суставы.

— По объему — сборник задач для третьего класса,— оценил Голубев, перелистывая страницы, исписанные широким броским почерком,— а по содержанию каждую задачу надо решать академикам.

— С чего будем начинать?— утомленно закрывая глаза, процедил сквозь зубы Саблин.

— С людей надо начинать, Леонид Михайлыч. Вдвоем мы эти задачки до гроба не перерешаем.— Голубев положил тетрадь перед Саблиным.— Выбери из тетради самое главное. Завтра соберем общее собрание. Прошу тебя выступить с докладом о задачах партии. На мелочах останавливаться не стоит. Они сами выплывут по ходу.

— Ну какой из меня оратор, Владимир Андреич!

— Я сегодня слушал тебя с интересом. Если на собрании ты будешь говорить так же, люди поверят. Пусть не все, пусть пока какая-то часть. Но если они поверят, то помогут.

— Постараюсь.

Саблин встал, потянулся к плащу.

— Еще один вопрос, Леонид Михайлович: где и с кем ты живешь?

— Живу я в такой же половине дома, как и ты. Нас шесть человек там.

— Картошин с тобой?

— Да.

— Прошу завтра же перебраться вместе с Картошиным ко мне. В твою половину кого-нибудь подселим. Пора выводить людей из палаток.

Двигаясь в кромешной темноте к своему дому, Саблин ворчливо рассуждал про себя: «Характер у нас, товарищ началь-

ник, явно не соответствует фамилии. Чего-чего, а кротости в нем нет ни грана».

А Голубев еще долго курил возле теплой печки, чувствуя, что сразу заснуть не сможет.

«Саблин как разведчик, как геолог абсолютно прав,— думал он, пристально следя за тем, как догорают неярким огнем последние угли.— Называть его авантюристом нельзя. Его методика разведки самая верная. Следуя ей, он действительно сможет точно оценить перспективы месторождения, а если следовать формально составленному плану и проходить одни шурфы, то можно установить только наличие руды. Об оценке месторождения не может быть и речи. Но по-своему прав и Хватов. План—закон. И менять его самовольно никому не дано права. Мне приказано до конца квартала исправить положение и обеспечить выполнение плана по проходке шурфов. Иначе неприятностей не оберешься. Но это значит— сорвать оценку месторождения в этом году, травмировать Саблина, подрезать ему крылья. Как быть?»

Глава III

С утра Голубев осмотрел поселок: два десятка новых домов, склады, медпункт, недостроенный магазин и кузницу.

На конном дворе задержался долго. Лошади тесно кучились в полутьме конюшни, спасаясь от мух и комаров. Остро пахло мочой и дегтем.

Голубев придирчиво осмотрел каждую лошадь, с разрешения Саблина, послал конюха в медпункт за фельдшером. Фельдшер— молодой специалист— явился не скоро. Его заспанное жирное лицо с припухшими глазами выражало крайнее недовольство. Не глядя на Голубева, он очень вежливо поздоровался со всеми.

— Вас вызвал новый начальник,— Саблин кивнул на Голубева.

Кисло улыбаясь, фельдшер представился:

— Косов. Чем могу быть вам полезен?

— Мое здоровье пока в порядке,— ответил Голубев хмурясь.— Я прошу вас осмотреть лошадей и немедленно обработать раны. Лошади больны почти все. Редко у какой не побита спина или ноги. У всех растерты репицы хвостов. Наше счастье, что после первого снега сократилось количество мух, но все равно ждать нельзя. Наиболее тяжелобольных разрешаю

поставить на полный отдых дней на пять-десять по вашему усмотрению.

— Но я не ветеринар,— запротестовал Косов, отступая назад и протестуяще подывая руку.

— Я тоже,— заверил его Голубев,— но хитрого в этом деле ничего нет. У вас найдется лишняя спринцовка, которой можно пожертвовать?

Косов поморщился, но спринцовку обещал дать.

— Отлично. Приготовьте слабый раствор марганцовки. Конюх под вашим наблюдением промоет раны и потертости раствором.

Голубев повернулся к Саблину:

— Леонид Михайлович, дай разрешение на склад, чтобы сейчас же отпустили пять флаконов рипудина.— И, обращаясь к конюху:— Рипудином смочите края ран— мухи садиться не будут. Мазать три раза в день. Утром, в обед и вечером.

Он взял фельдшера под руку, направляясь в поселок, заговорил, убеждая:

— Знаю, что это не ваша обязанность, но прошу вас не от веселой жизни. У меня просто нет времени, а на конюха полагаться не стоит. У вас сейчас много больных?

— Никого.

— Отлично работаете, доктор,— похвалил Голубев.— Желаю, чтобы и впредь больных не было.— Он крепко пожал Косову руку, пытливо глядя ему в глаза. Взгляд его был суров и требователен. Косов невольно поежился. Возле медпункта остановились.

— Еще одна просьба,— любезно обратился Голубев к фельдшеру.— На планерках вы бываете?

— Нет, не звали ни разу.

— Прошу быть регулярно. Будете докладывать ежедневно обо всех случаях болезни людей.— Он помолчал и закончил со вздохом:— Ну и лошадей, пока не вылезим.

— Теперь в лекарию,— пригласил Саблин.

— Пойдем,— все еще хмурясь, согласился Голубев.

— Я так и знал, что, глядя на лошадей, ты расстроишься.— огорченно сказал Саблин.— Это все проклятый буран наделал, чтоб ему пусто было.

Голубев промолчал.

На пекарне работа кипела: две женщины, забрызганные до бровей глиной, энергично перемешивали в деревянном ящике раствор, печник лихо стучал молотком, заделывая в своде печи последний расклинивающий шов. Покрикивая, суетился зав-

хоз — юркий старичок со сморщенным, словно печеное яблоко, лицом и бойкими раскосыми глазами.

— К вечеру будем затоплять, — бодро сообщил он, глядя одним глазом на Саблина, другим — на Голубева.

— Успеете? — спросил Голубев, с недоверием разглядывая кучи кирпичных обломков и залитый раствором пол.

— Запросто! — заверил завхоз.

— Леонид Михайлович, — вполголоса обратился Голубев, — а почему кирпичи в своде укладываются плашмя? Я такой кладки никогда не видел.

— Это наше рацпредложение, — вмешался завхоз, кивая на печника. — Кирпича не хватает, чтобы его на ребро ставить. Ну и мы решили пустить плашмя. Да вы не сомневайтесь — свод будет стоять вечно.

— Куда он денется, — убежденно поддержал завхоза печник. Голубев с сомнением покачал головой: — Ну.. да..

— Кузя, — позвал печника завхоз, — а ну-ка сбацай чечетку на своей печке. Покажи класс работы.

Восьмипудовый Кузя, кряхтя и тяжело отдуваясь, полез на печь. Раскинув для равновесия руки в стороны, он грузно потоптался по своду и неожиданно легко пошел вприсядку. Свод не дрогнул.

— Ну, что я говорил, — раскосые глазки завхоза блеснули торжеством: — Мастер, артист! Такого в столице не сыскать.

Акт передачи писали после обеда. Голубев не придирался к формулировкам. Те трудные и подчас неразрешимые задачи, которые стояли перед партией, не укладывались в стандартные формы акта. А внешне все обстояло не так уж и плохо: постройки новые, сделаны на совесть, план полугодия не выполнен на самую малость.

Тревожно выглядели только показатели третьего квартала. Он подписал акт, почти не читая.

Саблин сразу ушел на выработку. Голубев остался в конторе.

Дом, отведенный под контору, был заселен густо: два бухгалтер, нормировщик, начальник, радист и кассир помещались в одной половине — вторая была отдана геологам. Самодельные, из сырых, плохо ошпунтованных досок столы, кривоногие тяжелые табуреты и скамейки — вся мебель. Документы — на полках вдоль стен и во вьючных ящиках. Часть ящиков использовалась вместо сидений. Голубев вспомнил кабинет Хватова, мысленно упрекнул его: «Для партии не нашлось ни одного приличного стола».

Все были на рабочих местах, даже уборщица, пожилая, горбоносая, сидела у входа с метлой в руках.

«Натуральная баба-яга с помелом. Только ступы не хватает»,— улыбнулся про себя Голубев.

Он подсел к нормировщику:

— Как сегодня с планом?

— Горим без дыма,— уныло ответил нормировщик и передал Голубеву сводные таблицы показателей за июль и август.

В графе «проходка шурфов» стоял прочерк. В графе «проходка канав» цифры прыгали от 190 до 200 процентов ежедневно. Сентябрь начинался так же, если не считать 25 метров пройденных в последние дни шурфов.

— Лихо планируете,— досадливо поморщился Голубев.— Неужели нельзя было своевременно согласовать с экспедицией пересмотр плана на третий квартал?

— Пытались убедить Фэ Фэ, чтобы съездил и доказал необходимость пересмотра, а он наотрез отказался: «И сам, говорит, не поеду и тебя не пущу. Заставлю Саблина проходить шурфы».— Ну, а тот на своем стоит: «В летний сезон проходить только канавы». В общем, сошлись старый да малый, а толку... Пока спорили, время и потеряли.

— Это еще полбеды,— вставил поседевший в финансовых бурях старший бухгалтер,— вы посмотрите, Владимир Андреевич, какой у нас перерасход фонда зарплаты.

— Но ведь фонд тоже планируется?— чувствуя, что начинает злиться, спросил Голубев.

— Конечно. Но кто планирует? Экспедиция планирует. Вот она и берет себе за наш счет фонд побольше, чтобы уложиться и премию получить. А партиям — поменьше: «Выкручивайтесь как знаете». Из-за этого сейчас, в основном, и шум до потолка. Ведь им в экспедиции от нас надо выполнение по шурфам и в деньгах, чтобы премию получить. А мы не даем ни того, ни другого, срываем возможность получения премии. Вот где собака зарыта. Спорить с экспедицией насчет фонда бесполезно, да и кому охота отношения портить с начальством. Фэ Фэ это было совсем ни к чему — ему надо было до пенсии дотянуть, а Леонид Михайлович сказал мне, что ему некогда заниматься всей этой «мурой», что вся система премирования за выполнение плановых объемов в геологии в корне порочна и мешает работать, что он «чихать хотел на эту систему».

— Неужели так и сказал?

— Слово в слово.

— Мне трудно сейчас обещать вам что-нибудь конкретное,— обратился к бухгалтеру Голубев.— Я, по правде сказать,

не силен в этих вопросах и чувствую, что без вашей помощи мне не обойтись. Прошу уделять мне по часу или чуть больше каждый день, чтобы мне поскорее познать все тонкости этого дела.

Бухгалтер, поглядывая на Голубева поверх очков, сдвинутых на кончик носа, удовлетворенно хмыкнул:

— Мне кажется, мы сработаемся, товарищ начальник.

— Иначе не может быть,— заверил Голубев.— Постараюсь быть прилежным учеником и попрошу вас вместе с нормирующим подготовить свои соображения насчет пересмотра всех планов. Дней через десять поеду в экспедицию и попытаюсь поговорить на эту тему.

— Во, во, поезжай, мил человек, поезжай,— подала от порога голос ведьма-уборщица,— распатронь их, окаянных. Нечего тебе нас тут караулить. Никуда мы не денемся. Все же люди— не овцы. Обойдемся и без пастуха.

Прекращая разговоры, Голубев встал и молча вышел.

Погода менялась на глазах: над Кара-Тайгой синело безоблачное небо, а в долинах ползли низкие тучи. Они медленно поднимались, туманя изломанную линию горизонта. Только отдельные снежные шлемы могучих горных великанов вставали из туч, как острова в океане. Бело-дымчатые волны тумана разбивались у этих вершин, клубясь, вздымались и опадали.

В поселке было безлюдно. Над пекарней вился сизый дымок. «Затопили»,— обрадованно подумал Голубев и заторопился.

В пекарне женщины домывали пол. Пекариха подкладывала в печь сухие дрова.

— Когда будет хлеб?— шутливо спросил Голубев.

— Когда рак на горе свистнет,— неприветливо ответила пекариха.— В этой печке разве можно хлеб печь? Толкни— и развалится.

— Это вы зря,— заступился Голубев,— печник плясал на ней вприсядку.

— Плясать-то он мастер,— не сдавалась пекариха,— всю жизнь пляшет да поет.

— А где он?

— Известно: печь обмывает с завхозом.

В пекарне потемнело. Туман занавесил окна серой плотной пеленой.

Закуривая на крыльце, Голубев посязился. Холодный сырой воздух моментально остудил тело. Казалось, туман сочится водой. Тускло заблестели смоченные камни, грузно обвисли влажные пихтовые лапы. Запахло грибами, плесенью. Над-

садно закричала кедровка.— «Кого-то увидела таежная сплетница»,— подумал Голубев. Послышалось звяканье подков.

В тумане, как тени, прошли завьюченные кони. Остановились возле большой двадцатиместной палатки. Забегали, засуетились люди, снимая вьюки. Лошадей увели.

Голубев стоял у входа в палатку, смотрел. Из вьючных сум на большой брезент, растянутый на столе, высыпали хлеб, вернее, хлебное крошево. Оно лежало темной влажной кучей. Повариха — дородная пожилая женщина с грубым мужским лицом — проклиная дорогу, коней, возчиков и весь белый свет, делила это крошево большой глубокой миской. Голубев отвернулся и вышел, не сказав ни слова.

Из тумана на него надвинулось белое пятно, приблизилось вплотную. Пекариха в белом халате с мокрым не то от дождя, не то от слез лицом выдавила, глотая концы слов:

— ...ухнула печь, чтоб он подох, этот мастер чертов. Проложил, подлец, доски под весь свод — он и стоял, пока они не сгорели.

В пекарню нельзя было войти: развороченная печь, как маленький вулкан, извергала огонь и дым.

Стиснув зубы, Голубев рванул дверь в комнату завхоза. В нос ударил приторный запах духов. Пахло сильнее, чем в парикмахерской. В углу на раскладушке валиком лежали печник и завхоз.

Голубев схватил завхоза за шиворот, поднял с постели.

— Спишь, рационализатор? — задыхнувшись от злости, спросил он хриплым шепотом, — sny смотришь?

Завхоз ошалело мигал и трясся, как в лихорадке. Голубев оттолкнул его, шагнул к столу. Сказал перегоревшим ломким голосом:

— Печь упала. Стоимость кирпича и работы отнесу за ваш счет.

Протянул руку, налил из бидона полную кружку воды. Выпил залпом, не переводя дыхания, и задыхнулся от запаха одеколona.

— Что пили из кружки? — спросил, свирепея, — «Шипр»?

— Я всякую гадость не пью, товарищ начальник, — с достоинством ответил завхоз, покачиваясь, как маятник, из стороны в сторону, — это не «Шипер», это — «Кремель». У нас называется «коньяк с резьбой».

Внезапный, как приступ, смех свалил Голубева. Уронив голову на руки, он смеялся и чувствовал, что вместе со смехом уходят и злость и дурное настроение.

На собрание жители Снежного шли дружно. Двадцатиместная палатка столовой наполнилась приглушенным рокотом голосов. Люди тесно сидели на длинных скамейках, на табуретках, а некоторые расположились прямо на земле. Большинство не успело переодеться. Они пришли из забоев в грязных спецовках, пахнувших сырой землей и потом. Керосиновая лампа тускло светила в мажорочном дыму и часто мигала. В центре стола одиноко поблескивал графин с водой. Рядом с ним лежала тонкая папка.

Оглядывая сидящих впереди незнакомых людей, Голубев чувствовал, что начинает волноваться. Стараясь отвлечься и успокоиться, взял со стола папку с подшитыми протоколами профсоюзных собраний, открыл картонную обложку. Исписанный четким писарским почерком, первый лист сообщил о том, что разведочный комитет избран в составе девяти человек.

Председателем утвержден Картошин. Второй в предельно сжатой форме зафиксировал вопрос о смерти кузнеца Дятлова: «Слушали о скоропостижной смерти кузнеца Дятлова. Постановили: первое — сделать гроб по размерам, второе — выкопать могилу, третье — похоронить». Третий и последний лист рассказывал об отчетно-выборном собрании: «По первому вопросу с докладом о работе разведкома выступил председатель разведкома товарищ Картошин Н. В. Докладчик к отчету перед собранием не был подготовлен и поэтому ничего существенного о проведенной работе сидящие в зале не услышали. Главный инженер партии товарищ Саблин Л. М. призвал собравшихся к активному обсуждению доклада тов. Картошина».

«Веселые ребята! — про себя усмехнулся Голубев. — С ними не соскучишься».

Он искоса глянул на Картошина, торжественно вытянувшегося перед собранием, и внутренне повеселел.

Картошин открыл собрание. Президиум избрали быстро. Так же быстро утвердили повестку. Но регламент, предложенный Картошиным, вызвал споры. Собрание зашумело, задвигалось, громко отстаивая брошенную мысль: «Никакого регламента. Говори, кто сколько сможет».

На том и порешили.

— По первому вопросу — «Задачи партии на четвертый квартал» — слово предоставляется товарищу Саблину Леониду Михайлычу, — объявил Картошин и, облегченно вздохнув, сел.

Но Саблин, к удивлению всех, начал говорить совсем о другом:

— Товарищи! Что такое титан? Титан — это металл будущего. Он был открыт сто пятьдесят лет назад. И все сто пятьдесят лет он был никому не нужен. Только в тысяча девятьсот десятом году американцам удалось получить немного чистого металлического титана. Исследовав его, ученый пришел к выводу, что это «металл без перспектив» — непрочный, хрупкий, не поддающийся механической обработке. Таким его и считали долгое время. Недавно выяснилось, что американский химик ошибся.— Саблин передохнул, блестящими от волнения глазами оглядел присутствующих. В палатке было тихо: слышалось, как потрескивают в лампах горящие фитили. Убедившись, что все слушают с большим вниманием, он продолжал:

— Самый ходовой металл в промышленности — сталь. Но сталь — очень тяжелый металл. В природе же, как известно, все легкие металлы сотворены непрочными, а прочные — тяжелыми. Есть ли материал, сочетающий в себе легкость с прочностью стали? До последнего времени такого материала не было. Теперь он есть. Это — титан. По своей прочности он не уступает легированным сталям, а вес его всего лишь пятьдесят шесть процентов веса стали, то есть почти в два раза легче ее. Он не теряет прочности при нагревании до высоких температур, хорошо куется, прокатывается, протягивается, режется. И в то же время обладает большой твердостью. Он режет стекло. Титан не ржавеет даже в морской воде, которая быстро разъедает железо. Многие кислоты не оказывают на него никакого действия. Замечательная стойкость титана сравнивается со стойкостью платины.

Вагоны, построенные из титана, будут в два раза легче. Корабли из титана в два раза повысят грузоподъемность. Химические аппараты будут работать без ремонта. Огромное применение найдут и соединения титана: прозрачными россыпями огней засверкают кристаллы двуокиси титана, соперничая по красоте с лучшими бриллиантами мира. Мы с вами сегодня видим титан, заключенный в черной тяжелой породе. Она неприглядна на вид, но мы знаем, какое это богатство. Мы с вами ищем титан. Мы ищем будущее нашей техники, будущее нашей страны и всего человечества.

Титан в древнегреческой мифологии был олицетворением могущества и силы. И, видно, удачно дали этому металлу такое звучное, могучее имя. Я уверен, что настанет день, когда, прорывшись сквозь космос, ракеты, сделанные из нашего титана, помчатся к другим планетам. И управлять ими будут наши советские космонавты. Этот день уже недалек. И мы с вами

должны его приблизить. Сейчас вы своими руками, своим не-
легким трудом решаете вопрос первостепенной государственной
важности.

Грохнули аплодисменты. Люди зашевелились, заговорили.
Напрасно Картошин пытался установить порядок при помощи
конского ботала, заменяющего председательский колокольчик.
Его звук слабой струйкой пробивался среди криков:

— Молодец, Михалыч! Крой дальше!

Голубев, настороженно прислушивающийся к началу до-
клада, азартно хлопал в ладоши, чувствуя, как незаметно
исчезает преграда, разделяющая его с незнакомыми людьми.
Видя белозубые улыбки на задубленных ветрами темно-корич-
невых лицах уставших за день людей, он думал:

«Что держит их здесь? Рядом леспромхозы, всего в двухстах
километрах — рудники, чуть дальше — угольные шахты. Везде
благоустроенные поселки, дороги, транспорт, кино. А здесь они
летом мокнут под непрерывными дождями, зимой немилосерд-
но мерзнут и греются у костров. Терпят нужду и порой голод.
Что заставляет их жить и работать в такой дыре?.. А что тебя
заставляет?»

Первый раз в жизни он задал себе этот вопрос и не знал,
как на него ответить.

«Ты же получаешь меньше, чем многие из них. Ты отве-
чаешь тут за все и за всех. Ты — начальник, но ты и грузчик.
Ты — следователь и милиционер. Ты — геолог и ветеринар. Кто
тебя заставляет? Здесь тяжело, но ведь и там, где ты рабо-
тал, — не мед. Они приехали сами. Тебя направили по приказу.
Они все разные. Нет! Наверное, в чем-то мы все одинаковые,
если, сидя в этой палатке, так дружно радуемся неизвестному
будущему, о котором рассказывал Саблин».

А Саблин смахнул ребром ладони пот со лба, пригладил
растопыренными пальцами непослушный чуб и, незаметно по-
серьезнев, дожидался тишины.

— Товарищи! Этот день скоро настанет. А сегодня..? Сего-
дня надо ежедневно ворочать вручную десятки тонн пустой
породы, вскрывать спрятанный природой клад, отбирать про-
бы, тащить их на себе через тысячу раз проклятый курумник.
И если первое мы еще можем делать и делаем, то последнее...
Наша главная задача: издробить те пробы, которые лежат в
штабелях, опробовать северную часть месторождения, как мож-
но скорее доставить в город готовые пробы, чтобы к концу
года оценить месторождение. Зимой, когда снег плотно закроет
скальные осыпи, мы, конечно, легко вывезем пробы. Но ждать
зимы нельзя. Пробы нужны сегодня, завтра. Иначе разведка

затянется надолго. Давайте вместе подумаем, как это сделать.

— Переходим к прениям,— объявил Картошин.— Вопросы предлагаю подавать в письменном виде.

— Здесь только и писать,— засмеялись сидящие в дальнем углу:— мы друг друга не видим, хоть и сидим верхом один на другом.

— Кончайте зубоскалить. Дайте мне слово,— перебил шутников кряжистый седобородый дед.

— Слово предоставляется проходчику Снегиреву. Прошу подойти к президиуму.

— Я рассусоливать долго не буду. Мне можно и с места все обсказать.

Снегирев поправил пышную бороду и гулко забасил:

— Оно, конечно, Михалыч нам расписал все лучше некуда. Титан — штука дорогая. Ради него поработать стоит. Выступление правильное. Но вот у меня к новому начальнику вопрос: Как мы дальше жить собираемся? То есть, что мы жевать будем? Хлебные крошки из миски ложкой таскать всем надоело. Печка, на которую мы надеялись, сегодня завалилась при первом испытании. Когда мы перестанем возить хлеб из Кедровки? Или мы вроде той кобылы, которую цыган приучал без еды жить? Так она хоть и привыкла и прожила без еды десять дней, а на одиннадцатый копыта откинула.

Снегирев стоял, подавшись вперед, и в упор требовательно смотрел на Голубева.

В палатке стало тихо. Десятки глаз смотрели на Голубева: одни с ожиданием и надеждой, другие — настороженно и недоверчиво, третьи — с явной насмешкой.

«Что им сказать? Чем обнадежить?» От волнения сразу пересохли губы. Слова падали в тишину тяжело, как камни: — Товарищи, я один без вас ничего не придумаю. Я хочу выслушать всех. Буду велико благодарен за каждый совет, за каждую дельную мысль. Задач много. Решать их будем вместе.

Видя, как внимательно слушает Снегирев, как одобрительно кивает Саблин, поняв, что начал правильно, он заговорил спокойнее, увереннее:

— Вместе будем думать, как наладить настоящую жизнь. Сейчас надо говорить обо всех наших недостатках: о том, что необходимо вывезти, а может быть, и вынести на себе отобранные пробы, о том, как ускорить перевозку взрывчатки, о том, как решить вопрос с жильем и транспортом, и обо всем прочем. Но я считаю, что в первую очередь нам нужен свой хлеб. Ради этого стоит идти на любой риск, но, к сожалению, на Кара-Тайге нет глины, нет песка, нет никаких материалов, чтобы

сделать хотя бы печь-временку и продержаться до санного пути. Зимой кирпич можно легко завезти на санях, и мы...

— Есть у нас материалы,— перебил Голубева смуглый чубатый мужчина с резко очерченным профилем худощавого лица.— Есть материалы,— уверенно повторил он, поднимаясь во весь рост,— только мастера нет настоящего. Хлеб можно печь в железных бочках. Мне приходилось на фронте готовить хлеб не на одну сотню человек, и никто не обижался. Маршал Жуков ел и хвалил.

— Ай да Боженятов! Во дает!— засмеялись сзади.

— Брешет он, чертов сын! Нельзя в железных бочках печь хлеб! Сгорит он обязательно.

Боженятов дернулся, как от удара током. Хищно сощурившись, он резко повернулся к крикунам. От толчка с шумом опрокинулся табурет. Боженятов пригнулся, как для прыжка, и крикнул:

— Это кто там гавкает? Дайте этого умника на свет.

— Это он, Витенька, просто пошутил, а сейчас вступит с тобой в дискуссию.

— За такие шутки и по шее схлопотать можно,— тоном ниже сказал Боженятов.— Садись, Мухомор, и молчи, не твоего ума дело.

— То есть как молчи? А где демократия? Нет, вы уж мне разрешите...

Впереди сидящие заулыбались. Кто-то насмешливо пробасил:

— Ну, Мухомор разведет девятую воду на десятом киселе.

Близоруко сощурившись, Картошкин взглядывался в подшедшего к президиуму.

— Слово предоставляется товарищу Матвееву.

Голубев узнал сторожа, охранявшего на аэродроме взрывчатку.

— Не будет хлеб выпекаться в железных бочках,— обращаясь к Боженятову, заявил Матвеев.

— Хватит, слышали!— оборвали нового оратора сразу несколько голосов.

— Ну не надо, так не надо,— нехотя согласился Матвеев.— Я что хотел сказать? Я насчет харчишек, товарищи, хотел сказать.

Матвеев откашлялся и напористо начал.

— Ведь это что у нас получается для рабочего человека? Чистое разорение, братцы, получается: консервы, консервы и опять же консервы. Консерву — ее с интересом можно раз в неделю есть, а каждый день — с души воротит и сытости от

нее нету. А между прочим, цена на нее кусается. Кусается, да еще как! Свежего мяса летом к нам не привезешь — протухнет. Это всем ясно. Но пригнать своим ходом бычка или поросенка вполне возможно. Я к чему говорю? Сейчас в Кедровке уезжают некоторые граждане, и скот продается по дешевке, а покупателей нет, потому как у каждого старого поселенца своих скотов полон двор. Свинку на полтора центнера, а может и покрупнее, свободно можно взять за тысячу пятьсот. А...

— А какой дурак возьмется гнать ее по тайге, по нашему бездорожью?— спросил Боженятов.

— Да хотя бы и я,— храбро ответил Матвеев.

— Видать, дурней тебя никого у нас не нашлось,— насмешливо пробасил Боженятов.

— Товарищи, прошу соблюдать порядок,— вмешался Картошин, звякнув колокольчиком.— Продолжайте, товарищ Матвеев.

— Поддержать надо Матвеева,— крикнул с места Снегирев,— он дело говорит. Мы всегда можем держать в резерве пару скотиняк — корм под ногами и в столовке отходов навалом. Послать Семена за скотом в Кедровку и выделить для этого деньги.

— Доверили козлу капусту,— громко шепнули из первого ряда.

Поблескивая очками, в президиуме встал Картошин:

— Прошу прекратить шутки. Дайте Матвееву высказать свои соображения.

— И еще насчет водочки,— продолжал ободренный Матвеев.— Надо возить водку, товарищи начальники, а то скоро Дымочка нас в рабство произведет. По сто рублей дерет, подлюка, за ведро косорыловки. Числится она у нас грузчиком, а грузят за нее все кому не лень. Покупает она их за кружку самодельного пива. Да и нас тоже покупает. Я вот погреб Дымочке копал и насмотрелся чудес. Прибегает после обеда к Дымочке наша кладовщица Королева Марго и ревом ревет:— «Помоги, Дымочка, помоги, милая. Пропали из склада пятьсот рублей».

Берет Дымочка карты и начинает ей ворожить: «Падают на картах кони, кони вороные»... Я, братцы, жизнь прожил, но никогда не слышал, чтобы на картах кони обозначались, да еще вороной масти, а тут...

— Кончай, Мухомор, хватит. Тебя без намордника выпускать нельзя — ты до утра будешь нам мозги полоскать.

— Вот так вы всегда... Я, может быть, хотел преступление раскрыть, а вы...— и огорченный Матвеев сел.— Играйте в молчанку, если вам слушать неохота.

— В молчанку играть мы не будем,— успокоил Матвеева сосед.— Не для того собираемся раз в году. Я — специалист, проходчик шурфов. Я ехал сюда заработать. Нас, таких, много, но заработать нам не дают — держат нас на проходке канав. А на канавах может работать любой лопух. Там много ума не надо: бери больше, кидай дальше — вот и вся мудрость.

— Правильно, Ваня! — поддержали проходчика сразу несколько человек.

— Верна... а! — покрывая шум, рывкнул чей-то сильный бас.

— Дайте мне сказать, — пронзительно крикнул рослый сутулый рабочий в грязной фуфайке. — Зажимают нас, строителей, на Кара-Тайге нормами и расценками. Вы здешний лес видели? Это же не лес, а натуральный морковник: у комля не обхватишь, а через десять метров в руку взять нечего, и сучков на нем полным полно, и ствол весь винтом скручен. Вот ежели бы учитывали сучковатость, свилеватость да в зимнее время мерзлоту, оно бы, конечно, было веселее. Да разве наш нормировщик от своего талмуда отойдет...

— Клянусь жизнью, он бьет в яблочко, — снова рывкнул сильный бас. — Давно бы надо нормочки перетряхнуть.

— Вот о чем я и хотел сказать, — обрадовался строитель, — мы лес на себе иногда таскаем, как кони, а...

— А наше начальство предлагает еще и пробы на себе таскать через курумник, — сипло хохотнули сзади. — Этот номер не пройдет — мы не негры.

— Много ты натаскал, толстая морда! — крикнул Боженятов. — На тебе пахать можно, а ты на чужом горбу норовишь в рай въехать!

— А я пашу на канавах с утра до ночи. Это тебе шурф дали по благу, потому что шестеришь перед начальством.

— Ах ты гад! — изумленно выдохнул Боженятов и, толкая соседей, бросился в задние ряды.

Собрание загудело, заволновалось, выплескиваясь за пределы поселка криками:

— Мы не ищакИ, чтобы на нас руду возить! Нету таких прав, чтобы людей выючить!

— Заткни хайло, кто тебя выючит?

— Работать надо, а не горло рвать!

Голубев видел, как внезапно вспотевший Картошин, забыв о председательском колокольчике, пытается перекричать ревущую массу людей, но голоса его не слышал.

«Так рыба, вытащенная на берег, хватает воздух», — подумал он, глядя на судорожно дергающийся открытый рот Картошина.

Краем глаза он видел, как Боженятов схватил за грудь широкомордого здорового парня и настойчиво тянет его к выходу, как испуганно согнулся выступавший плотник.

Пружинисто, легко встал Саблин, взял со стола графин, не размахиваясь ударил его о чугунную печку. Это подействовало: шум постепенно ослаб. Стало слышно, как в руках Боженятова хрипит широкомордый, выплевывая ему в лицо матерщину. Сбивая на пол сидящих, на помощь к широкомордому пробивались два молодых парня. Боженятов рывком поднял своего противника и, с силой бросив его к выходу из палатки, повернулся к защитникам:

— А вы с собачками хвостами тоже в волки пишетесь?

Парни молча шарахнулись назад.

— Предлагаю удалять нарушителей порядка с собрания,— сказал Саблин.— Кто против? Против никого нет. Товарищ Картошин, продолжайте вести собрание.

Снова встал Снегирев:

— Я отвечу товарищу, который жаловался нам на плохой лес, на нормировщика и на расценки. Пустой это разговор: здесь — горы, а не подмосковные рощи, и лес соответствует тому месту, где растет. Его понимать надо и уметь выбирать на корню, а не валить подряд. Ты бы хотел, чтобы лес рос вверх комлями — вот бы легко было рубить. Но так бывает только в сказках для дураков. А насчет переноски проб — дело дохлое, и зря кричать нечего. Пробные мешки почти все уже подопрели от сырости и лезут по швам. Переносить их на такое расстояние нельзя — порвутся. Вот если бы дробилку перетащить за курумник да поставить рядом с пробами, тогда разговор другой.

— Но это же невозможно, Афанасий Егорович,— возразил Саблин,— один двигатель весит полторы тонны.

— О чем я и говорю... Ну мы вроде от главного не отходим, а все вокруг да около — это я насчет хлеба. Как я понял, тут нужен человек, знающий слесарное дело и кирпичную кладку. Надо начальству такого мастера найти, иначе нам крышка. Мы — русские люди и без хлеба работать не сможем. Я не за себя говорю — мне старуха всегда испечет.

«И за каким чертом я согласился принять эту партию,— тоскливо подумал Голубев.— Пусть бы сюда ехал опытный человек. А что я могу тут сделать. Хоть голову о камни разбей, а Кара-Тайгу не изменишь».

Затравленно поглядывая на окружающих людей, он встал и, боясь, что начнет заикаться и этим выдаст свою растерянность, сказал:

— Товарищи, я с собой кроме рюкзака ничего не привез... А в рюкзаке много не унесешь. Нет со мной ни хлеба, ни пекарни... Я не хочу вам врать и обещать что-то сейчас, немедленно. Я могу только сказать, что не сбегу от вас и не пожалею сил, чтобы наладить жизнь и обязательно разведать это месторождение.

Долго в этот вечер светила большая двадцатиместная палатка. Долго тревожили ночную тишину возбужденные голоса жителей поселка.

Дома Голубев выкурил подряд три папиросы, налил в большую кружку крепко заваренного чая.

— Ты, Владимир Андреич, не чифирист?— спросил Саблин, с интересом поглядывая на дегтярно-черный пахучий напиток.

— Пока нет, но, наверное, скоро буду,— горько пошутил Голубев.

Его подташнивало от выкуренных папирос, и слегка кружилась голова. Глотая горячий чай, он перелистывал тетрадь с записями Саблина, рассеянно читал перечень недостатков и нерешенных вопросов.

«Что делать? Где та нить, уцепившись за которую можно распутать этот клубок связанных между собой дел? Собрание не помогло. Все выступления свелись, в основном, к требованиям. Требования, конечно, справедливые. Но ведь от того, что они справедливые, не легче, а тяжелее. Удовлетворить их сейчас, немедленно, не сможет никто, будь он хоть семи пядей во лбу».

От чувства собственного бессилия Голубев даже застонал про себя и потянулся за папиросой.

— Хватит, Владимир Андреич,— мягко остановил его руку Саблин.— Передохни малость, а то тебя кондрашка хватит. Нельзя же так... Ложился бы спать. Вон Коля уже, наверное, первый сон видит.

В углу скрипнул топчан. Из спального мешка высунулась взлохмаченная голова Картошина:

— Это вы зря, Леонид Михайлович. После такого собрания сразу не заснешь.

— Ладно, ребята, вы ложитесь,— попросил Голубев,— а я немного посижу.

Он снова открыл тетрадь, попытался сосредоточиться:

1. Вывозка проб. 2. Обработка проб. 3. Проходка канав в курумах северной части месторождения (нужна взрывчатка в большом количестве). 4. Больные лошади. 5. Вывоз взрывчатки из Кедровки. 6. Хлеб. 7. Продукты. 8. ...

Цифры мелькали одна за другой, и казалось, им не будет конца.

Он вырвал из тетради чистый лист, взял остро отточенный карандаш и сгорбился над столом.

«Начинать с главного,— приказал он себе.— Главное — хлеб и продукты. С хлебом — надо ждать. С продуктами — надо только рискнуть наличными деньгами. Ну, что же — рискнем».

Глава V

Голубев проснулся от громкого лая собак. В комнате еще было темно. Возле печки неслышно возился Саблин, на ощупь выбирая для растопки дрова. Чиркнула спичка, осветив его бородатое лицо. В печке заплясал, разгораясь, огонек, и слегка запахло дымом. Вскоре малиново засветились пробитые для тяги дыры в нижней части дверцы — по комнате волной пошло тепло. За окном, не умолкая, лаяли собаки.

— Леонид Михайлыч, откуда столько собак возле нашего дома? — спросил Голубев шепотом, стараясь не разбудить Картошина.

— Приблудные и бездомные, Владимир Андреич, — смущенно пояснил Саблин. — Увязались за мной, проклятые, сначала одна, потом другая и не отстают. Видишь — нашли и в новом доме.

Он набросил на голые плечи куртку, вышел, прихватив завернутые в бумагу пряники. Послышалась возня, визг, приглушенный голос Саблина:

— Нашли, дьяволы, нашли, умницы. Цыть, Босый, не лезь, Найда. На тебе, Пиратка. Ах вы, черти косматые! Ну ладно, ладно — хватит подхалимничать.

Из спальника вылез Картошин, прислушался к шуму за окном, сонно проворчал:

— Вот так всегда. Чуть свет, а они уже тут как тут. Живем, словно на псарне. И чего в них Михалыч нашел хорошего? Не пойму...

После раскомандировки, тянувшейся около часа, в конторе остались Саблин и Голубев.

— Леонид Михайлыч, зачем ты сам занимаешься такой детальной расстановкой людей? — удивился Голубев. — На это есть начальники цехов. Это их прямая обязанность. Ты же лишаешь своих помощников самостоятельности и инициативы.

— Не мной это заведено, Владимир Андреич. Сколько я

помню, начальник ежедневно лично распределял людей по работам.

— Так не пойдет, — решительно заявил Голубев. — Точно смотреть, как твои подчиненные смотрят тебе в рот и ловят каждое слово. Разве ты можешь быть в курсе всех дел и событий на местах работ? Разве не возникает в течение дня необходимость перемены видов работ и исполнителей? Наверняка такие случаи бывают ежедневно. Так что же, ты будешь бегать, высунув язык, по всем работам и лично делать перестановку? Это забота мастеров. Если они на это не способны, их надо немедленно менять. Ежедневно тратить время по пустякам бесполезно.

— В принципе ты прав, Владимир Андреич, но я думаю, что принципы легче провозглашать, чем им следовать.

— Будем следовать. Иначе мы распылится по мелочам и...

Саблин неожиданно рассмеялся и, хитро подмигнув, вставил:

— И, следуя этим принципам, новый начальник партии начал свою деятельность с перетаскивания ящиков с детонаторами.

— Это не в счет. Это, как говорится, дело, не терпящее отлагательства.

— Да разве я спорю, Владимир Андреич? Попробуй проводить раскомандировку по-своему. Посмотрим, сколько ты сэкономишь времени.

Голубев достал из карманчика большие плоские часы на длинной никелированной цепочке, показал Саблину.

— Скоро восемь, а в конторе еще никого нет.

— Ровно в восемь будут все. Беспокоиться не надо, товарищ начальник. У нашего наиглавнейшего бухгалтера железная дисциплина не только в финансовых делах.

— Кстати, Леонид Михайлович, как ты относишься к тому, чтобы дать в подотчет Матвееву две тысячи рублей на приобретение скота?

— Отрицательно, Владимир Андреич. Я тебе уже говорил, что почти никому не верю. Пропьет Мухомор эти деньги, и на этом все кончится.

— Совершенно справедливо, — поддержал Саблина главный бухгалтер, незаметно вошедший в контору. — Не советую, товарищ начальник, доверять такие деньги непроверенному человеку, тем более, что он не подотчетное лицо. Я буду категорически против.

— А мне можно взять в подотчет деньги?

Седые кустистые брови бухгалтера взметнулись, очки сползли на кончик носа.

— Вы, Владимир Андреич, собираетесь лично закупать скот?

— Нет, я доверю это Матвееву.

— Гм, гм...— растерянно пожевал губами бухгалтер.— Меня даже в пот ударило от такого дела. Две тысячи — ваша месячная зарплата, Владимир Андреич. Стоит ли рисковать?

— Стоит,— убежденно отрезал Голубев.— Кормить людей крабами и шпротами до зимы нельзя.

— Так-то оно так,— неуверенно начал бухгалтер, по-отечески укоризненно глядя на Голубева,— но береженого бог бережет.

Голубев замаялся. Ему не хотелось при всех спорить с пожилым человеком, а в контору уже собирались люди.

— Владимир Андреич,— позвал с улицы радист.— Здесь какой-то хлопчик до вас просится.

— Давайте его сюда,— отозвался Голубев.— Прошу вас написать мне в подотчет две тысячи рублей.

Возле порога нерешительно топтался худенький мальчишка в разбитых самодельных сапогах-ичигах, из которых пучками торчала сухая трава. Не по росту длинная рваная фуфайка висела на узких плечах мешком, закрывая ему колени. Потертую меховую шапку он снял при входе и держал в руке, пряча за спиной. Круглое смуглое лицо, длинный, по-азиатски узкий разрез глаз, черные, как смоль, волосы — все говорило о том, что он шорец.

— Кто здесь начальник?— спросил он, оглядывая присутствующих быстрыми черными глазами.

— Я — начальник,— отозвался Голубев.

— Принимай на работу, начальник,— попросил мальчишка и робко шагнул вперед.— Обязательно принимай. Я два дня пешком шел к тебе. Однако шибко плохо: есть нечего, одежда худой, сапоги худой, а жить надо.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— А если по правде?

— Ну, пятнадцать. Все равно скоро будет шестнадцать.

— Вот когда будет, тогда и примем. Подождать надо.

— Однако ждать нельзя, начальник,— не дождусь. Мамки нет, отец тоже умер, и дедушку похоронили. Дальний родня только есть.

Чувствуя, как у него сдавило горло, Голубев спросил:

— Документы какие-нибудь у тебя есть?

— Однако нету, начальник.

— А что ты можешь делать?

— Все помаленьку можем: лес валить можем, дрова готовить можем.

— Нельзя, брат, тебе в лес. Это дело опасное.

— Зачем опасное? Я с дедушкой работал в лесу. У меня, знаешь, какой топор был? Больше, чем у дедушки. Ты пошто так нехорошо говоришь, начальник?

Голубев вопросительно глянул на бухгалтера, потом на Саблина. Бухгалтер молча пожал плечами, отвел взгляд в сторону. Саблин, широко улыбаясь, утвердительно кивнул.

— Нельзя,— прижимая к груди руки и словно оправдываясь, доказывал Голубев,— понимаешь, нельзя нам принимать на работу моложе восемнадцати лет. Было бы хоть шестнадцать — можно бы подумать...

— Зачем думать. Ты принимай, начальник, а думать потом будешь.

— Ну, ладно,— сдаваясь, улыбнулся Голубев.— Как тебя зовут?

— Александр Дмитриевич Кадымаев.

— С лошадьми работать приходилось?

— Приходилось, начальник. Шибко любил лошадей.

— Вот что, Александр Дмитриевич, возьми эту записку и иди на конный двор. Попроси у конюха моего коня, сам подседлай и скачи сюда.

— Опять рискуете, Владимир Андреич,— сухо заметил бухгалтер.— Наберетесь вы горя с этим несовершеннолетним. Ну да вам виднее. Получите в подотчет деньги у кассира.

Голубев не успел пересчитать толстую пачку кредиток, как возле конторы зазвенели по камням подковы. Вошел Кадымаев, снял шапку, доложил:

— Прибыл с конем, товарищ начальник.

— Спасибо. Сейчас проверим, что ты умешь. Шапку надень и больше не снимай.

Вышли втроем. Голубев тщательно проверил седловку, попробовал, как затянуты подпруги. Спросил строго:

— Сам седлал?

— Однако сам.

— Молодец.

Вороний рослый конь не стоял на месте, беспокойно перебирал ногами, тянулся мордой к Саблину.

— Сахаром баловал, Леонид Михалыч?

— Было дело. Сахарок он любит.

Саблин ласково потрепал по морде коня, погладил атласную шерсть на мускулистой шее.

— Зовут его Видок,— пояснил он.— Конь всем хорош, но пуглив. Поводья распускать нельзя.

— Давай-ка, Леонид Михалыч, определим пацана на конный двор в помощники к конюху. Трудно ему одному управляться с таким количеством лошадей.

— Отлично,— обрадовался Саблин.— А то жалко парнишку — пропадет.

— Договорились.

— Ну, Александр Дмитрич,— Голубев наклонился к мальчишке,— доверяем тебе уход за больными лошадьми. Будешь хорошо работать — получишь премию. Сейчас отправляйся с Видком на конный двор. Я буду проверять тебя каждый день.

Маленький Александр Дмитриевич ловко вскочил в седло, белозубо улыбнулся и крикнул:

— Спасибо, начальник. Однако готовь премию.

— Подожди минутку,— остановил его Саблин.— Чем жить будешь? Деньги-то у тебя есть?

— Однако нету.

— На, возьми сто рублей. Получишь аванс — отдашь.

— Первый шорец пришел к нам,— задумчиво сказал Саблин.— И того нужда загнала. Не идут они на Кара-Тайгу — до сих пор считают ее гиблым местом и называют Дурным Камнем.

— Очень жаль. Шорцы — хорошие плотники, а многие — прекрасные проходчики. Я работал с ними, знаю.

До обеда Голубев просидел в конторе, знакомясь с делами. Главный бухгалтер, вначале охотно разъясняющий непонятные для новичка вопросы, вскоре охладел к своему ученику и по-стариковски ворчливо заметил:

— Владимир Андреич, я уже второй раз объясняю вам, что такое оборотные средства, и вижу, что до вас не доходит. Вы думаете о чем-то другом.

— Вы правы,— признался Голубев.— Вы абсолютно правы: я пытаюсь сосредоточиться, но у меня ничего не получается. Меня неотступно преследуют мысли о текущих делах, о том, что я ничем не могу помочь партии. Сейчас я ни о чем другом не могу думать. Вот уже третьи сутки меня терзает одна мысль, что зря меня сюда направили, что я не справлюсь с этой работой. Пока я на людях, это еще терпимо, а когда остаюсь один, хочется сесть и завывать по-волчьи.

— Я вас понимаю, Владимир Андреич, по-человечески понимаю. Уверю вас, что все начинали точно так же. Я в геологии работаю не один десяток лет, и поверьте мне, старику, любая партия, заброшенная вроде нашей к черту на кулички,

испытывает вначале подобные трудности. Вся беда в том, что у нас не принято давать на подготовку ни одного дня: не успеет радист партии первый раз выйти в эфир, как уже летит радиограмма о плане и приказ сообщить, как он выполняется. При этом подразумевается, что все остальное должно делаться само собой, так как на это предусмотрены в штатном расписании люди и выделены деньги. Никого не касается, какие это люди. А ведь сразу подобрать настоящие кадры невозможно: нет жилья, нет никаких условий, чтобы хороший работник и специалист согласился жить и работать. Все запланированные сроки строительства летят вверх тормашками, потому что материалы для нашего брата никто не готовит и они в штабелях нас не ждут. Заготовка же и транспортировка отнимают в два раза больше времени, чем строительство. Снабженцы поначалу, пользуясь бесконтрольностью, суют все, что надо и не надо. Вот, полюбуйтесть.

Бухгалтер оглянулся на длинную полку, заполненную двумя рядами аккуратных папок, безошибочно определил нужную и потянулся за ней.

— Вот, полюбуйтесть... Партия работает без года неделю, а на складе уже полно неликвидов.

На двух листах, которые он передал Голубеву, перечислялись материалы, инструмент и оборудование, не нашедшие применения в Кедровской партии. Голубев мельком просмотрел первый лист и полез в карман за папиросами. Бухгалтер, незаметно наблюдавший за ним поверх очков, сокрушенно вздохнул и покачал головой: «И этот начальник не интересуется по-настоящему хозяйством».

Он подвинул поближе к себе счета, но прежде чем углубиться в цифры, опять глянул на Голубева.

Голубев сидел за столом, подперев подбородок кулаком, и внимательно читал список во второй раз. Его широкое скуластое лицо было напряжено, губы плотно сжаты. На скулах перекачивались плотные желваки, словно он с усилием жевал что-то крепкое и никак не мог разжевать. Редкая прядь, упавшая на лоб, прикрывала прищуренный глаз, а на виске нервно пульсировала тонкая жилка.

«Словно делится в кого-то», — подумал бухгалтер.

— Иван Михеич, — обратился к нему Голубев, — вы уверены, что все перечисленное в этом списке действительно лежит на складе?

— Молодой человек, за тридцать лет моей деятельности я первый раз слышу в голосе начальника недоверие к моим делам. Да будет вам известно, что учет у меня всегда в ажуре.

Оскорбленный до глубины души бухгалтер встал и, воинственно подкрутив пышные усы, нагнулся к Голубеву:

— Вы сомневаетесь?

— Ни на одну секунду,— горячо заверил его Голубев.— Я в восторге от такой постановки учета. Этим списком вы спасаете всю Кедровскую партию. Пожалуйста, читайте, Иван Михеич.

Бухгалтер поправил очки, солидно откашлялся и прочитал вслух:

— Порядковый номер — двадцать семь: ступа для ручного дробления проб, количество — пять штук; цена...

— Читайте дальше,— возбужденно потребовал Голубев.

— Порядковый номер — двадцать восемь; пест для ручного дробления проб, количество — пять штук; цена...

Бухгалтер недоуменно посмотрел на Голубева поверх очков:

— Ну и что же?

— Да ведь это готовое решение нашей задачи! Обработку проб можно вести ручным способом. И как я раньше не подумался! Механические дробилки, особенно двигатель, мы не можем сейчас доставить из Снежного к месту, где сложены пробы, а ступы и песты перенесем на себе обязательно. Это то, о чем говорил на собрании Снегирев. Это значит, что мы немедленно, буквально завтра или послезавтра, можем приступить к обработке проб. Большое вам спасибо. Сейчас же иду на склад.

— Подождите, Владимир Андреич, дайте минутку на размышление.

— Нет, нет, теперь думать некогда, надо действовать.

— Владимир Андреич,— с укором в голосе сказал бухгалтер,— вы уподобляетесь Кадымаеву, который просил сначала принять его на работу, а потом думать.

— Молчу. Вы, как всегда, правы. Но о чем тут думать? Это — дело верное!

— Каждое верное дело должно давать отдачу, Владимир Андреич, а ручного дробления в смете нет. Надо прикинуть, сколько будут стоить эти работы и хватит ли у нас суммы резерва.

— Давайте договоримся так,— умоляюще глядя на бухгалтера, попросил Голубев:— Я побегу на склад, а вы тем часом прикинете, во что обойдется ручное дробление.

— Так и быть,— согласился бухгалтер.

Идея ручной обработки проб, к удивлению Голубева, Саблина не обрадовала.

— Возвращение в каменный век,— заключил он, выслушав план установки новой дробилки вблизи проб. Титанический

труд по переноске оборудования и мизерная отдача по сравнению с механическими дробилками. Допотопная производительность в одну смену, где будут заняты сразу пять человек. И где мы их возьмем, этих пять человек, когда у нас на канавах не хватает людей и мы не можем до зимы не оконтурить северную часть месторождения. Ручное дробление вполне применимо, когда проб мало, а в нашем случае...

— В нашем случае — это единственный практический выход, — горячо настаивал Голубев. — И почему ты считаешь, что мы будем работать в одну смену? Я полагаю, что надо организовать бесперебойную работу в три смены.

— Пятнадцать человек! — ахнул Саблин, хватаясь обеими руками за голову. — Ты в своем уме, Владимир Андрейч! Это значит, сократить горные работы или сорвать строительство домов!

— А кто мне прожужжал все уши, что опробование — главный вид геологоразведочных работ? Кто ждет готовые анализы? Кто спит и видит эти анализы вынесенными на план месторождения?

— С горных работ не дам ни одного человека.

— Черт с тобой, — взорвался Голубев. — Людей найдем и горного цеха не тронем. Но оборудование и десятиместную палатку перенесут и установят горняки.

Саблин гневно затряс головой и выставил вперед бороду, будто готовясь к драке. Но в его глазах уже прыгала смешинка. Он был очень доволен, что отстоял горняков, но продолжал азартно торговаться:

— Ты меня режешь без ножа, Владимир Андрейч: и так люди недовольны тем, что не работают по специальности.

— Поручим это дело самым сознательным, самым лучшим: Снегиреву, Боженягову... Я знаю, что ты боишься потерять каждый день, но иначе нельзя..

— Твоя взяла, — согласился Саблин. — Но ты мне объясни: где ты возьмешь пятнадцать человек?

— Снимем с механической дробилки двух человек — все равно им там нечего делать. Прекратим заготовку сена своими силами. Это — еще десять человек. Недостающее сено приобретем в Кедровке. Раз люди уезжают и продают скот, они продадут и сено.

— Итого двенадцать, — подытожил Саблин.

— На днях поезду в Кедровку и попробую организовать трех-четыре человека с перевалочной базы. Не так уж там загружены работой, а пока ты дашь из горного цеха недостающих трех человек.

— Гм, да...— крикнул Саблин.— Насилуешь?

— Успокойся, Леонид Михайлыч, и согласишься, что другого выхода нет.

Саблин ожесточенно поскреб затылок и, хитро поблескивая глазами, попросил:

— А может, из стройцеха — двух, а из горного — одного?

— Ну и упрям ты, Леонид Михайлыч!— рассмеялся Голубев, видя, что Саблин уже согласился и торгуется просто для порядка.

— Да уж какой есть.

Глава VI

Широкой черной лентой лесов опоясана Кара-Тайга. Лес наступает на гору снизу. Стеной стоят в узких долинах угрюмые богатыри кедры в тяжелых лохматых шапках, скрывают в своей тени малорослый подлесок. Чем выше, ближе к гольцу, тем реже их ряды. Стволы пихт и берез согнуты, перекручены, у многих сломаны вершины. Здесь все живое гнется к земле.

Только одинокие приземистые кедры, как разведчики, стоят впереди на скалах, настороженно прислушиваясь к обманчивой тишине: кто-то должен быть впереди, искать и прокладывать путь остальным.

Там, в вышине, камень, снег и ветер. Вот он налетел порывом и ударил изо всей силы. Дрогнул и зашумел кедр, грудью встречая ураган, предупреждая тайгу об опасности. Он будет бороться со всеми невзгодами один.

Остальным легче — их много. Передовому надеяться не на кого — он один. Поэтому так железно крепок его кряжистый, изуродованный ветрами ствол, так глубоки и сильны корни, проникшие в глубину камня. Они будут держать ствол и после его смерти.

Из века в век стоит он впереди всех и бесстрашно смотрит вдаль. Может быть, один раз в сотню лет его семя, отнесенное ветром, упадет в трещину, наполненную пылью, и прорастет на голой скале. Жизнь продвинется на несколько метров ближе к гольцу.

Ну, что ж... Здесь и это победа.

Пробираясь по узкой извилистой тропе на участок работ, Саблин и Голубев миновали последнюю стайку березок у основания Черного Савана, далеко позади оставили за собой стоящий в дозоре кедр и вступили в царство камня.

— Такого я еще не видел,— признался Голубев, оглядывая бесконечные гряды каменных обломков. Настоящее каменное море.

— Да, тут не разгонишься,— подтвердил Саблин.— Сейчас мы идем, где поработал аммонит, а если напрямую, то проклянешь все на свете.

— Как же Снегирев протащит оборудование для дробилки?— с досадой сказал Голубев, потирая ушибленную ногу.— Я бы сам никогда на это не решился. Один неверный шаг и... Надо придумать что-то другое.

— Что еще остается, Владимир Андреич? Ступу не разберешь на части, а весит она около сотни килограммов. Вот если бы завербовать вертолет на один день, но они сейчас считанными единицами выпускаются.

— Стоп, Леонид Михайлович, в этом что-то есть. Тебе уже приходилось принимать с самолета груз на сброс?

— Первый раз слышу.

— Это дело верное. Нужна договоренность с летчиками, а делается это просто. Мы принимали на Царь-Камне на сброс продукты. Правда, от мешка с мукой иногда оставалась одна треть, но ведь ступа не мука — не разлетится по ветру.

— Может и разлететься, кругом камни.

— Но если сбросить точно на луг, ничего с нею не сделается.

— А если пилот ошибется и долбанет ступой по курумнику?

— Другого способа доставки не вижу. Прошу тебя завтра пораньше отправиться в Кедровку и договориться с летчиками. Такие рейсы стоят дорого, но что делать!

— Владимир Андреич, еще неизвестно, чем кончится дело с больными лошадьми, а я добавлю на свой счет разбитые ступы. Я ведь теперь тоже ученый.

— Не волнуйся: за ступы отвечать буду я. Место сброса обозначим на местности знаками. Лучше рисковать чугунной ступой, чем живым человеком.

Они пересекли небольшую поляну и снова углубились в курум, по которому шли еще с полчаса.

— Где же участок?— не вытерпел Голубев.

— Еще столько, да еще полстолько, а потом четверть столько. Пришли, Владимир Андреич.

Он вытащил из сумки уже знакомый Голубеву план месторождения и, приблизительно сориентировав его на местности, объяснил:

— Сейчас мы находимся в западной части участка, в этой точке.— Он ткнул пальцем в план.— Здесь, в основном, казан-

ные работы. В километре отсюда находится такая же поляна, вернее, настоящий большой луг. Там пройдена самая длинная канава. В ней наблюдается очень интересное оруденение. В южной и центральной частях канавы руда неважная, дай бог, чтобы она была в пределах кондиций. Зато в северной части есть на что посмотреть. И чем дальше на север, тем богаче руда. Уже сейчас нам всем ясно, что это самая перспективная зона. Сегодня я тебе ее покажу. Дальше, в пятистах метрах, еще одна поляна, также ориентированная с юга на север. По ней проходит последняя разведочная линия. К сожалению, мы не можем пока проходить канавы в курумах, потому что это очень трудоемкая работа и требуется много взрывчатки, У меня есть надежда, что по простиранию руда тянется еще километра на два-два с половиной в обе стороны. Таким образом, мы не ошибемся, если сейчас твердо скажем, что длина уже разведанного рудного тела — два километра, плюс в перспективе столько же.

— А мощность?— перебил его Голубев.

— Не имея анализов, сказать что-нибудь определенное трудно, Владимир Андреич, но я грубо, на глаз, определяю минимальную мощность в триста пятьдесят метров. Точнее определим, когда получим анализы.

— Да ведь это когда будет?— с сожалением спросил Голубев.

— Все зависит от быстроты обработки проб,— ответил Саблин и с разбегу легко прыгнул через широкую канаву. Голубев потоптался по отвалу, осторожно спустился в канаву, придиричиво осматривая бровку. По всему дну канавы отчетливо выделялась вырубленная зубилом борозда. Строгая выдержанность ширины и глубины в ней говорили о тщательности отбора проб.

— Чистая работа,— сдержанно похвалил Голубев.

— Стараемся,— скромно сказал Саблин, незаметно пряча в бороде довольную улыбку.

— Ну, положим,— мягко осадил его Голубев,— техника безопасности на этой канаве хромает сразу на обе ноги. Положенная берма* по бортам канавы нигде не выдерживается. Отвал породы лежит прямо на бровке, а ведь глубина местами достигает трех метров. Если на проходчика с отвала упадет обломок породы, то несчастный случай гарантирован. Хорошо, если это будет легкая травма. А если тяжелая? Пока мы доне-

* Берма — уступ, предохраняющий проходчика от падения кусков породы. Правилами техники безопасности предусмотрено на ширина бермы в 30 см.

сем пострадавшего до поселка по этой тропе, мы замучим его до смерти.

— Владимир Андреич, ну зачем сразу такие страсти! До сих пор у нас все было в полном порядке.

— Да где же в порядке, когда каждую секунду можно искалечить человека!— загорячился Голубев.— Через такую широкую канаву нет ни одного мостика, ни одного перехода! А главный инженер прыгает через нее как козел и заверяет, что все в порядке. Жареный петух тебя еще в зад не клевал. Вот ты так и рассуждаешь. Ты не обижайся, Леонид Михайлыч, но, по-доброму, дальнейшую проходку надо остановить немедленно. Прошу тебя сейчас же дать команду, чтобы на тех интервалах, где идет проходка, горняки с обеих бортов сделали бермы и поддерживали их до окончания работ. Не повднее чем завтра сделать переходы через канаву, хотя бы на ширину двух досок. И обязательно поставить вешки на тропе.

Саблин попытался спорить, но Голубев ничего не хотел слушать.

— Твою же голову берегу,— сказал он жестко.— Неужели ты не понимаешь? Главный инженер первый отвечает за безопасность на горных работах, а ты, как мальчик...

Саблин обиженно замолчал и надулся. Молча подошли они к проходчикам и поздоровались.

— Перекурим, товарищи,— обратился к горнякам Голубев.

Человек пять вылезли из канавы, присели на отвал, остальные продолжали работать.

Сизый дымок дружно потянулся вверх. Пока Саблин разъяснял необходимость устройства бермы, Голубев внимательно осмотрел инструменты, которыми пользовались горняки.

— Так дело не пойдет, Леонид Михайлыч,— сказал он, когда они отошли от проходчиков подальше.— Таким инструментом работать нельзя. Лопаты не обрублены, все рукоятки сделаны из сырого леса, в сучках и зазубринах, кайловища не обструганы. Весь инструмент насажен кое-как. Это — пытка, а не работа. Завтра же надо будет поставить двух плотников на заготовку черенков для инструмента.

— У нас каждый готовит себе инструмент на свой вкус,— недовольно буркнул Саблин и пошел вперед, не оглядываясь.

— Ну и зря,— отрубил Голубев.— Пытаетесь сэкономить час, два, а теряете целые смены. Прошу заготовить хороший инструмент впрок, чтобы люди не мозолили себе рук каждый день о суковатую палку.

На следующей разведочной линии их ожидали новые не-

приятности: километровая канава была пуста на всем протяжении.

— Второй день стоит выработка,— хмуро пояснил Саблин.— Пьянствуют бичи из большого общежития.

Он показал Голубеву образцы руды из северной части канавы и повел его вниз по склону, рассказывая на ходу:

— Дробилку поставим на этой линии. Там, пониже — основная масса ранее отобранных проб. Отсюда этого места не видно, потому что его загораживает курум. Там же, немного в стороне, на самой кромке леса, сейчас в проходке два шурфа. Один, глубокий, проходит Снегирев, второй, помельче, заканчивает Боженятов. На днях переведу его на первую разведочную линию, и мы попробуем расшурфовать южную часть. Там есть небольшая полянка.— Голубев хотел остановиться возле сложенных штабелем проб, но Боженятов, узнав издали Саблина, призывно махнул рукой и крикнул:

— Михайлыч, давай ко мне!

— Что случилось?— спросил Саблин, приближаясь к шурфу.

— Да ничего особенного,— успокоил его Боженятов.— Шурф руды не встретил. Вот я и подумал, что нет смысла долбить пустую породу. Геологов не видать, и нужна твоя команда, чтобы закрыть шурф. За этим я тебя и позвал.

Голубеву понравился шурф Боженятова, он ни к чему не стал придираться. Только отметил, что на выработке нет аптечки.

Саблина спустили в шурф. Он осмотрел забой и сказал:

— Ты прав, Виктор Иванович,— нет смысла продолжать проходку по пустой породе. Нового шурфа задать сейчас не смогу — нет времени. Чтобы не было простоя в бригаде, забирай своих воротовщиков и маршируй на северный конец канавы. Занимайте каждый по десятиметровой секции и работайте, пока не вскрыете коренных пород. Я намечу каждому его выработку. Там надо до снега пройти как можно больше, а проходчиков нет — пьют бичи второй день.

Боженятов позвал воротовщиков, и они вместе начали собирать инструменты.

— Дисциплина у нас никуда не годится,— сказал Голубев.

Боженятов незаметно оглянулся и увидел, что лицо Саблина медленно наливается кровью.

— Кстати, Леонид Михайлыч, будь добр, объясни, что это за слово — «бич»,— попросил Голубев.

Саблин неожиданно рассмеялся и охотно объяснил:

— Бич — это новая разновидность хулиганствующего тунеладца, горлохвата и любителя длинных рублей. Цель его жиз-

ни — напиться и нажраться, предпочтительно за чужой счет. Один из них расшифровал мне слово «бич» следующим образом: бывший интеллигентный человек. Конечно, это — явный поклеп на интеллигенцию, но бич, как правило, начитан. Он будет говорить с тобой о покорении космоса, о расщеплении атомного ядра и, если хочешь, о геологии. Но разговор на любую тему он кончит тем, что попросит выписать аванс хотя бы в сумме трех рублей. Денег у бичей никогда нет, хотя зарабатывают они у нас неплохо. Заработок до последней копейки бич пропивает. Пьют все, что попадет под руку, начиная с политуры и кончая одеколоном. Одно время в большом общежитии открылся целый пивоваренный завод. Месяца два назад я сгоряча изрубил все лагуны и бочки. На время пьянка прекратилась, а вчера и сегодня на работе опять никого нет.

— Она бы, Михайлыч, совсем прекратилась, — вмешался Боженятов, прислушивающийся к разговору, — если бы ты сразу убрал оттуда заводилу.

— Ты хочешь сказать, Сашку Клянусь Жизнью?

— Вот-вот. Именно Сашку, — подтвердил Боженятов, понижая голос и оглядываясь на воротовщиков.

Воротовщики, взвалив на плечи инструмент, медленно двинулись в гору вдоль канавы.

— Но ведь Сашка — такой же бич, как и остальные. И кроме всего, он — отличный проходчик. Выработка у него не менее ста пятидесяти процентов нормы.

Боженятов криво усмехнулся и шепотом сказал:

— Сашка Клянусь Жизнью не бич, Михайлыч, Сашка — рецидивист.

— Ну, это ты чепуху городишь, Виктор, у него прекрасные документы, и он оформился через отдел кадров экспедиции.

— Эх, Леонид Михайлыч, святой ты человек. Да самый прекрасный документ стоит двести-триста рублей. Сашка маскируется под рядового бича, а в общаге он держит верх. Там он царь и бог. Бичи его никогда не продадут, как бы ты их ни пытал. Снаружи Сашку голыми руками не возьмешь — его надо взорвать изнутри.

— Это как же?

— А так, чтобы бичи его сами свергли с престола.

— Ерунду ты говоришь, Виктор Иванович, — рассердился Саблин. — Завтра вечером я займусь с ребятами из большого общежития и узнаю точно, кто там варит пиво и травит людей.

— Не советую, Леонид Михайлыч, попусту тратить время.

— Какой он из себя, этот Сашка? — спросил Голубев. — Я его знаю?

— Сашка приметный, Владимир Андреич,— пояснил Боженятов.— Морда у него, как велосипедное колесо, а нос, как пуговка. Наверное, перебит в драке. Он за каждым словом повторяет:— «Клянусь жизнью». Это его я вышиб с собрания.

Боженятов вскинул на плечо связанные вместе кайло, лопата, буры и кувалду и скорым шагом отправился догонять своих воротовщиков.

Указав на еле заметную тропу, Саблин попросил Голубева пройти на шурф к Снегиреву и ждать его, пока он не разметит канаву.

На опушке леса Голубев встретил двух парней, которые готовили крепь. Придирчиво осматривая деревья, они долго выбирали подходящую прямослойную пихту. Затем в считанные минуты свалили и очистили ее от сучьев. Пользуясь палочкой-меркой, разметили ствол на сутунки необходимой длины и взялись за пилу. Никогда раньше Голубев не видел такой слаженной и спорой работы. Ему показалось, что пилу вжикнула всего несколько раз, а первый от комля сутунок уже отвалился от ствола, белея ровным, круглым торцом.

От дерева потянуло непередаваемо острым и одновременно легким запахом свежих опилок. Еще несколько энергичных взмахов пилой— и второй поперечный рез был готов.

Быстро, но и не делая ни одного лишнего движения, пильщики косолапо переступали вдоль длинного ствола и, казалось, играли с пилой. Сутунок за сутунком мягко отваливались от ствола. Голубев стоял молча, смотрел и не мог насмотреться на работу этих людей.

Вот они кончили пилить и, пока один из них относил и прислонял к дереву пилу, второй поднял и поставил вертикально толстый чурбак. Установив широкое острое лезвие топора на одну треть торца, он негромко свистнул.

Подожел напарник с тяжелой березовой колотушкой и, почти не размахиваясь, ударил ею по обуху топора. Коротко щелкнув, от чурбака отлетела пластина. Топор переместился еще на одну треть торца. Еще удар— и три пластины были готовы. Дерево колосось легко и ровно.

Разделав все чурбаки на пластины, креподелы разложили их на четыре ровных кучки. Каждый обвязал одну кучку веревкой и, ухнув, вскинул себе на спину. Обходя валежник, они выбрались на тропу и быстро зашагали в ту же сторону, куда направился Голубев. Он легко догнал их и поздоровался.

— Здравствуйте,— в один голос отозвались креподелы.

— Кому готовяте крепь?

— Снегиреву,— ответил тот, который шел первым.

— А кто вы?

— А мы тоже Снегиревы. Идем к батю на обед. Он тут неподалеку шурф бьет, вот мы ему и помогаем. Тяжело ему уже такие вязанки таскать. Да и устал он сегодня: с утра пластается в забое, хочет закончить шурф. Пойдем с нами, товарищ начальник.

— Да я к нему и пробираться. Остановился вот посмотреть на вашу работу — не мог пройти мимо. Уж больно ловко вы разделили эту лесину.

— Дело привычное, — скромно ответил второй Снегирев, — с детства знакомо.

Шурф проходчика Снегирева отличался от других выработок необычайной чистотой и опрятностью: площадка возле устья была аккуратно подметена веником, инструмент насажен на зеркально гладкие рукоятки.

Увидев начальника партии, Снегирев не вскочил, не засуетился, как это часто бывало с другими проходчиками. Он вежливо поздоровался и, отложив в сторону свежееотесанное березовое топориче, встал. Голубев заметил, что на березке, под которой расположился Афанасий Егорович, висели и сохли готовые черенки для лопат и кайл, а также несколько топоричей.

— Показывайте свое хозяйство, товарищ Снегирев, — попросил Голубев.

— Хозяйство мое все на виду, — пошутил Афанасий Егорович, — прятать нечего. И артель моя в сборе. Сыновья мои, Иван и Василий. Оба — проходчики.

Снегирев придвинулся вплотную и понизил голос:

— Хорошие проходчики. Дело знают. Настоящие таежники. Они и в снегу переночуют, если надо, и птицу и зверя добудут. Только не вздумай их хвалить раньше времени. У нас хвалят людей бывалых, а у них еще молоко на губах не обсохло.

Снегирев подмигнул и продолжал громко:

— Дочери мои рабстают у меня воротовщицами. Сейчас они пошли собирать сушняк. А мать вон у костра кашеварит. Вот какие корни я пустил. Так и кочуем все вместе.

Он повернулся к сыновьям, сказал строго:

— К воротку, ребята. Спустите начальника в шурф, — и, обращаясь к Голубеву: — Приходилось спускаться-то?

— Десять лет уже только и делаю, что спускаюсь да поднимаюсь.

— Вот и славно. Даст бог, еще не одну мою выработку посмотрим.

Он подал Голубеву предохранительный пояс и каску. Голубев снял фуражку, надел на голову шахтерскую каску и подпоясался. Иван и Василий уже приготовили к спуску бадью. Голубев стал одной ногой в бадью, пропустил цепочку пояса за трос, защелкнул карабин и, взявшись рукой за трос, попросил:

— Не торопитесь, товарищи, хочу хорошенько осмотреть крепление.

Афанасий Егорович подал зажженную карбидную лампу, скомандовал сыновьям:

— Давайте.

Смазанный солидолом ворот мягко повернулся, и Голубев очутился в узком колодце. Спускаясь вниз, он тщательно осматривал закрепленные стенки шурфа, отмечая про себя, как добротнo пригнаны одна к другой свежие пихтовые пластины, как прочно заклинены они в общем срубе. На пятнадцатом метре свободная нога нащупала предохранительный полок — широкую плаху, укрепленную вдоль короткой стенки шурфа. Под ней обычно стоит проходчик, когда по шурфу движется бадья с породой. Перед глазами проплыли два последних венца крепи, и открылась влажная, словно запотевшая порода. Бадья стала на забой, трос в руке Голубева ослаб. Стенки шурфа были сложены остроугольными, различной величины обломками пород. Пространство между ними было заполнено щебнем и глиной. Ближе к забою количество щебня увеличивалось. Где-то наверху за крепью скапливалась вода, и редкие крупные капли ритмично и звонко бились о дно шурфа. В свете лампы Голубев видел обломки руды и пустой породы, перемешанные с глиной и щебнем.

«Порода неустойчива,— отметил Голубев.— Молодец старик, гонит крепь, не отставая далеко от забоя». Он посмотрел вверх, где в четырехугольнике светового окна виднелись три головы. Крепь уходила до самого устья ровно, без западин, без выступов.

— Вира помалу,— попросил он.

И тут же почуствовал, как напрягся трос, отрывая от забоя тяжелую бадью.

— Ну, Афанасий Егорыч, благодарю за шурф,— сказал он, отстегнув цепочку и вылезая из бадьи.— Классная работа. Этот шурф можно смело показывать как учебное пособие. Я уверен, что при таком тщательном креплении между пластинами и песок не просыплется.

— Не только песок не просыплется,— прихвастнул Снегирев, гордо поглядывая на сыновей,— и вода не протечет.

— Хорош шурф,— подтвердил Голубев,— придраться не к чему. И поставить предохранительный полок не забыл. Как в учебнике на картинке!

— В нашем деле, Владимир Андреич, торопиться нельзя, а без полка в шурфе делать нечего,— поддержал его Снегирев, обращаясь не столько к Голубеву, сколько к сыновьям.— Настоящий проходчик в глубоком шурфе без полка работать не будет. Он знает, чем это пахнет. Сейчас вот в институтах и техникумах наша работа называется — горное дело. Но еще на моей памяти она называлась — горное искусство. Так-то, голубчики.

Снегирев сел под березу, выбрал гладко оструганное топориче и стал зачищать его острым осколком стекла. Тонкие, как паутина, стружки сыпались ему на колени, завиваясь в мелкие кольца. Кряжистая фигура старика была неподвижна. Только кисть руки с зажатым в пальцах стеклом мелькала по поверхности заготовки.

— Мне Леонид Михайлыч объяснил, почему так стали называть наше дело,— рассказывал он, смахивая с колен стружки.— Сейчас на горных работах везде применяют машины. И в рудниках и в угольных шахтах. Ну, а там где машина, там нужен ученый подход. Все должно быть расписано от и до. То есть все по строгому расчету и одинаково для всех. Иначе и машины поломают и шахту угробят. Вот и получается, что на нашем искусстве выросло уже настоящее дело. Ну, а искусники из стариков, вроде меня, еще есть. И поскольку в разведке пока машин для проходки шурфов нет, мы тоже при месте. И я так думаю, что горному делу обучиться может каждый — была бы охота. А вот то, что мы от отцов и дедов переняли, по книжкам да по тетрадкам, дорогие мои, не выучишь. Шибко трудная эта наука — определять на глаз, что к чему. Я вот хочу спросить тебя, Владимир Андреич: скоро будут в моем шурфе коренные породы?

— Скоро,— уверенно ответил Голубев.

— А по чему это ты определил?

— Да по тому, что шурф уже с метр идет почти по одной щебенке и на забое чистый щебень. По документации других выработок известно, что поверхностная часть большинства коренных пород на этом месторождении легко разрушается процессами выветривания и превращается в мелкие обломки и щебень. Сверху они обычно закрыты крупными обломками более крепких пород, сползающих с горы. Обломки ваш шурф прошел и сейчас врезался в чистую щебенку. Значит, он на подходе к коренным породам.

— Вот что значит наука,— с какой-то еле уловимой ноткой сожаления в голосе сказал Снегирев и с уважением посмотрел на Голубева.

Послушать мужчин подошли жена и дочери Снегирева.

— Да,— задумчиво продолжал он,— нашим родителям никто ничего не объяснял. До всего они доходили сами, на ощупь. Но,— голос Снегирева окреп и зазвучал торжественно,— дело знали. В России они были пахарями, в Сибири стали горняками. Мы коренные горняки и приискатели. Мой дедушка золото мыл в этих горах, отец всю жизнь из тайги не вылезал, и я с десяти лет с лотком не расставался. Сначала промышлял с ребятишками по старым отвалам, а потом работал в артели. Несколько раз уходил стараться в одиночку. Золотишко — заманчивая штука. Хуже картежной игры. Кто его хоть раз в руках подержал — конченный человек. Будет оно манить до конца жизни.

— Ну, завелся батя,— шепнула матери старшая дочь.

— Напал на свежего человека,— улыбнулась мать.— Не мешай ему, доченька, пусть душу отведет старый.

— И сейчас манит?— спросил Голубев.

— А ты что думал,— серьезно ответил Снегирев.— Этому делу, считай, вся жизнь отдана. Разве можно так легко от него отойти. Это что-то вроде измены получается. Вот возьми, к примеру, Михалыча. Он же от своего дела никогда не отступится. У него на уме только руда. Да он умрет на этой горе посреди проклятого курумника, а никуда не уйдет. Я человека понимаю, потому — сам такой.

Афанасий Егорович полюбовался до блеска отполированным топоричем, ласково погладил гладкую поверхность искореженными ревматизмом и работой пальцами и отложил в сторону. Взял другое, примеряясь, сощурил глаз, и снова острый кусок стекла забегал по дереву, снимая тончайшую стружку.

— Тем и жив человек,— говорил он, оглядывая слушателей быстрыми ясными глазами,— что весь день в трудах да заботах он. Я вот каждое воскресенье собираю инструмент и отправляюсь по ключам золотишко искать. Есть у меня кой-какие приметы, и думаю, что в этих местах оно должно быть. Я жив быть не хочу, если не найду здесь настоящего золота.

— И раньше находил?— поинтересовался Голубев.

— Было дело,— с гордостью подтвердил Снегирев.— Я шибко счастливый.

— Пожалуйте обедать,— позвала от костра жена Снегирева. За обедом он продолжал рассказывать:

— Жили старатели в старые времена так: сегодня все, а

завтра ничего. Даже бабы нагтели до того, что не хотели свои чулки стирать и надевали новые, а старые вешали на забор. Ну, а потом, когда нужда прижмет, снова снимали с забора старые и носили до новой удачи. Каждый старатель мечтал найти такую жилу, чтобы хватило ему богатства до гроба. И некоторые находили, но почему-то не впрок шло им это богатство: один запыется до смерти, другой — сойдет с ума, а с третьим вообще что-то непонятное творится.

Жил у нас в поселке старик кержацкого рода — Ивойло Парфеныч Бурчевский. Поговаривали, что водится у него золотишко, но толком никто ничего не знал. Бурчевский работал в артели, получал свою долю, но людей сторонился и ни с кем дружбу не водил. Время от времени он исчезал в тайге на несколько дней.

Некоторые лихие головы пытались выследить Бурчевского, но из этого ничего не получилось. Старик уходил на восток, а приходил с запада. Или наоборот. Приносил пару глухарей, несколько штук рябчиков. Иногда — козла.

В тайге это занятие не возбраняется, и придраться к нему было невозможно. Но зачем простому охотнику путать след и прятаться от людей? Этого понять мы не могли. Когда Бурчевский умер, в избушке нашли кисет с золотым песком — грамм двадцать, не больше, кой-какую одежонку и отличную бельгийскую двустолку со стволами из витой стали. Небогато жил Ивойло Парфеныч, а запоры внутренние на дверях поставил такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Под дырявой мешковиной, которой была обшита дверь — стальные навесы в палец толщиной, укрепленные на болтах, потайные задвижки чугунного литья. Кого опасался Бурчевский при своей бедности?

Подивились люди, неделю посудачили бабы, и скоро все забыли. А через два года на прииск приехал молоденький учитель и поселился в этой избе. Стал он ремонтировать погреб под картошку и выкопал из земли небольшой сундучок с хитрым запором. Сундучок был мал, но тяжел. Насилу приволок его учитель в сельсовет. Позвали кузнеца, открыли, а в нем — три стеклянные банки полные золотых самородков. Почти полста килограммов насобирал Ивойло Парфенович за свою долгую жизнь и ничем не попользовался. Вот как бывает!

Рассмотрели мы это золото и порешили — не наше. У нас по речкам золото — катанное, светлое, с примесями серебра. А это желтое, и все золотишки корявые, остроугольные. В некоторых самородках сохранились кусочки кварца. Опытному человеку ясно — добывал Бурчевский его из коренной кварце-

вой жилы далеко от нашего прииска. Задумались тогда мужики крепко: где же эта жила прячется? А один старейший приискатель, который исколесил весь свет и побывал даже на Аляске, сказал: «Нет человеку счастья, если он только для себя копит богатство. Что хорошего видел Бурчевский за свою жизнь? Ничего он не видел. Жил среди людей, как волк. Знал нашу каждодневную лютую нужду, сам носил дырявые штаны и никому ничем не помог. А ведь на таком золоте наверняка можно рудник строить, не то что прииск, работать можно круглый год, а не один летний сезон, как у нас».

Снегирев отломил половинку толстой лепешки, аккуратно ссыпал на ладонь мелкие крошки и кинул их в рот. Жена принесла от костра чугунок с кашей.

— Ешьте, Владимир Андреич, досыта,— сказала она, накладывая полную миску разваристой пшеничной каши с мясом.— Это мои детки вчера стрелили глухаря после работы. Ешьте больше — день долгий, а в столовку теперь все равно опоздаете. Посидите с нами да послушайте моего старика. Он ведь всю правду вам рассказывает. Вы не думайте, что он балабон какой-нибудь.

— Конечно, правду,— оживляясь, подхватил Снегирев,— в мои годы врать грех. Я и смолоду не хвастал, а сейчас — тем более, хоть и есть чем похвалиться. Недаром я жизнь прожил и немало земли перекопал. Если сложить всю мою проходку шурфов вместе, то за сорок лет моего труда прошел я в земле ход длиной километров тридцать. Вот сколько, Владимир Андреич, сделано. Тридцать километров — это значит, что я один почти подо всей Москвой прокопал ход. Михаил Иванович Калинин — наш всесоюзный староста — шибко удивлялся моей работе, когда вручал мне орден. Так и сказал он тогда: — «Удивительно сильный вы человек, Афанасий Егорыч, дай вам бог здоровья на многие годы. Берегите себя, держитесь. Вы еще много пользы дадите для народа». Вот и держусь, копаю землю без остановки и без отдыха.

Да... а ведь мог бы и не копать. Мог бы пьянствовать и заливать глотку вином с утра до ночи. И старуху свою мог бы каждый день в шампанском купать. Только все это ни к чему. Сторел бы я уже от этого вина или попал бы в сумасшедший дом. А так, вишь, я жив и здоров, ребята у меня орлы, девки — работницы, и красотой их бог не обидел. Все у меня есть, что человеку надо, а главное — интерес у меня к жизни большой. Люблю искать я в земле клады и искателей люблю настоящих, таких, как Михалыч. Он своего добьется, хоть и порет иногда горячку по молодости лет. Но это ничего. Это

пройдет. Я сам такой же был и не признавал никаких преград. Уж если задумаю, то сделаю. Задумал найти жилу, из которой Бурчевский добывал золотишко, и нашел.

Голубев, внимательно слушавший Снегирева, чуть не подавился от неожиданности.

— Как нашел?— придушенно выдавил он.

— Как в песне,— лукаво подмигнул Снегирев, по-детски радуясь эффекту своего рассказа.— «Кто ищет, тот всегда найдет». Много лет лазил я по тайге в поисках этого клада, много породы перевернул и промыл на своем лотке, но золота такого не встретил. Нахлебался я с этим золотом горя по самые ноздри: и в лесной пожар попадал, и тонул, и замерзал. Застиг меня как-то на перевале буран. Вокруг ни одного дерева, ни одного куста. Спрятаться некуда, а идти нельзя, потому что и справа и слева стометровые обрывы, а видимости никакой. Но я не растерялся: снял лыжи, выкопал в снегу яму поглубже, перекрыл ее кое-как лыжами и залег, как медведь в берлоге. Вход быстро занесло снегом, но теплее от этого не стало. Только от ветра спасенье, а все равно холодно. К утру ударил сильный мороз и буран прекратился. Вылез я из своей снежной спальни на белый свет и сразу закованел — в снегу-то теплее. На мою беду оказалось, что сырмятные крепления на лыжах замерзли намертво и надеть лыжи на ноги я не могу. А без лыж и шагу ступить нельзя — проваливаешься по пояс. Спрыгнул я в яму и попробовал согреть руки своим дыханием, но ничего у меня не получилось. Чем дальше — тем хуже. Тогда сбросил я ватную стеганку, кое-как стащил с себя шерстяной свитер и попытался поджечь его спичкой. Но руки уже совсем закованели, и спичку удержать я не смог. Спичку я взял в зубы, коробок зажал ладонями и зажег. Пока загорелся свитер, опалил я себе усы, губы и нос. Но свитер зажег. Огнем он, конечно, не горит, а просто помаленьку тлеет. Однако тепло есть. Успел я отогреть в шерстяном тепле и руки и крепления, стал на лыжи и двинул вниз с гольца поближе к лесу. Так без усов и домой заявился. Из-за этого золота и женился поздно — боялся потерять свободу. Потом женился и притих. Надо было зарабатывать на семью, а на прииске заработка только летом, в зиму не пойдешь в горы на поиск. Но вот стало у нас на прииске золото вырабатываться, и управление организовало свою разведку.

Три года ковырялись мы вблизи поселка. Нашли несколько хороших россыпей, но запасы в них были невелики. Тогда мы ударились в самую глухомань.

Однажды случилось мне на охоте подранить козла. Собака

взяла след и повела меня за подранком. Однако плохо я его зацепил — гнались до вечера и не догнали. А тут, как на грех, пошел дождь, и собака потеряла след. Заночевали на хребте. Можно было вернуться на другой день, но поманила меня к себе одна небольшая долинка по ту сторону хребта, куда ушел недобитый козел. Я видел ее с поляны. Широкая, как корыто вверх, она сразу сужалась в средней части, километрах в двух от меня. Будто каменный пояс перехлестнул долину и оставил посредине только узенький выход. Перед выходом — небольшое проточное озерко. Из него течет ручей. Мне с горы все видеть, как на ладони. Но просматривается долинка только с полянки. Чуть зайдешь в лес, и сразу она закрывается деревьями. Шибко мне поглянулась эта долинка. Ну прямо натуральная чаша с высокими краями. И озеро на выходе тоже к месту. Я сразу сообразил, что если золото в долине есть, то дальше озера оно ручьем не сносится. Значит ниже каменного пояса золота не будет. Нащупал я в кармане сухарь и думаю: «Была не была. Закушу в обед сухарем, а там видно будет».

На спуске к верховью ручья натолкнулся я на старый трухлявый пенёк, обросший мхом. Немного дальше увидел еще несколько пней. На всех были видны следы топора. Я стал приглядываться и заметил еще с десятков пеньков, скрытых в самой чащобе.

— «Нет,— думаю,— тут дело нечисто. Кому это потребовалось готовить здесь лес? Охотнику для костра хватит двух-трех сушин. Да и откуда ему здесь взяться».

Прошел по ручью всю долину до самого озерка и не встретил никаких следов старательских работ: ни одного шурфа, ни одной закопушки. Лес по бортам стоит нетронутый. А в русле много обломков ржавого кварца. Я даже пожалел, что нет со мной лотка. Надо бы сделать промывку, а нечем.

На подходе к озеру мой пес поднял подранка, и я его прикончил с одного выстрела. Пока сдирал шкуру да варил мясо, перевалило за полдень. Пора и назад. Увязал козлинное мясо и шкуру, поднялся, а уйти не могу. Будто держит что-то меня в этой долине, и непонятно, что. Щемит сердце, как перед бедой. Походил я по берегу озера, осмотрел скалы на выходе из долины и решил:

«Заночую, а завтра еще раз осмотрю все, что можно». Горы опять затянуло тучами, начал накрапывать дождь. Огляделся я внимательно — вблизи ни одного кедра. Надо строить шалаш.

Выбрубил я несколько жердей и кольев. Выбрал самое сухое место и начал забивать первый кол. С одного удара пробил дерн, а дальше кол не идет. Ударил еще раз изо всей силы и

вдруг ухнул куда-то под землю вместе с колом. Летел метра четыре, ударился и потерял память. Очнулся и вижу, что лежу на дне старого шурфа. Над головой — клочок серого неба, и дождь мне на голову помаленьку капает. Снизу видно, что устье шурфа аккуратно перекрыто деревянными пластинами, а поверх них настлан дерн. Из шурфа в гору пробита рассечка. Шурф закреплен по-старательски чисто, без единой щелочки. Рассечка тоже. Сразу видно, что работал настоящий мастер. Крепь от времени истружливалась, накат над устьем прогнил.

Ощупал я руки, ноги — вроде все в порядке. Только голова гудит. Это меня сверху пластиной стукнуло, когда я упал. Слышу — собака моя визжит. Беспокоится, шельма, что хозяин голоса не подает. Окликнул я ее — успокоилась.

В шурфе темновато, а в рассечке совсем ничего не видеть. Пощупал пальцами породу под собой — шершавая, с острыми углами. Догадался: «Кварц». И тут словно молнией меня осветило: «Боже ты мой — жила!»

Мне бы надо наверх выбираться, а меня уже захватил азарт — лезу в рассечку ближе к забою. Пощупал крепь и успокоился — стоит прочно. Полез смелее. Наконец уперся. Впереди каменная стена — забой, сверху и с боков деревянные пластины крепи. Вытащил я из кармана спички, а зажечь не могу. Колотит меня, как в лихорадке, зуб на зуб не попадает, а сердце так и стучит, будто из груди выпрыгнуть хочет. Перевел я дух, собрался с силами и чиркнул по коробке сразу штук пять спичек. Ну какой от спичек огонь, а егохватило — вся грудь забоя блесгела крупными, как рыжие тараканы, самородками. «Дикое золото, жила Бурчевского», — понял я в эту минуту.

Тут же лежало кайло, лопата и пачка свечей. К вечеру я добыл килограмма три самородков. Но уснуть в ту ночь не мог ни на миг. И какая только гадость не лезла мне в голову: — «Ну, что стоит мне подняться завтра повыше на склон, заготовить пяток новых пластин, уничтожить следы, заново перекрыть шурф, замаскировать дерном — и живи-поживай, Афанасий Егорыч, без забот и хлопот. Приди раз в год, возьми сколько надо и гуляй».

Снегирев отодвинул пустую миску и кружку из-под чая, поднялся на ноги, сказал сыновьям:

— Поднесите крепь, ребятки, обеденное время вышло.

— Чем же все кончилось? — не выдержал Голубев.

— А этого никто не знает, — спокойно ответил Снегирев, — конца пока не видно. Работает там рудник и, говорят, будет работать долго: не скоро оскудеет та долина.

Он взял топор и начал затесывать концы крепи.

— Зачем же вы ушли с рудника?— спросил Голубев.

— Да что мне там делать?— досадливо морщась, ответил Снегирев.— Там же техника, а я ее не знаю. Учиться мне поздно. Ошиваться вокруг да около — стыдно. Предлагали мне разные должности и по профсоюзной работе выдвигали. Только я думаю, что и с трибуны должен говорить человек грамотный и знающий дело. А повторять по бумажке слова — это больше попугаю подходит. Нет, Владимир Андреич, каждый человек на земле должен делать то, к чему у него лежит сердце. Это смолоду можно выбирать себе дело, а под старость менять профессию трудно. Я — приискатель, а не какой-нибудь пришей-пристебай, который все знает и ничего не умеет.

Глава VII

Возвращались поздно. Солнце уже село, и только последние лучи били в снежную корону Кара-Тайги. Вершина пылала багряно-красным пламенем отраженного света. Ниже темнело плюшевое одеяло мхов.

— Передожднем, начальник,— предложил Саблин,— полюбумся.

— Давай поторапливаться,— ответил Голубев,— опоздаем к ужину.

Они не опоздали: несколько человек еще сидели за столом и нехотя жевали осточертевшую кашу. Пахло топленным маслом. Ярко горел костер под котлом, стоящим на трех валунах. Вокруг него в вольных позах расположились любители чая.

Было тихо: изредка потрескивали в костре сучья да ласково журчала вода в ручье.

Саблин проглотил свою порцию, взял добавку.

Мирную тишину застолья внезапно взорвал пронзительный визг. Все вскочили, Саблин застыл с открытым ртом. Визг нарастал, ввинчиваясь в мозг, как сверло.

В свете костра с немыслимой быстротой промчалась огромная свинья. На ее спине, чудом сохраняя равновесие, распластался Семен Матвеев. Его зубы были оскалены в жуткой усмешке, руки намертво вцепились в свиные уши. Кошмарное видение исчезло в русле ключа. Визг сразу смолк. Отчетливо слышалось жадное чмокание, хлопание воды да топот многих ног — к столовой сбегались жители Снежного.

Освещенный со всех сторон факелами и карманными фонариками, по горло в ледяной воде сидел Семен Матвеев и жму-

рился от яркого света. Редкие волосинки на его голове стояли дыбом, рядом, почти перегордив ручей, лежала свинья, дико поблескивая глазами. Она ненасытно глотала воду.

— П-п-прибыл,— доложил, заикаясь, Семен. Он вылез из ручья, отряхиваясь, как собака, всем телом.

— Вижу,— серьезно ответил Голубев.

— Б-братцы, подержите веревку — руки сомлели.

— Ура Семену! — закричал Боженятов, — качать его!

— Что ты, что ты, В-в-витенька, я и так до смерти укачался,— запричитал Семен, знобко стуча зубами.

— Зарезать ее, дьявологу, сейчас же,— предложил неугомонный Витька.

— Режьте, братцы, режьте, но чур, без меня. Я, считай, уже зарезанный,— заявил Матвеев, пугливо оглядываясь на свинью.

С шумом и смехом свинью вытащили на берег и повели колоты. Семен, переодетый в грязный халат, пожертвованный сердобольной поварихой, грелся возле костра. Запивая кашу сладким чаем, он с удовольствием рассказывал многочисленным слушателям о своем походе:

— Сторговал я ее по дешевке — всего за тысячу шестьсот рублей. В придачу хозяин дал веревку и старый солдатский ремень на ошейник. Прихватил я в мешок пять буханок хлеба для приманки и бутылку «московской» под будущую поджарку. Двинулись мы чуть свет по холодочку. Свинью с утра не кормили. Я ей бросаю хлеб по кусочку — она идет за мной, как собака. Отмаршировали полпути нормально, а слопала она за это время четыре буханки. Вот тут и дернул меня черт свернуть на тропку-прямушку. Думал выгадать километра три. И забыл совсем, что прямушка сроду не чищена, что там валежник лежит испокон веков нетронутый. Время к обеду. Хавронья моя притомилась — стала ложиться. Тут, как на грех, валежина за валежиной — одна толще другой. Сам перелезу, ее хлебом маню. Она передние ноги через лесину перекинет — задние не может. Ну и висит на брюхе, об сучки царапается, а орет — не приведи бог. Перелезаю обратно и поднимаю ей зад. А ведь в ей, слава богу, верных полтора центнера. Упластался я, ребятки, начисто. И хлеб кончился. Глянул на небо — солнышко на закате. Ну что тут делать? Ночевать с ней боязно — уйдет в тайгу, и плакали наши денежки. Вперед идти — сил нет. Сел покурить. Свинья рядом легла и глаза закрыла. Так мне стало обидно, что достал я бутылку и выпил с горя грамм двести. Тут чушка моя поднимается и тычет меня мордой — жрать просит. Разозлился я не на шутку и говорю: «Съела,

гадюка, пять буханок, а теперь последний кусок отбираешь. На, подавись, проклятая!— Налил на горбушку водки — подаю. Проглотила, сатана! Хрюкает — еще просит. Я думаю:— «Хоть бы до ручейка с ней дойти». Поднимаюсь — она за мной. Захмелела — прет напролом, как танк. Через валежник прыгает, словно в цирке. Я сзади телепаюсь на веревке, как пескарь на кукуане — оглянуться некогда. Только ноги успеваю переставлять. Одежка моя трещит на сучках. Потерял фуражку, мешок. Сердце стучит, как мотор, который пошел вразнос, глаза на лоб лезут.

Пробую остановить — куда там! У нее с пуза кровичка течет, а она ходу набавляет. Вытащила она меня на гору. Дальше ровное место. Соображаю:— «Она тут такую скорость возьмет, что ни один спортсмен ее не догонит!»— Изловчился, пал ей на спину, руками за уши поймался и через пять минут к вам припожаловал. Сколько на черте ни ехать, а все же не лешком идти.

Семен попытался принять геройскую позу, но только крякнул:

— Замучила скотина вконец.

— Эй, там, у костра! Хватит вам Сенькины байки слушать, — крикнул издалека Боженятов, — давайте к нам на помощь!

— Слава богу, ушли, — прошептал Семен, подвигаясь ближе к огню, — теперь, Парамоновна, мы с тобой потолкуем.

Он допил остатки чая и попросил налить еще.

Принимая из рук поварихи полную кружку, сказал ласково, обращаясь «на вы»:

— Широкая у вас душа, Парамоновна: всех вы кормите и всех вы поите, а когда отдыхаете, неизвестно.

— Да я не только душой, я и телом широкая и крепкая, — хохотнула повариха.

— Ну уж это — само собой, — обрадовался Семен. — Телом вы — натуральная статуя.

— Это еще что такое?

— Это, понимаете, самая красивая женщина. Их делают из камня и ставят в городских садах, чтобы народ любовался в свободное время.

— Вон ты куда загнул. Нешто я на них похожа?

— Сказать вам правду — нет. Вы — красивее!

— Ах, чтоб тебя! — рассмеялась польщенная Парамоновна, всплеснув руками. — Жизнь прожила, а такого не слыживала.

— Вы присядьте со мной рядышком и не то услышите. Вы видели, как меня встречал народ, как кричали «ура», как сам

начальник принародно пожал мне руку? То-то, голубушка. Он меня крепко уважает, потому что Матвеев все может сделать.

— Так уж и все?— лукаво усмехнулась восьмипудовая «голубушка».

— Вот именно. Никому не дал начальник денег на покупку этой проклятой свиньи, а мне доверил. И, пожалуйста, свинья— на месте. Надо будет— и целое стадо пригону. У меня это запросто. Такой характер: ты мне сделай хорошо один раз, а я тебе троекратно отслужу. Он мне сразу, новый начальник, понравился. Побеседовал со мной о делах и на прощанье отдал последнюю буханку хлеба и банку тушенки. Я-то видел, что в рюкзаке у него, кроме бельишка да книг, ничего не осталось. А это значит, что он— человек душевный. Это я верно говорю. Тот человек, который последним куском с тобой делится,— правильный человек. И Семен Матвеев для него сделает все, что может. Вы, Анфиса Парамоновна, может быть, мне не верите, а я все могу для вас сделать. Вот, к примеру, никто не взялся строить печь по Витькиному плану, а я, чтобы вас утешить и от нервов при дележке хлеба освободить, завтра пойду и сделаю.

— Неужто сможешь?

— Смогу. Для вас, дорогая Анфиса Парамоновна, целый хлебозавод построю. Вы не смотрите, что я с виду серый и незаметный. Вот уголек, который лежит в стороне от костра, он тоже сверху от пеплу серый и мало кому приметен. А если подуть на него, он возгорится огнем и засветит ярко. Вам станет от него тепло и весело. Если же придвинуть его к другим углям, он и вовсе запылает всем на диво. Вот и вы, Анфиса Парамоновна, поглядите на меня ласково, сдуйте с меня серый пепел, которым меня одинокая жизнь одела, и увидите, как я вас обогрею. Жара у меня до самой смерти хватит. Рядом с вами буду гореть неугасимо.

— Да гори ты ясным огнем! Что ты ко мне пристаю, как банный лист. В твои ли годы женихаться? И мне ли слушать, когда у меня уже внуки есть?

— А чем же они нам помешают? Была у них бабушка, а теперь будет и дедушка. Внуков жалеть надо. Они вас еще не скоро пожалеют. Вот и будем их в гости к себе приглашать. Я маленьких шибко люблю. Своих-то у меня не было.

Семен умолк и, подавшись вперед, вопросительно заглянул в глаза поварихи.

Что он увидел в них при слабом свете догорающего костра, никому не известно. Но когда Анфиса Парамоновна спросила

неожиданно тонким голосом: «А в бога вы веруете, Семен Пантелеевич?» Семен ответил торжественно: «Я верю в жизнь и в любовь!»

Глава VIII

Почти всю ночь не спали Боженятов и его добровольные помощники, разделявая свинью.

Запах жареного мяса с раннего утра распространился по всему поселку. Присутствующие на планерке начальники цехов были на удивление сосредоточенны и деловиты. На вопросы отвечали кратко и точно, без обычных жалоб и лишних объяснений. Все явно торопились. Голубев был доволен.

— Видишь, Леонид Михайлыч, сегодня кончили на десять минут раньше, чем намечали,— сказал он, показывая Саблину на часы,— а ты говорил, что короче нельзя.

— Твоя взяла, Владимир Андреич, но помог тебе сегодня Матвеев.

— Почему именно Матвеев?

— Да потому, что у ребят во время планерки слюнки текли. Ты видел, как они крутили головами и все время принюхивались?

— Действительно, запах такой аппетитный, что долго на месте не усидишь.

— Тебе надо сидеть, Владимир Андреич, и писать сводку — скоро связь. А я пойду попробую свининки.

— Скажи на кухне, Михайлыч, чтобы оставили мне две порции.

Голубев быстро подвел итоги проходки за день и стал писать очередную сводку для экспедиции, морщась от мысли, что план по проходке шурфов опять не выполняется.

Тихонько скрипнула дверь, кто-то кашлянул у порога.

Голубев поднял голову и увидел Матвеева.

— Ко мне?— спросил он, подписывая радиограмму.

— Так точно!— браво доложил Семен, вытягиваясь по стойке «смирно». — Разрешите обратиться!

— Проходи, садись, Семен Пантелеич. После вчерашнего перехода, наверное, не отдышался?

— Отдыхать некогда, товарищ начальник! Отдыхать будем на том свете. Я пришел с просьбой.

— Докладывай.

— Хочу попроситься на другую работу. Тяжело мне землю копать — года не те и здоровье не то. За молодыми утнаться мне трудно, а последним быть не привык.

— Какую же ты присмотрел работу? Может быть, направить тебя на стройку или лесоповал?

— Эх, товарищ начальник, в лесу никто не был богатым, а был только горбатым. Мне бы сейчас какую-нибудь работенку по мелочи, за деньгами я уже не гонюсь. Доверь мне для начала сложить печку в пекарне по Витькиному плану.

— С удовольствием. Но разве ты знаешь кладку?

— Я все знаю да помалкиваю. И тебя попрошу кадило вокруг меня не раздувать. Сделаем так: ты меня назначай на эту работу, как и всех прочих, а про наш разговор — никому ни звука.

— Это зачем же такая секретность?

— Да затем, что я таких печей сроду не делал и во сне не видел. И сомневаюсь жестоко — будет ли она хлеб выпекать. Так, чтобы надо мной не зубоскалили, в случае чего, я и прошу: не надо никому говорить, что я сам напросился. Усек, товарищ начальник?

— Усек, Семен Пантелеич, спасибо тебе большое.

— Спасибо скажешь потом, когда у нас будет свой хлеб, а сегодня вечером вызывай Боженятова. Пусть он нам свой план до тонкости выложит. Вопросов у меня к нему будет много. Дело это — шибко сложное.

День начинался хорошо. И хотя Кара-Тайгу со всех сторон обложили рыхлые тяжелые тучи, хорошее настроение не покидало Голубева. «Будет у нас свой хлеб, — думал он, — расшибусь, но печку сделаем». Даже проливной дождь, ливший с обеда до вечера, не огорчил Голубева.

Когда стемнело, в контору пришла Анфиса Парамонова. Она не ругалась, не причитала, как обычно, но что-то такое тревожное было в выражении ее лица, что у Голубева на миг замерло сердце и томительно засосало под ложечкой.

— Что случилось? — спросил он, поднимаясь, и протянул руку к плащу, словно уже знал, что надо куда-то идти.

— Пока ничего, Владимир Андреич, — нажимая на первое слово, ответила Анфиса Парамонова, — а вот что будет через час, не знаю, как и сказать.

— Говори короче.

— Расквасили под дождем весь хлеб: в сумках кисель и каша.

Она что-то говорила еще, но Голубев не слушал. Надевая плащ, сказал на ходу:

— Идем в столовку.

Весь хлеб он приказал передать на конюшню. Вызвал пекариху:

— Придется вместо хлеба выдать муку.

— Забудят хлопцы,—вмешалась Анфиса Парамоновна,—такой тарарам устроят, что мне хоть заранее из столовки убегай.

— Не забудят,—уверил Голубев,—объясним по-доброму.

В контору он не вернулся. Сидел в столовке, ждал. Изредка ловил косые неприязненные взгляды в свою сторону. Получая муку, люди угрюмо молчали, некоторые пытались шутить. Голубев взял муку на себя, Картошина и Саблина, ушел последним. Дома засучил рукава, привычно замесил тесто. Первые пышки еще не успели остыть, когда в дверь требовательно постучали.

— Входите. Открыто.

Вошли трое. Впереди Колька-гитарист. Голубев узнал его сразу.

— Проходите, товарищи,—пригласил он, догадываясь о цели прихода, и, не вытирая рук, шагнул вперед.— Садитесь.

Двое сели. Пятная чистый пол следами грязных сапог, Колька подошел ближе. Руки не подал то ли потому, что не захотел, то ли потому, что держал в правой наволочку, на одну треть заполненную мукой.

— Опять очередь проиграл?—попытался пошутить Голубев.

Колька шутку не принял. Быстрым взглядом окинул тесто, готовые пышки, задержал взгляд на руках Голубева.

— Мы от холостяков, начальник,—объявил он.— Сколько можно терпеть? То хоть что-то возили, а сегодня... Он швырнул на стол наволочку, задыхаясь от возмущения, зачистил, плотая концы слов:

— Мы в забоях стемна дотемна. А нам что? Ты посулил на собрании хлеб. Свой хлеб! Где он? Кто вкальвает на сто пятьдесят процентов? Мы! А нам? Я титан ишу. Мне сало с салом есть надо и салом закусывать. А вы муздыкаетесь тут, а толку...—размахивая руками и зачем-то оглядываясь на своих товарищей, Колька приблизился вплотную, крикнул:

— Ты меня кормить должен! Понял? Я — голодный.

Чувствуя, что у него лицо горит огнем и начинает дергаться левая щека, Голубев, сдерживая себя, сказал внешне спокойно.

— Садись, буду кормить.

Подвинул ближе к Кольке теплые пышки.

— Ты мне рот не затыкай! На всех этих пышек не хватит. Завтра мы на работу не идем.

— Завтра с утра напечем на всех.

— Значит, хлеба не будет? Айда, ребята! Нечего нам делать на Кара-Тайге.

— Хлеб будет дня через три,— пообещал Голубев и ужаснулся в душе этому обещанию.

— Откуда же он будет, если в пекарне глухо, как в танке?

— Завтра начнем делать печь, а пока надо перебиться на пышках. Нельзя портить хлеб и скармливать его лошадям.

— Ну, гляди, начальник, а то ведь нам с тобой детей не крестить... И багаж нас не давит: голому собраться — только подпоясаться...

Колька обернулся к товарищам:

— Верно я говорю?

— Куда верней: заявление написать — раз плюнуть,— подержал его тот, что сидел в тени у самого порога.— Такую шарашку мы всегда найдем.

Колька уже не кричал, но глаза его смотрели недобро, со злым прищуром.

— Мы пришли трое, начальник,— пояснил он,— а послали нас двадцать человек. Смотри: снимемся все двадцать и пыхнем на все четыре стороны.

Понимая, что успокоить людей уговорами сейчас невозможно, что надо обещать что-то конкретное, Голубев повторил уверенно:

— Передай ребятам, что свой хлеб будем есть через три дня. Завтра мобилизую всех женщин печь пышки. Другого выхода нет.

— Ну, это куда ни шло,— согласился Колька,— а то все помалкивают и ни в дудочку, ни в сопелочку.

Озорно подмигнув Голубеву, прощаясь, пожал ему испачканную тестом руку.

— Муку не забудь,— напомнил Голубев.— Можешь взять пышек.

— Своих напечем,— ухмыльнулся Колька с порога,— у нас не заржавеет.

Делегаты от холостяков ушли, а Голубев, чувствуя, как стучит в висках кровь, как дрожат губы и непроизвольно дергается правая щека, долго курил и никак не мог успокоиться.

Проект строительства необычной печи рассматривали втроем до поздней ночи.

Дотошный Семен придирался к каждому слову Боженятова и требовал доказательств и гарантий. Боженятов поначалу спокойно объяснял и доказывал пригодность и надежность конструкции. Затем начал горячиться. Когда дело дошло до взаимных оскорблений, Голубев объявил перерыв. Чтобы погасить пожар страстей, он предложил попить чайку. Крепкий горячий чай примирил автора проекта с непосредственным его

исполнителем, и окончательная договоренность была достигнута без нарушений этикета.

В последнем варианте основа будущей печи рисовалась следующим образом: под — из кирпича, оставшегося от неудачной работы дяди Кузи, свод — из двух списанных железных бочек, разрубленных вдоль, частично развернутых и установленных параллельно. Задний торец и устье решили выложить кирпичом, боковые части в полуметре от железной основы заделать наглухо плахами, все пространство между плахами и бочками сверху и с боков засыпать землей, мелким камнем и кирпичным боем.

Голубев, рисовавший на листе миллиметровки это сложное сооружение, проставил размеры и размашисто написал: «Утверждаю».

Автор проекта взял в руки готовый эскиз и торжественно передал исполнителю. К общему сожалению, оказалось, что Матвеев страдает дальзоркостью и без очков ничего разобрать не может.

— Вот послал господь помощника — калеку, — огорчился Боженятов, — давай запоминай все размеры.

Близко к полуночи из Кедровки вернулся Саблин. С интересом просмотрел эскиз и заявил наигранно бодрым голосом:

— Чудо-печь! Последнее изобретение для уничтожения муки и теста в больших масштабах. Хлеба не будет! А если будет, то есть его люди не станут.

— Ты серьезно, Михайлыч, или в шутку? — огорчился Голубев.

Смутное лицо Боженятова побледнело от обиды. Сдерживая себя, он криво улыбнулся и сказал деланно спокойно:

— Ловлю на слове, Леонид Михайлыч, надеюсь, что ты хвостом крутить не будешь. Побожись нам, что неделю не будешь есть свежего хлеба.

— Крошки в рот не возьму целый месяц.

— Пожалеешь.

— Я уже сейчас жалею, — обращаясь к Голубеву, сказал Саблин, — что на эту пустую работу мы завтра снимем двух хороших проходчиков.

— Снимем одного Матвеева, — успокоил его Голубев, — а без своего хлеба жить больше нельзя.

— Когда начнем? — деловито спросил Матвеев, надевая шапку.

— Чем раньше, тем лучше.

Они вышли поодиночке, как заговорщики, и, не прощаясь, разошлись в разные стороны.

— Как летчики?— спросил Голубев.— Согласились выбросить ступы на Кара-Тайгу?

— Век бы их не видеть и не слышать, этих летчиков,— сердито ответил Саблин.— Говорят, что каждый рейс должен быть согласован с начальством. Обещали дать ответ через три-четыре дня.

— Ну, а сами-то они что говорят?

— Говорят, что могут за полтора часа одним самолетом забросить все наше барахло на место работ, просили запастись острым ножом и приехать в Кедровку, как только они радируют согласие начальства. Подождем сообщений по радио, а сейчас будем спать.

Над Кара-Тайгой еще висела ночь, когда Матвеев собрал в кузнице необходимый инструмент и приступил к строительству печи. На частые удары молота по зубилу пустая железная бочка ответила таким диким грохотом, что Семен сразу оглох и не мог услышать, каким страшным ревом откликнулось многоголосое раскатистое эхо. Но жители Снежного слышали.

Первыми к пекарне прибежали Голубев и Боженятов.

— Прекратить!— крикнул Голубев и сорвал голос.— Ты с ума сошел!— продолжал он хриплым шепотом.— Зачем будишь людей ни свет ни заря?

— Чего?— не расслышал Семен, утирая грязной ладонью обильный пот со лба и пачкая все лицо.

— Кончай, говорю, этот колокольный звон. Пусть люди поспят пару часов.

— Это можно,— охотно согласился Матвеев,— одну бочку я уже разрубил и пока ее расправлю, аккурат солнышко взойдет.

Поблескивая белками глаз, Боженятов придвинулся вплотную и, показывая тяжелый кулак, пригрозил:

— Только звякни еще раз, чертова болячка, я тебя мигом успокою.

— Это как же понимать?— взвизгнул Семен, обращаясь к Голубеву.— Оскорбление действием при исполнении служебных обязанностей? Да за это ты на суде ответишь!

— Ну ладно. Кончай базарить!— отрезал Боженятов и, широко шагая с камня на камень, направился в поселок. Голубев успокоил обиженного Семена, пообещал прислать ему днем двух помощников и пошел досыпать. Он догнал Боженятова уже возле жилых домов.

— Не обижай зря старика,— попросил он, беря Боженятова под руку,— Матвеев сам попросился на эту работу. Когда человек по своей инициативе берется за дело и проявляет к нему настоящий интерес, в результате можно не сомневаться.

— В результате я не сомневаюсь,— буркнул Боженятов, останавливаясь возле своего дома,— сомневаюсь в Мухоморе. Напрасно вы его в это дело втравили, товарищ начальник. Заставь дурака богу молиться— он и лоб разобьет. Помянете вы меня, да поздно будет.

Вопреки мрачным предсказаниям Боженятова, Матвеев закончил кладку за два дня без каких-либо осложнений. Свеже-вымытая пекарня радовала глаз чистотой и порядком. Готовое тесто поднималось в формах, но пекариха наотрез отказалась делать пробную выпечку без авторитетной комиссии.

— Хватит с меня сраму,— заявила она Голубеву,— один раз с Кузей опозорились и хватит. Назначай комиссию— меньше всякой брехни будет по поселку.

Чтобы не беспокоить лишних людей и не отрывать их от основной работы, Голубев официально назначил себя председателем, Матвеева заместителем, пекариху— членом комиссии.

— Слава богу,— заявил член комиссии,— если хлеб стгорит, отвечать будем вместе.

— А мы, чтобы меньше отвечать, сделаем пробную выпечку поменьше,— не растерялся заместитель председателя,— сажай пятнадцать форм в первую бочку. Это— как раз половина ее емкости.

Председатель согласно кивнул, утверждая план первой выпечки, и шагнул к формам, чтобы подавать их члену комиссии.

Ровно через час Матвеев открыл заслонку и сунул голову в устье печи.

— Ну, как там?..— не выдержал Голубев.

— Уголь,— глухо ответил Семен.

Он вытащил на лопате одну форму и осторожно поставил на пол. Запах горелого хлеба наполнил помещение.

— Ах, чтоб тебе ни дна ни покрывки!— вскрикнула пекариха.— Где вас, чертей, на мою голову начальство находит? Один подлец кледе другого. Ну, что ты стоишь, пугало огородное? Вытаскивай свои угольки, подсчитывай убытки.

Когда пекариха успокоилась, комиссия продолжила свою работу. Сгоревший хлеб, чтобы не поднимать паники, было решено никому не показывать, печь протопить немного меньше, чем в первый раз, и опыт повторить с десятью формами.

Все было сделано согласно детально разработанному плану. Побледнев от волнения, председатель комиссии дрожащей рукой потянул на себя заслонку. Заместитель нетерпеливо топтался сзади, стараясь заглянуть первым. Член комиссии сидел в углу на скамейке с таким видом, словно присутствовал на своих собственных похоронах.

Голубев заглянул в печь и, громыхнув железом, поставил заслонку на место.

— Зачем закрываешь? Неужто сырое?— шепотом спросил Семен.

— Пепел,— тоже шепотом ответил Голубев, пугливо оглядываясь на пекариху.

Та словно этого и ждала.

— Ну что я говорила, рацилизаторы чертovsky!— Набросилась она на представителей авторитетной комиссии.— Где это видано: хлеб выпекать в железных бочках? Провалились бы они сквозь землю вместе с вами. Уйду от греха совсем.

Притихшие рационализаторы молча смотрели, как она гневно швырнула халат на подоконник и, не попрощавшись, вышла.

— Что же делать?— растерялся Голубев.

— Не сдаваться!— заявил Семен.— Бороться до последнего издыхания. У нас в резерве тридцать пять готовых форм и полная дежа теста. Будем печь до победы или до полного уничтожения. Иначе нам головы не сносить — засмеют ребята.

— Быть по сему,— решил Голубев.— Затопляй еще раз.

Снова весело затрещали сухие, как порох, дрова и яркое пламя заметалось в устье печи, вырываясь иногда вместе с дымом в трубу.

— Гудит сатана, как крематория,— печалился Матвеев,— а хлеб не печет. Видать, Витька что-то не так распланировал, а может, забыл что-нибудь за давностью времен. Не мог же он такого маршала, как Жуков, кормить угольками и головешками. Там его, обормота, за такие шутки быстро бы в трибунал определили.

— Это кто тут меня поминает недобрым словом?— спросил Боженятов, бесшумно вошедший в пекарню.

— А как же тебя помянуть, цыганское отродье?— вскинулся Матвеев, перехватывая длинную кочергу, как пику.— Может, тебя музыкой встречать прикажешь? Тут тебе сыграть или гимн Советского Союза, разбойничья харя? Мы здесь с Андреичем с самой зари пластаемся. А толку? Вон, погляди в формах... Да ты на меня своими глазищами не сверкай. Я таких героев под горячую руку быстро на муку переделывал!

— Не кипятись, Семен Пантелеевич,— остановил его Голубев.— Пусть нам автор проекта поможет на практике. Освободим его на сегодня от проходки шурфа и временно назначим пекарем. Пусть сделает выпечку.

— Это запросто,— заверил автор,— но для начала расскажите, как вы умудрились сжечь две первые выпечки.— Боженятов

присел на скамью и, не обращая никакого внимания на возбужденного Семена и его кочергу, спокойно выслушал доклад Голубева о ходе опытов.

— Вот и видно, что в этом деле вы все мелко плавааете,— подытожил он сообщение председателя комиссии.

Внимательно осмотрев печь, Боженятов похвалил Матвеева за отличную работу и, назидательно подняв вверх грязный палец, сказал:

— При этой конструкции количеству жара должно соответствовать количество хлеба. Сейчас я покажу вам, каким хлебом Виктор Иванович Боженятов угощал наших полководцев.

И перейдя на беспрекословный командирский тон:

— Семен, шуруй угли. Головешки на лопату и за порог. Чтоб за минуту был под чистым. Готовимся к посадке хлеба. Владимир Андреич, становись ловчее — будешь подавать мне по две формы сразу. Сажаем в одну бочку тридцать форм на весь под.

— Сгорит,— возразил Семен, знерично шуруя кочергой угли.

— Что сгорит, то не сгниет,— отшутился Боженятов.— Пусть тебя не тревожат убытки, старина.

— Черт с ними, с убытками — был бы хлеб.

— Хлеб будет, но,— Боженятов насмешливо прищурился,— в случае удачи, с вас бутылка, горе-пекари.

— Поставим,— в один голос дружно заверили автора проекта представители авторитетной комиссии.

— Начали,— скомандовал Боженятов, принимая на лопату две формы.— Шевелись, товарищ начальник, не зевай.

Быстро ставя в задний торец печи формы с тестом, Боженятов сразу одним сильным движением ловко выдергивал лопату из-под формы. Голубев едва успевал поставить на нее две следующие формы, как лопата снова исчезала в печке.

— Лихо орудуешь, Виктор Иванович,— похвалил Матвеев.

— Привычка,— скромно ответил Боженятов.— Сутками приходилось крутиться у печи.

Во время третьей выпечки председатель комиссии и его заместитель волновались так, что не могли усидеть на месте. Матвеев взял топор и отправился колоть и без того мелко наколотые дрова. Немного времени спустя его сменил Голубев. Работали молча, изредка заглядывая через открытую дверь в пекарню, где на полу против устья печи сидел автор проекта и невозмутимо курил длинную самокрутку.

Прямослойные поленья, заготовленные по специальному заказу, кололись легко, разлетаясь вокруг с легким звоном. Увлечшись этим делом, руководители эксперимента прозевали

торжественный момент открытия печи. Первым почувал запах свежего хлеба Матвеев. Он отбросил топор в сторону и одним прыжком взлетел на крыльцо.

На чистом листе фанеры возле стены вытянулись в ряд крепко поджаренные пышные буханки. Ни с чем не сравнимый аппетитный запах наполнял пекарню.

— Вот это хлеб!— восторженно закричал Семен, пытаясь сзади обнять Боженятова, достаемого из жаркого устья оставшиеся формы.

Час спустя они мирно беседовали, сидя на валунах возле воды. Между ними на большом плоском камне лежал свежий хлеб, нарезанный большими ломтями, и горстка крупной соли.

— Говорил я тебе, Андреич, что нельзя славаться,— поучительно толковал Матвеев, стараясь приписать весь успех себе,— так, по-моему, и вышло.

— Терпение и труд все перетрут,— поддержал его Боженятов,— главное — не падать духом и не кидаться в панику. Если бы вы не послушали пекариху и сразу посадили все тридцать форм, потерь бы не было. Тоже мне, герои: баба раскудахталась, а вы сразу на уступки. Смотрите, как она сейчас по пекарне носится, будто ее скипидаром подмазали.

— Спасибо вам, товарищи,— растроганно сказал Голубев.— Если бы вы знали, какое большое дело сделали сегодня. Премировать вас пока не могу — нет средств. Обещаю благодарность с занесением в трудовую книжку.

— Благодарностью не отделаешься, начальник,— грубовато пошутил Боженятов,— с тебя бутылка.

— Будет,— твердо пообещал Голубев.

В этот день жители Снежного ели настоящий свежий хлеб, расхваливая на все лады Голубева, Матвеева и Боженятова.

После ужина, во время которого Саблин, держа слово, так и не съел ни куска хлеба, Голубев попросил его зайти на минутку в контору.

— Надо посоветоваться, Леснид Михайлыч,— сказал он, когда они остались одни.— Я предлагаю назначить Матвеева завхозом. Как ты смотришь на это?

В ответ Саблин весело рассмеялся.

— Семена завхозом? Насмешил ты меня, Владимир Андреич. У нас говорят, что язык у него — настоящее ботало. Ему дай волю, он любого до смерти заговорит.

— Но мы не можем держать завхозом нашего любителя одеклона и прочей парфюмерии. Утром он с похмелья, вечером пьян, а работать никому.

— Назначай кого угодно, но не Семена. Засмеют тебя вместе с ним.

— Это почему же?

— Да потому, что Семена всерьез не принимают. Ты не знаешь, почему его зовут Мухомором?

— Не знаю.

— Какой-то чужак посоветовал ему ловить на конном дворе больших зеленых мух и растирать их живьем на лысине, гарантируя буйный рост волос на голове. Семен попросился подменить заболевшего конюха и за неделю переловил всех мух до единой.

— Каждый по-своему с ума сходит, Михайлыч. Если мы будем оглядываться на все странности и чудачества, то нам никогда не организовать работу, потому что мы всегда будем бояться доверять. Давай будем больше доверять.

Глава IX

Хорошая погода с ночными заморозками и ясными солнечными днями внезапно испортилась: с хмурого осеннего неба сыпалась крупа. Жесткий ветер крутил ее по поселку, загоняя в трещины между камней, в ямы и промоины. Гулко стонали под ветром березы, теряя листья и прижимаясь друг к другу голыми ветвями.

Истекал четвертый день после поездки Саблина в Кедровку, а ответа от летчиков не было. Голубев несколько раз заходил к радисту, подолгу простаивал в тесной каморке, слушая певучий голос морзянки.

Видя его нетерпение и чувствуя себя в чем-то виноватым, радист нервничал, торопился, но помочь ничем не мог.

Вернулся с участка Саблин. Отогревая возле железной печки руки, сочувственно поглядывал на Голубева, молчал.

— Не везет нам, Леонид Михайлыч,— пожаловался Голубев,— молчат наши авиаторы, будто сквозь землю провалились, а погода портится.

— У нас нет времени ждать, Владимир Андреич. Надо твердо определиться с пробами. Появилась возможность еще раз попытаться сделать хорошую тропу через курум. Матвеев сумел выпросить в аренду здоровых лошадей в леспромхозе и организовал перевозку взрывчатки. Но ведь сегодня уже восьмое сентября. Скоро зима. Ты слышишь, как шумит ветер?

— Ветер восточный,— успокаивая не столько Саблина, сколько себя, сказал Голубев,— а он обычно сухой, без осадков. Я

уверен, что особой беды он не принесет. Но почему молчит аэродром?

— Владимир Андреич, вас к аппарату,— позвал из-за перегородки радист.

«Подтвердите сию минуту наличие знаков площадке сброса,— читал Голубев.— Завтра наличия погоды обеспечьте представителя груз Кедровке. Полеты сброс разрешены. Командир аэроэкспедиции».

Радист окончил прием, положил руку на ключ и вопросительно глянул на Голубева.

— «Площадке установлены угловые центральные знаки,— диктовал Голубев.— Груз Кедровке. Представителя пошлем наличия погоды. Голубев».

Потом решали, кого послать в помощь летчику.

— Груз на сброс обычно крепится простой веревкой на крыльях самолета,— объяснял Голубев.— Две ступы потянут почти на двести килограммов. Это — допустимая нагрузка. Каждый килограмм свыше двухсот надо согласовывать с пилотом. Поэтому желательно посылать сопровождающего в весе мужи. В тот момент, когда самолет перейдет на бреющий полет над площадкой, он высунется по пояс из кабины, ножом разрежет веревки креплений.

— Но это, наверное, опасно?— спросил Картошин.

— Опасно для тех, у кого кружится голова,— пояснил Голубев.— На всякий случай человека, сопровождающего груз, привязывают.

Картошин на секунду закрыл глаза, представляя, как он повиснет над бортом самолета. Перед его глазами со страшной скоростью мелькали острые глыбы курумов и корявые стволы мертвых кедров. Сидя на скамье, он почувствовал, что голова кружится так, словно он уже высунулся из самолета. Чтобы не упасть на пол, он крепко схватился обеими руками за край стола и открыл глаза. Голубев и Саблин, склоненные над планом, не обращали на него внимания. Картошин сглотнул слюну и храбро заявил:

— Владимир Андреич, я сброшу груз с самолета.

— Отлично, Коля!— похвалил Голубев, не оборачиваясь и не видя огромных испуганных глаз Картошина.— Я и хотел доверить тебе это дело, потому что легче тебя в поселке никого нет.

Саблин удивленно глянул на Картошина, но Коля уже передвинулся в тень, скрывая свои глаза и дрожащую нижнюю челюсть.

— Итак, Леонид Михайлович,— отвлек Саблина Голубев,—

завтра, если будет хорошая погода и сойдет снег, надо как следует оконтурить площадку знаками из белых простыней. Если же снег не сойдет, знаки выложим из черных матрасов. Необходимо убрать людей не только с подготовленной площадки, но и со всей поляны во избежание всяких неприятностей. Тебе следует завтра перевести всех горняков на другие разведочные линии. На площадке с начала и до конца полетов мы будем с тобой вдвоем. Надеюсь, Картошин не разбомбит нас, памятуя о том, что мы его начальники.

Саблин промолчал, Картошин криво улыбнулся. Возбужденный ожиданием решающего дня, Голубев не заметил некоторой неловкости на лицах своих товарищей и продолжал с подъемом:

— В ваши руки, Николай Васильевич, вручается судьба Кедровской геологопоисковой партии. Запомните эту минуту.

Коля спрятал за спину вздрагивающие руки, в которых он уже держал судьбу партии, и чужим голосом обещал запомнить эту минуту.

Голубев написал летчику записку, удостоверяющую личность Картошина, и, переходя на будничные тон, попросил:

— Ложись-ка, Николай Васильич, спать. Завтра тебе надо проснуться чуть свет и маршировать в Кедровку. Лошадь дать не могу. Сам знаешь, что почти все кони больны.

— Не беспокойтесь, Владимир Андреич, я быстро доберусь до аэродрома,— заверил Картошин.

— Только не вздумай идти в темноте по прямашке,— строго предупредил Саблин,— а то придется нам снаряжать отряд для поисков заблудившегося техника-геолога.

— Нет-нет, вы не беспокойтесь: уйду по конской тропе.

— То-то,— добродушно ухмыльнулся Саблин.

«Лишь бы не проспять,— волновался Картошин, вытягиваясь в спальном мешке,— а то подведу всех».

Словно угадывая его мысли, Голубев сказал:

— Спи спокойно. Я разбуду тебя точно в пять часов.

— Владимир Андреич, пойдём проверим погоду,— предложил Саблин,— кажется, ветер стихает.

По единственной улице Снежного мела поземка, лизала стены домов, настойчиво царапалась в двери. Но облачность рассеялась. По небу, усыпанному крупными мохнатыми звездами, мчались редкие клочья облаков, ветер рвал их на части, и они таяли на глазах.

— Твоя взяла, Владимир Андреич,— признался Саблин:— восточный ветер нам не враг, и к утру погода будет.

— Должна быть,— согласился Голубев и направился к дому.

— Подожди минутку,— попросил Саблин.— Я ведь неспроста позвал тебя среди ночи на улицу: не хочется мне посылать завтра Картошина на помощь летчику. Я обычно говорю все, что думаю, прямо, не считаясь ни с чем, но случай особый: Коля страшно самолюбив и в то же время слаб и неловок. Я всегда стараюсь уберечь его от подобных экспериментов, а он лезет прямо к черту на рога и...

— И правильно он поступает, что берется за трудное дело,— сказал Голубев.— Когда-нибудь ему все равно придется начинать.

— Да, это я понимаю, но уж больно он мягок и неловок и каждую неудачу переживает мучительно и долго. Вот я и стараюсь не давать ему сразу опасных поручений. Потихоньку приучаю к трудностям.

Саблин придвинулся вплотную к Голубеву, стараясь взглянуть ему в глаза.

— Что же ты молчишь, Владимир Андреич?

— Я с тобой не согласен,— твердо ответил Голубев, глядя в упор на Саблина.— Здесь не плавательный бассейн, где опытный тренер обучает новичков держаться на воде на мелком месте. Здесь обрыв и сразу глубина. Толкать в глубину мы его, конечно, не будем, но если он сам туда лезет, удерживать не стоит. Надо только присматривать и в трудную минуту помочь. Подумай, и ты согласишься.

— Я-то, может быть, и соглашусь,— загорячился Саблин,— а вот мать его не согласится никогда. Она прислала мне письмо, в котором заклинает беречь сына. Коля-то у нее — единственный сын, она мечтала, что будет всю жизнь вместе с ним. А он,— Саблин ласково улыбнулся,— начался книжек и против воли родителей поступил не куда-нибудь, а в геологоразведочный техникум. А при распределении сам напросился в нашу дыру. Как тебе нравится?

— Очень нравится. Ты только не нервничай. Уверю тебя, что в подобных случаях все матери поступают одинаково, и переубедить их невозможно. Я знаю, что и твоя мать беспокоится о тебе не меньше.

Раздеваясь в жарко натопленной комнате, Голубев видел, как Саблин бережно прикрыл клапан Колиного мешка и поправил его подушку.

Только во второй половине дня, когда полностью стих ветер, над Кара-Тайгой появился самолет. Он прошел над поселком, встревожил собак, бросившихся с лаем за неведомой птицей, и закружился, постепенно снижаясь.

— Ну, Михайлыч, сейчас или никогда,—взволнованно сказал Голубев, не отрывая от самолета тревожных глаз.

Пилот повел самолет к вершине Кара-Тайги и, развернувшись над ней, устремился вдоль центральной разведочной линии на площадку, обозначенную растянутыми поверх снега черными полотнищами матрасовок.

Сдвинулся назад плексигласовый колпак пассажирской кабины, и высунулась голова Картошина. Оттененное темной бородкой, лицо его было белым, как снег. Коля перегнулся за борт, протянул к крылу руку с длинным охотничьим ножом. Прижимаясь к земле, самолет плавно снижался, словно шел на посадку.

— Ну, давай!— не вытерпел Саблин.

Мелькнуло затянутое шлемом напряженное лицо летчика, сверкнул в руке Картошина острый нож, и первая ступа шлепнулась в снег. Картошин перебросил тело на другой борт, и вторая ступа упала в конце площадки. Самолет рывком прыгнул вверх и, качнув крыльями, пошел в сторону Кедровки.

— Вот это работа!— восхищенно причмокнул губами Саблин.

За полтора часа в районе центральной разведочной линии были сброшены все пять ступ и десятиместная палатка.

— Сегодня же к ночи дробилка будет на ходу, Владимир Андреич,— смеясь карими глазами, заверил Саблин.— Я сейчас же организую людей. Твоя забота — подыскать дробильщиков. Разворачивайся, начальник, не задерживай моих горняков на этой работе, иначе — грош цена всей этой затее. Одна смена нам ничего не даст.

— Постараюсь, товарищ главный инженер,— пообещал Голубев, направляясь в поселок.

Саблин вернулся домой, когда на Кара-Тайгу уже опустилась ночь.

— Ну, где спаситель Кедровской партии?— спросил он, еще не успев раздеться.

— Картошин не вернулся,— сообщил ему Голубев.— Наверное, сильно устал парень. Он же сегодня с пяти часов на ногах, а туда и обратно сорок километров.

— Не может быть, чтобы он сегодня не пришел домой. Ты его не знаешь. Сегодня Николай Васильевич Картошин — герой дня. Увидишь, как он будет расписывать нам свои подвиги.

К великому удивлению Саблина, Картошин, явившийся часом позже, о своих подвигах не распространялся. Устало подволакивая ноги, он прошел к умывальнику и тщательно вымылся. Ужинать герой дня не захотел, сославшись на то, что крепко закусил в Кедровке. Напрасно пытался Саблин рас-

шевельить Картошина и заставить выпить хотя бы кружку чая. Коля наотрез отказался и рассказывать ничего не стал. Не мог же он объяснить Саблину, не знающему чувства страха, что после первого рейса его стошнило от пережитого волнения, что он прятался от летчика за складом, боясь, как бы тот не увидел это позорное явление и не отказался лететь с ним во второй раз.

Нет! Нет! Картошин скорее согласился бы сейчас умереть, чем признаться в своей слабости Саблину.

Поэтому он молча выслушал благодарность Голубева, шуточные поздравления Саблина и, не раздеваясь, прилег на топчан, мысленно кляня за то, что не может рассказать правду. Ныли натруженные за день ноги, слегка побаливала голова.

«Неужели я трус?—спрашивал себя Картошин, пристально глядя на разошедшийся дощатый потолок.— Почему я боюсь рассказать им все как было? Ступы я сбросил и страха особого при этом не испытывал. Все произошло так быстро, что я не успел испугаться. Страх пришел позднее, когда я попытался мысленно увидеть себя со стороны. Стоп, товарищ Картошин! Значит, у тебя большое воображение, и ты просто псих. И откуда ты взял, что Саблин и Голубев будут над тобой смеяться? Надо подходить ко всему проще, надо рассказать, как вывернуло наизнанку, как и сейчас начинает мутить, если вспомнить этот полет. И никакой я не герой, а самая настоящая тряпка, потому что боюсь рассказать правду. Чтобы быть сильным, надо быть честным. Надо быть таким, как Леонид Михайлович. Он никогда не врет, и за это его все любят, и я люблю. Но как мне решиться, как это сделать? Самое главное — как начать?»

Картошин даже скрипнул зубами и сел на топчане.

Саблин сидел за столом в одних трусах и с увлечением читал детективный роман. Молочно-белым казалось его мускулистое незагорелое тело, и только руки и бородатое лицо были смуглы до черноты.

Герой романа, очевидно, попал в какую-то немыслимо сложную переделку, потому что толстые добродушные губы Саблина были плотно сжаты, а заросшая курчавыми темными волосами грудь бурно поднималась и опускалась.

Голубев, как всегда, сидел возле печки, задумчиво смотрел на угасающий огонь и пошевеливал тонким прутиком оставшиеся угольки.

Картошин присел рядом с ним, сказал вполголоса, глядя в сторону:

— Владимир Андреич, дайте мне, пожалуйста, закурить.

Зная о том, что Картошин курит от случая к случаю, Голубев насторожился:—«Что-то у парня неладно».

Не говоря ни слова, он подал початую пачку «Беломора» и горящий прутик, которым мешал в печке угли.

Неумело попыхивая и почти не глотая дым, Коля прикурил и сразу закашлялся.

— Владимир Андреич,— начал Коля издали,— вам приходится самому летать на сброс груза?

— Было дело,— осторожно ответил Голубев, незаметно оглядывая осунувшееся лицо Картошина, глубоко запавшие глаза и окаймляющую их синеву.

— Вы знаете, Владимир Андреич, мне после первого рейса было так плохо, что меня стошнило. А это значит, что я никуда не похужу.

— Вот чудак,— как можно натуральнее сказал Голубев,— да это же обычное дело, и случается абсолютно со всеми, кто летит в первый раз на сброс груза. Я еще вчера хотел тебя предупредить об этом, да как-то позабыл.

Видя, как встрепенулся Картошин, Голубев продолжал, слегка покривив душой:

— Я после первого полета на сброс неделю не подходил к самолетам. Как гляну, так в голове все вверх ногами. С большим трудом переломил себя во второй раз и то потому, что некого было послать с летчиком. А некоторые после такого испытания вообще предпочитают передвигаться только по земле. У тебя, Коля, исключительно крепкие нервы, если ты сразу смог взять себя в руки и полететь вторым рейсом. У тебя не нервы, а стальные канаты. Сейчас тебе можно даже с парашютом прыгать без всякой тренировки.

— Вы серьезно, Владимир Андреич?

— Серьезнее нельзя, Николай Васильич. Тут все дело в том, чтобы суметь сломать страх. Если ты в силах это сделать, то в следующий раз тебе будет уже легче в любом трудном положении. А если сидеть и вспоминать, как тебе было страшно, то ты испугаешься еще больше. Пугаются все. Разве что какой-нибудь сумасшедший не знает, что такое страх. Мне однажды пришлось переходить в большую воду по упавшему дереву одну бешеную речку вместе с собакой. Собака подошла к дереву, понюхала, покрутилась возле него, поджала хвост и — дальше ни шагу. Речка не очень широкая — всего метров десять-двенадцать, но чуть ниже бревна — водопад. Я перебрался благополучно, а собака осталась на другом берегу. Сидит у этого проклятого бревна и воет. Пришлось оставить рюкзак, ружье и возвращаться назад. Взял я своего пса на руки и по-

шел по дереву в третий раз. Земля уже была совсем рядом, когда я увидел, что вода поднимает конец бревна и плавно отводит его от берега. Собаку я бросил на берег, а сам успел ухватиться за кусты тальника и вылез удачно. Никакого страха я не испытывал. Но когда увидел, как вертит и треплет водопад мое бревно, ноги у меня задрожали от страха, и я чуть не свалился назад в реку. А сколько таких случаев было у каждого из нас!

— А я уже думал, Владимир Андреич, что я отъявленный трус,— облегченно вздохнул Коля.— Ох и дурак же я набитый!

Глава X

Свою новую должность Семен Матвеев уважал и любил. На раскомандировку он являлся раньше всех, предварительно осмотрев все свое хозяйство и сменив обычную спецовку на чистый китель и темно-синие галифе с красным кантом. На людях Семен теперь говорил деловито и кратко, стараясь подражать Голубеву. Не найдя на складе полевой сумки, он выпросил у бухгалтера тисненую черную папку и сложил в нее многочисленные нужные и ненужные бумаги. Эту папку он имел всегда при себе, несмотря на то, что она ему очень мешала, особенно в дальних поездках верхом. Теперь, являясь в столовую, он обмахивал белым носовым платком край и без того чистого стола и торжественно укладывал папку на это место. Во время обеда Матвеев не спускал с папки глаз, не обращая внимания на насмешливые взгляды поварихи. На ночь папка пряталась под подушку.

Последнюю ночь он почти не спал и не давал спать конюху, занимаясь набором сбруи. Эту работу Семен делал тайно, надеясь потом удивить всех. Он сторговал в Кедровке старый медный самовар, расплатившись с хозяином сам, а в кузнице отковал штамп-выколотку. Днем раньше самовар был изрублен при помощи штампа на мелкие бляхи, а ночью Семен украсил этими бляхами две узды, два нагрудника и два подхвостника.

Собираясь с Голубевым на перевалочную базу в Кедровку, Матвеев с утра до блеска начистил сбрую и велел конюху подвести лошадей к конторе точно к концу раскомандировки.

Нарядные вычищенные кони появились перед конторой в ту минуту, когда люди расходились по работам.

Голубев при всех поблагодарил завхоза и конюха и пожал им руки.

— Не стоит благодарности, товарищ начальник,— скромно

ответил Семен.— Для нас это пустяки. Дай срок, и мы обеспечимся такой сбруей, что любой встречный за версту будет узнавать наших лошадей.

По узкой каменистой тропе в долину кони шли осторожно, прядая ушами, ступая след в след. У подножия Кара-Тайги конная тропа расширилась, и Матвеев пустил свою лошадь рядом с Видком, жеребцом Голубева. Немного обогнав Голубева и стараясь заглянуть ему в глаза, Семен спросил:

— Как у нас с деньгами, Владимир Андреич?

— Сколько надо и зачем?

— Да рублей пятьсот бы надо. Кошевку я присмотрел у одного кержака. Ее только покрасить заново, и можно запрягать. Я уже и краску достал. Кошевка, как игрушка: прочная, легкая. Не кошевка, а мысль.

— Ну и жаден ты, товарищ Матвеев. Была бы возможность, все бы ты закупил и затащил на Кара-Тайгу.

— Нет, товарищ начальник, это не жадность. Это нужное дело. Ну скажи на милость, что хорошего, если ты зимой в простых саних будешь тащиться три, четыре часа до перевалки и корчиться на морозе. Ведь у тебя дела, тебе зря времени терять не положено. Ты должен везде поспевать. А я должен тебе скорость обеспечить. Такая моя должность, и ты со мной не спорь. Кошевку я не мытьем, так катаньем добуду, и ты же мне потом спасибо не один раз скажешь.

Семен переложил из руки в руку досмерти надоевшую папку и, погрузнев, добавил задумчиво:

— Вот ты говоришь — жадность, а сам и не знаешь, что это такое и с чем ее, проклятую, едят. Это Андреич, такая зараза, что не дай бог никому. Я этой болезнью с детства болел и только чудом излечился.

Размокшая от тающего снега тропа, перевитая обнаженными корнями древних кедров, позволяла лошадям идти только шагом. Чтобы скоротать время, Голубев попросил:

— Расскажи, старина, про эту болезнь.

— Рассказать можно. Только уж ты, Андреич, никому больше не рассказывай, а то засмеют меня наши ребята совсем.

— Договорились.

— Было нас, значит, у матушки восемь душ, а отец умер и оставил после себя только дырявую, как решето, избенку. Работали мы все с малых лет, и учиться никому ладом не пришлось. Жили все время в нужде. И вот пала мне с детства в голову такая думка: разбогатеть и зажить не хуже других. К работе я оказался способный. Ничего, как говорится, из рук у меня не падало: я и плотничал, и в кузне работал, и за ло-

шадьями ухаживал, и печки, кому надо, из кирпича клал. Одним словом: от скуки на все руки. Женился удачно. Жена была милая и ласковая. Никогда она меня не ругала и даже грубым словом не обидела. А стоило. Стоило меня, дурака, не только ругать, но и бить чем попадя за мою жадность, за то, что завидовал я другим людям. Ведь не знал я покоя ни днем, ни ночью, пока не построил себе дом. Сам вытянулся в нитку и жену загнал начисто. Дом получился всем на загляденье: четыре комнаты, кухня, веранда под стеклом — настоящий дворец. А мне все казалось мало: дом построил, начал сад разводить, на мебель деньги собирать. Опять я недоедал, недосыпал. И опять моя жена горбатилась и упиралась изо всех своих малых сил. Может быть, поэтому и детей у нас не было. Работой я никакой не брезгал, лишь бы можно было деньги зашибить. Мало того, что на производстве за день измотаюсь, дома все равно что-нибудь делаю.

Стыд сказать и грех утаить: стал я в последнее перед войной время натуральным живодером и барыгой. Случилось так, что в магазинах, как по команде, исчезли с полок и прилавков меховые шапки, а на базаре цена им увеличилась в пять раз. Вот, думаю, когда быстро разбогатеть можно. Как раз в это время у собак началась собачья свадьба. Надо ловить момент. Жила у меня сучка — Дамка. Каждый день после работы открываю калитку на улицу и привязываю Дамку поближе к забору, чтобы ее все кобели видели. Веревку от калитки я протянул через форточку в дом и жду. Только какой-нибудь Бобик сунется к Дамке, я дергаю за веревку, калитка закрывается, и дело в шляпе — Бобик сдох.

Семен замолчал, вытащил из кармана кисет с табаком и, не торопясь, скрутил козью ножку.

— Ну, а дальше? — с неподдельным интересом спросил Голубев.

— А дальше по порядку: задушу кобелишку и с тепленького сдираю шкуру. С ними тоже хлопот хватает. Поначалу было и противно до тошноты, и страшно. Один гад такой вредный попался, что сразу я с ним сладить не мог. Искусал он мне все руки и ноги. А потом еще напутал до смерти. Я, видать, плохо придумал его и поторопился обдирать. Только я его подвесил за задние ноги под потолок и рассек ножом кожу, а он как гавкнет на меня. Ну я от испуга и слетел с копылков. Лежу на полу и боюсь глаза открыть, а он, стерва, сверху на меня скалится.

Уколов от бешенства я принял бессчетно, однако дела этого не бросил. Жену приспособил шапки шить и на базаре прода-

вать. Сплошная выгода. Не успеваю деньги считать. А собачиной свинойю кормлю. Но, видать, за грехи мои настигла меня беда. Попался мне какой-то шелудивый пес. Я уж было решил отпустить его с миром, но опять же пожадничал и оставил. А у него, сукина сына, был стригущий лишай. И перекинись же эта чертова болезнь на мою голову. Мне бы, дураку, надо сразу в больницу кинуться, а я все время свободного никак не выберу — шкуры выделываю. Ну и доделался до того, что весь волос у меня с головы вылез почти целиком. Лишай, конечно, залечили, а волос нет и по сей день. И что я только ни делал, какие мази к голове ни прикладывал — все зря.

Семен отвернулся, пропуская Видка вперед и, искоса поглядывая на Голубева, стыдливо спросил:

— Про мух слышал?

Сдерживая смех, чтобы не обидеть Семена, Голубев спокойно ответил:

— Слышал, старина. Только зря так расстраиваешься: ты же и без волос красивый мужчина. Тебе ли горевать о такой чепухе.

— Ну не скажи, Андреич, волос для женского пола очень много значит. Бывало, моя женушка так и норовит мой чуб погладить. А как облезла моя голова, так она сразу нос в сторону. Да разве она одна... Эти чертовы бабы, Андреич, все на одну колодку сделаны: подавай им молодых да кучерявых. А тут...

Семен снял фуражку и похлопал себя по лысине.

— Какое же чудо излечило тебя от жадности, Семен Пантелеич?

— Да оно, можно сказать, вовсе не чудо, а просто война. Немцы сожгли дом, а жена пропала без вести. И проклял я все это добро и свою жадность на веки вечные.

Семен умолк и, отрешенно глядя перед собой, попросил:

— Давай сделаем перерыв, как на собрании, а то у меня шибко сердце колет.

Они проехали почти километр, пока Матвеев не успокоился и мог продолжать рассказ:

— Окончательно доконал мою жадность балтийский моряк Пашка. Большой души был человек, царство ему небесное. Познакомился я с ним в немецком плену в 326 лагере, где поговаривали, что заключенные с голодухи ели трупы. Я после ранения был совсем слабый и ничего добыть не мог, больше сидел да слушал. А разговоры все про жратву: один вспоминает, что да как он ел и каким вином запивал, другой

рассказывает, как надо настоящий борщ варить, третий — какие шашлыки готовил. А мне вспомнить-то нечего. Ругаю и клянусь себя за то, что всю жизнь обижал жену и себя, за то, что ни разу не съел сладкого куса и даже в праздник лишнюю стопку вина не выпил. Оглянусь мыслью назад, а там — ни одного светлого дня. Казню себя за прошлое и мечтаю: останусь жив, вырвусь на волю и любой ценой, вплоть до воровства, добуду булку хлеба и кусок толстой колбасы. Так, думаю, от целого куса и буду откусывать, пока досыта не наемся. И во сне тоже покоя нет: снится хлеб, тянешься за ним, а проснешься — нет ничего.

Семен умолк, будто разбирая поводья, и Голубев увидел на его щеке мокрую дорожку от слез.

Кони шли рядом, легко ступая в раскисший снег. Рядом с тропой по кустам рябины бесшумно перепархивали две нарядные сойки, поблескивая на солнце изумрудным оперением крыльев. Пахло хвоей и свежим снегом.

Матвеев выпрямился в седле и, не отирая слез, продолжал: — Да, брат ты мой, после того, как побыл я у немцев в плену и последние мои волосы повылазили уже сами собой от ежеминутного страха, понял я, что к чему. Дошел я в то время до того, что стало меня ветром шатать и не жалко уже ничего, даже жизни. Сижу как-то после очередного мордобоя на нарах и думаю: «Чем ждаться да мучиться — не лучше ли самому в петлю?» А сосед мой, балтийский моряк, спрашивает: «Что, Семен, зажурился? С белым светом прощаешься, что ли?» «А ты, — говорю, — откуда, Паша, знаешь, про мои думки?»

Он берет из моих рук ремень и показывает. А там на конце уже петля готова. За малым сам на себя руки не наложил. Спасибо Пашке — отвел от смерти в последний час. Поглядел он на меня, поглядел и вдруг достает из-за пазухи две печеные картошки и сует насильно в руки: «Ешь, Сеня, ешь и выбрось из головы эту дурь».

Ну что ты скажешь, Андреич? Я в жизни до того раза не плакал ни от боли, ни от обиды, а тут не выдержал. Держу эти картошки в руках и слезами умываюсь. Вот оно как бывает: заплакал от ласки человеческой. А Пашка, чтобы меня не расстраивать, встал и ушел на другие нары.

— Как же ты вырвался, Семен Пактелевич, из этого пекла?

— Благодаря Пашке и вырвался. Устроил он меня в свою рабочую команду, копать картошку. Через пару недель я уже окреп и стал шевелить ногами не хуже наших лошадок. Только недолго радовался. Однажды вечером знакомый писарь, та-

кой же пленяга, нам пишет: «Ребята, вас через пару дней отправят на угольные шахты».

Павел на другой день за обедом собрал всю команду — десять человек — и говорит: «Не хотел я бежать, пока рана на ноге как следует не заживет, но ждать нам нельзя. Надо бежать сегодня, сразу после обеда. Поле у нас дальше и один часовой. Нас хватятся только к ночи. Мы успеем далеко уйти. Лишь бы шуму не наделать. Я прикинусь больным, упаду на землю, а когда часовой подойдет, ты, Семен, бей его по башке лопатой».

Мгновенная судорога исказила лицо Матвеева, закрыла левый глаз и потянула в сторону рот, обнажив крупные зубы. Лицо Матвеева было страшно, и Голубев не выдержал, отвернулся.

— Так и сделали, — хрипло выдавил Семен: — забрали автомат и подались в лес. Шли без остановки, без передыха. Ближе к полуночи слышали собачий лай. Павел командует: «Ребята, теперь уходите по одному в разные стороны, может, кто-нибудь и спасется, а я прикрою вас, пока хватит патронов. Не ходок я с больной ногой». Долго слышал я выстрелы, собачий лай и крики. Потом, — голос Матвеева дрогнул, — все стихло.

Лес заметно поредел. Кедр уступили место березам. Тропа стала ровнее и прямее. Вот она нырнула в густой черемушник и выскочила через болото на большой ровный луг, уставленный стогами сена. Невдалеке через узкий проход между гор виднелись первые избы Кедровки.

— Давай шевелить коней, Андреич, негоже начальству шагом въезжать в поселок.

Семен привстал на стременах, гикнул и, припадая к конской гриве, поднял лошадь в галоп. Видок Голубева, прижав уши, несся рядом, не отставая ни на шаг.

Глава XI

Хозяйка заезжего двора Кедровской партии Дуся, по прозвищу Дымочка, приятная женщина лет сорока, ничего не спрашивая, затопила печку, поставила на плиту большой чайник. Матвеев сидел за столом и с неприступно строгим видом перебирал в своей папке бумаги. Голубев умылся и присел рядом с ним.

В заезжем было чисто и даже уютно: аккуратно заправленные кровати с никелированными спинками, выскобленный до

желтизны пол, белые накрахмаленные занавески на окнах, умывальник в углу, рядом с ним небольшое зеркало. По недавно побеленным стенам, свешиваясь длинными косами из маленьких горшочков, полз зеленый вьюнок, веселил дом.

Перетирая посуду, хозяйка ласково поглядывала на гостей. Скромное платье из черного материала с белым кружевным воротничком и манжетами выгодно оттеняло белую гладкую кожу лица, обрамленного слегка подвитыми рыжеватыми волосами. Губы, аккуратно подведенные помадой, таили улыбку. Светлые большие глаза, опущенные короткими ресницами, внимательны и тревожны.

Голубев несколько раз ловил на себе их короткий изучающий взгляд и отметил, что Дымочка стыдливо опускает глаза, когда встречается с его взглядом.

— Поторопись, Дуся,— попросил Матвеев.— У нас с начальником делов по горло.— И наклонясь к Голубеву, быстро шепнул:— Подготовилась: навела марафет.

— Все готово,— приветливо улыбнулась хозяйка,— только я стесняюсь вас торопить. За сколько время один раз заехали начальник, а я его буду подталкивать? Так не положено.

Улыбка очень молодила и красила ее лицо, придавая ему милую непринужденность.

— Ну уж, ты постесняешься...— неопределенно буркнул Семен, закрывая свою папку.

Дымочка расторопно накрыла на стол, налила чаю.

— Может, надо чего-нибудь со склада?— спросила она, обращаясь к Голубеву.— Так вы не стесняйтесь— я мигом органирую.

— Спасибо,— поблагодарил Голубев.— Сначала поговорим о делах. Что вы скажете, если мы вас направим на Кара-Тайгу недельки на три до первых снегов?

— А что я там забыла, гражданин начальник? Мне и тут неплохо.

— Нам сейчас очень нужны люди для обработки проб, Сегодня товарищ Матвеев занимается с сенозаготовки всех людей. Но это не решает задачи. Надо еще человека три-четыре. Тогда мы выйдем из трудного положения с пробами.

— Нет, гражданин начальник, вы сперва войдите в мое положение, а потом уж выходите из своего: я женщина больная и слабая, мне на гору подниматься никак нельзя.

— Подниматься-то всего один раз,— попробовал пошутить Голубев,— а потом сиди над ступой и держись руками за пест.

— За что держаться? За пест? Это что же такое?

— Пест — это круглая железная болванка, при помощи которой...

— За железную болванку держаться вот этими руками? — Дымочка протянула над столом свои белые тонкие руки, показывая Голубеву розовые ладони. — Бог с вами, гражданин начальник!

Светло-голубые глаза ее налились непритворными слезами, голос задрожал обидой:

— Этими руками я привыкла держаться за мужчин, а вы мне железяку суете. Надо требовать от каждого по способности, а я женщина слабая, — она громко вхлипнула и запричитала нараспев сквозь слезы: — Никто из Кедровки к вам на такую работу не пойдет. А я тем более. Что я там буду иметь, кроме мозолей? Нету у вас прав гнать меня на Кара-Тайгу. Я ведь в органах работаю — законы знаю.

Видя, что Голубев побагровел от злости, Матвеев незаметно толкнул его под столом ногой и, обращаясь к Дымочке, примиряюще улыбнулся:

— Ты, Дуся, зря не кипятись и нашего начальника гражданином не называй. Ты же не в тюрьме, слава богу. Мы к тебе по-хорошему приехали, а ты сразу надулась, как пузырь, и смотришь на нас, как солдат на вошь. А между прочим, ты человек тонкой кости и сознательная, не то, что эта десятипудовая Цыпочка или доходягя Золотая. Смотри, Дуся, это дело, конечно, твое, но боюсь, что проворонишь ты свой интерес.

— Какой интерес? — насторожилась Дымочка.

— Об этом мы с тобой после потолкуем, а пока отнеси-ка записку бригадиру покосчиков. Они сейчас за аэродромом перекалдывают стог — сено у них загорелось.

Дымочка взяла записку и вышла.

— Смистри, Андреич, как она прет по улице, будто кто ее ужалил. А почему? Потому что загадал я ей загадку. Не знаешь ты женщин, Андреич, и от этого дела отступишь совсем. К бабам подход нужен. А к этим туняядкам особенный. Глаза у них завидушие, а руки загребушие. Особенно Дымочка. Ради своего интереса она два раза в день будет подниматься бегом на Кара-Тайгу. Я ее изучил досконально. Денег у нее куры не клюют, а вот тряпок нет, потому что купить их здесь негде. На этом мы и сыграем. Я все сделаю сам, а ты только молчи и поддакивай. Понял?

— Понял, Семен Пантелеич, что ты затеял что-то нехорошее. Ну зачем я буду их обманывать? Я просто прикажу им собираться на Кара-Тайгу.

— Так они тебя и послушали! Им вся Советская власть при-

казать не может. А обманывать ты никого не будешь. Разве Дымочку обманешь, если она даже Королеву Марго обманывает, если она с уголовниками связь держит. Не дали мне в тот раз на собрании про нее досказать, а зря. Теперь бы ты знал, какая это зверюга. Э, да что говорить! Кроме Дымочки здесь, в Кедровке, еще две такие же выдры проживают — Цыпочка и Золотая. Только самогонкой и занимаются. Одна была подсобницей, а вторая — сторожем на пекарне. Теперь обе без работы, потому что хлебушек у нас свой, и ты можешь их послать на Кара-Тайгу дробить пробы. Но увидишь — они сами попрутся.

— С чего это они попросятся, Семен Пантелеич? Заработков особых на дробилке не будет, и вообще женщинам у нас трудно.

— Надо смотреть в корень жизни, Владимир Андреич: женщина — существо деликатное. Нет на свете такой бабы, чтобы не мечтала красиво одеться и переплюнуть по этой части своих подруг. Тут у них такое соревнование идет, что подобного ты ни в какой газете не вычитаешь. Достанет одна какие-нибудь фигурные сапожки, а остальные сохнут и сна лишаются. А где тут, в наших дебрях, найти что-нибудь путное? В сельпе кроме сапог мужских да брезентовой робы сроду ничего нет, а у нас и подавно. Вот вся женская часть в Кедровке и завидует Дымочке, а она козыряет городскими тряпками. А ты, Андреич, запросто можешь помочь бабочкам в этом жизненном интересе. И по этой линии я буду действовать.

Голубев хотел остановить завхоза, но Матвеев шустро выскочил из дома, крикнув с порога:

— Отдыхай, Андреич, я быстро...

Неведомыми путями слух о выгодной работе и специальном снабжении работниц дробилки в полчаса облетел всю Кедровку. В завхозий дом к Голубеву кроме Цыпочки и ее заикадычной подружки Золотой явились и другие женщины.

— Не напирайте, бабоньки, не напирайте! — успокаивал их Матвеев. — В первую очередь Владимир Андреич будет направлять на Кара-Тайгу наших, кедровских рабочих. Ты, Цыпа, и ты, Золотая, давайте свои заявления, а остальные пусть пишут.

— Где ты их навербовал? — шепотом спросил у Семена Голубев, подписывая шестое заявление и с некоторым страхом поглядывая на слоноподобную Цыпочку — тридцатилетнюю женщину с темными густыми усами на круглом, как сковородка, лице.

— Чтобы быть завхозом, не надобно учиться — им каздобно родиться, — сохраняя строгое выражение лица и смеясь глазами, шепнул Матвеев.

Повернувшись к женщинам, сидящим на скамейке возле стены, Семен спросил, повышая голос:

— В чем нуждаетесь, товарищи женщины, из белья и одежды? Давайте говорите, не стесняйтесь, мы знаем, что у нас на складе, да и в сельпе кроме брезентовых штанов и кирзовых сапог ничего нет и не будет, пока не построим мы свой магазин на Кара-Тайге. Но наш начальник обещал достать вам лично по персональному заказу все необходимое. Прошу вас поторапливаться, потому что делов у нас непочатый край, а начальник с первым самолетом вылетает в экспедицию.

— Это ты, Семен Пантелеевич, правильно обсказал про нашу нужду,— бойко начала Золотая.

— Ходим как анчутки, наполовину в мужском, а наше дело женское, тонкое,— рокочущим басом подтвердила Цыпочка.

Через несколько минут Голубев распорядился дать радиogramму: «ОРС, начальнику. Срочно первым рейсом самолета прошу отгрузить Кедровскую партию женские платья костюмы чулки капроновые ажурные полный ассортимент женской галантереи белья двадцать штук каждого наименования. Все товары должны быть новейших моделей высшего качества самых крупных размеров. Голубев».

Когда Голубев вслух читал радиogramму, в сенках легонько скрипнула дверь, и на пороге появилась Дымочка.

— А как же я, товарищ начальник?— жалобно спросила она.— Я ведь раньше в органах работала...

— Уборщицей ты работала в этих органах,— зычно захохотала Цыпочка,— да, видно, плохо. За что и выгнали.

— В работе-то я с тобой потягаюсь, хоть и прихварываю сейчас маленько,— с вызовом бросила Дымочка.

— Тихо, товарищи женщины!— вмешался Матвеев.— Нечего вам делить. Работы хватит на всех. Барахла тоже. А чтобы вы не спорили меж собой, мы вас распределим по разным сменам. Сейчас идите и собирайтесь, а завтра с утра пораньше я вас отвезу на Кара-Тайгу.

— Как это тебе удалось, Семен Пантелеевич?— с уважением спросил Голубев, когда женщины ушли. Матвеев хитро улыбнулся:

— Все дело в секретности, Владимир Андреич. Повесь ты плакат на всю избу и напиши золотыми буквами свои условия, никто бы к тебе не пришел. А я женскую природу насквозь изучил и ручаюсь, что чем секретней новость, тем быстрее ее все узнают. Вот и решил я наступать с этой позиции и направился к Цыпочке. А она аккурат белье стирает. Ну, известное дело, тары-бары-раस्ताбары, напускаю я в разговоре всякого

туману о своем понимании в тряпках, а потом, будто незначай, и оброни словечко насчет дефицитных товаров, которые ты уже пообещал для особо достойных, кто будет работать на дробилке, то есть для Дымочки. Цыпочка как грохнет на плиту трехведерный бак с бельем и чирк меня за шиворот своей ручищей. Я уж и не рад, а она меня держит крепко и спрашивает своим утробным голосом:

— Какие это товары он пообещал этой размалеванной лахудре?

Ну, я вроде как под страхом смерти и говорю:

— А такие. Специальные. По женской части.

— Это что же и ажурные чулки он пообещал, и дамские гарнитуры?— допрашивает меня эта ведьма, а сама, значит, жмет меня так, что глаза на лоб лезут.

Я вижу— дело нешуточное, можно и жизни лишиться, но отвечаю нехотя, словно только под давлением:

— Именно эти распроклятые гарнитуры.

— А каких размеров?

Не моргнув глазом, сообщаю ей, как великую тайну, шепотом:

— Любых. На выбор...

Тут она меня как шваркнет об стену, аж известка посыпалась, и шпась за занавеску одеваться.

Я отряхиваюсь, а она гудит, как большой колокол на церкви:

— Что ж она, подлая, мне ничего не сказала? Бойтись, что я ей дорогу перейду в этом деле?

Я вижу, порохом пахнет и прошу:

— Ты, Цыпа, только не продавай меня, ради господ бога, а я тебе еще по секрету скажу, как Дымочка тебя хаяла перед новым начальником.

Цыпочка даже одеваться перестала и из-за занавески на меня глазами так и сверкает.

— Будь спок,— говорит,— не продам. Говори всю правду! Тут уж я не на шутку струхнул, но деваться мне некуда. Бру напропалую:

— Лодырюга, говорит, она, эта Цыпочка. Тунеядец, говорит, она самый настоящий, только что не высланный, потому что для нее и местов-то в государстве нет таких, куда ее выслать можно. Не берите ее на Кара-Тайгу ни в коем случае. Да и не дойдет она туда, толстомытая, развалится по дороге, и вам же за нее отвечать придется. Не надо ее тревожить! Она женщина отсталая и темная: у нее, говорит, только и свет в окошке, что напиться и нажраться, а больше никакого понятия ни насчет одежды, ни насчет обхождения. Сидит всегда дома, как кващ-

ня, и боится свой зад от скамейки оторвать. Ни в кино, ни в клуб...

А Цыпочка как рывкнет:

— Это я квашня? Да я этой вонючке сто очков вперед дам в любом деле. Мы еще посмотрим, кто будет лучше дробить пробы. А насчет одежды ей надо помалкивать. Она только сверху блестит, а в баню ходит раз в месяц...

И понесла такое, что я и не рад, что заварил эту кашу. Отдвигаюсь в дальний угол за печку, а сам не знаю, как ее успокоить, говорю степенно:

— Успокойся, Цыпа... Успокойся и не махай так руками. Она ведь не только тебя ославила. Ты знаешь, как она назвала Золотую — твою подружку?

— Как?

— Это не Золотая, говорит, а драная кошка и...

Дальше я уж говорить не мог, потому что Цыпочка выскочила наполовину одетая и сунула мне кулак к носу:

— Хватит, Семен! Сейчас же иду с Золотиночкой к начальнику. Только пусть он нас в одну смену с Дымкой не ставит, а то я ее издроблю вместо пробы в мелкий порошок. Пусть он заткнется со своей Дымочкой...

Я только и успел крикнуть ей, чтобы она никому ни слова не говорила. Вот и результат.

— А все-таки не нравится мне такой способ вербовки, — вздохнул Голубев.

— Что тебе не нравится, Андреич? — вполголоса мягко спросил Семен. — Ты же сам говорил, что на голом энтузиазме далеко не уедешь. А у людей нужда есть в этих тряпках. Ты же им только хорошее сделаешь, и они тебя будут добром поминать до конца дней своих. Ты же не чистоплюй какой-нибудь. Должен понять, что туго живется бабенкам в этой дыре. Вот ты им и поможешь. Это тебе да Михайлычу ничего не надо. Вам бы только руда была да пробы вовремя взять и отправить.

Веселый огонек блеснул в глазах Матвеева, но говорил он серьезно и с вызовом:

— Вам с Михайлычем дали брезентовые штаны казенные, и вы ничем больше не интересуетесь. А если бы и не дали, так вы и без штанов все равно полезли бы на Кара-Тайгу. Только это, Андреич, до поры до времени. Я по себе знаю. Хоть и старый я пенек, но вот захотел семейной жизни, и сразу потребовалась мне добрая одежонка для солидности и для виду.

— Ты что же, Семен Пантелеич, уезжать задумал? — с беспокойством спросил Голубев.

За эти несколько дней он привык к хлопотливому завхозу и теперь был искренне огорчен.

— Да куда же я от вас уеду!— успокоил его Семен.— Разве вы без меня тут управитесь? Ведь здесь глаз да глаз нужен. Людей надо знать. А вы что знаете? Кодекс законов о труде. Вот и все ваши знания. А у меня глаз наметанный, я старый волк и понимаю человека со взгляда. Я еще пригожусь Кедровской партии.

— А кого сватать будем, Семен Пантелеич, и когда?

— Сватать не надо, Андреич. Все уже на мази. Выходит за меня Анфиса Парамоновна, наша повариха. Задержка только за квартирой. Я давно хотел спросить у тебя, да все стеснялся, Андреич: когда мы будем дома для семейных людей рубить? Наши сараи хороши для холостяков или для больше-семейных, а вот маленьких квартир у нас нет.

— Ты прав, Семен Пантелеич. Придется, наверное, разрешить строить дома поменьше размером. Тогда некоторые в свободное время сами возьмутся за это дело. Оплачивать будем по тем же расценкам.

— Давно бы так-то. А то сиди, жди, когда тебе построят. Беру социалистическое обязательство за месяц построить себе дом и подать пример всем остальным.

— Одному тебе не управиться.

— Зачем одному? Позову на помощь Витьку Боженятова, старика Снегирева с сыновьями и еще кого-нибудь. За выходные дни поставим дом как пить дать. Теперь я ученый и знаю, что одному лучше с этим делом не связываться. Мне теперь время свободное нужно, чтобы и газетку почитать, и радио послушать. Научила меня жизнь. Хоть и поздно, но научила.

— Ну, что ж. Желаю тебе всего наилучшего.

— Эх, Андреич. Нам бы дожить бы до свадьбы-женитьбы...

Глава XII

Прошла первая половина дня, а самолета все еще не было. Голубев несколько раз выходил на улицу, прислушивался, но кроме обычного шума реки, заглушающего все остальные звуки, ничего не слышал. Река, прижимающая поселок к правой стороне долины, торопливо несла свои прозрачные воды, из года в год переноса от истоков к устью отшлифованные течения валуны и легкую гальку.

На пологом берегу возле лодок возились люди в высоких резиновых сапогах. Они выгружали на примитивный причал,

сбитый из нескольких длинных досок, мешки с мукой, крупой и ящики с консервами. Рядом с лодками стояли лошади, не торопясь, жевали овес, насыпанный большими кучами на брезент. Здесь пахло водой, рыбой, смолой и лошадиным потом.

Голубев подолгу простаивал возле лодок и возвращался в заезжий. Самолета не было.

— Не горюй, Андреич,— успокаивал его Матвеев,— до вечера еще далеко — прилетит.

Но Голубев видел, что Семен тоже беспокоится. Он часто подходил к окну, открывал форточку и прислушивался. Комнату сразу наполнял ровный приглушенный рокот реки.

— Однако к нам сама Королева Марго топает,— сообщил Матвеев, выглянув в форточку.—И несет ее величество какие-то новости. Видишь, в руке у нее бумажка.

«Связи техническими причинами ближайšie два дня самолетов не будет. Хватов»,— прочитал Голубев вслух радиogramму.

— Это с возчиками переслал радист из Снежного,— пояснила Королева, заведующая перевалочной базой партии.— Но вы не горюйте, товарищ начальник. Мы с Семеном договоримся с карбасниками. Они сейчас выгружают продукты для леспромхоза, и вы сегодня сплавитесь с ними километров на тридцать, заночуете прямо в карбасе, а завтра вечером будете уже в экспедиции.

Карбас — длинная плоскодонная лодка с большим тяжелым веслом на корме — принял в себя четырех человек и лошадь.

— Повезло тебе, товарищ начальник,— пошутил рулевой, плотный немолодой мужчина, попыхивая дымком из короткой почерневшей трубки.— Загорал бы ты на бережку, если бы не досрочный завоз продуктов. Расширяется наш леспромхоз, и мы, пока стоит погода, должны подкинуть сюда харчишек. А кроме того, идет среди народа слух, что вы на Кара-Тайге копнули богатейшую руду. Говорят, что из нее будут и ракеты делать, и корабли для путешествия на луну и прочие планеты. Если так, то тогда понятно, зачем спешно требуются продукты. Тут уж дело ясное: ваш ОРС не управляется, ну, нас на подмогу двинули.

— А откуда у вас такие сведения?— осторожно спросил Голубев.

— Дыму без огня не бывает, товарищ начальник,— уклонился от прямого ответа рулевой.— Говорят, что послан был еще в том году из Москвы умнейший молодой инженер по фамилии Саблин. И он в два счета нашел эту руду, а теперь разведует по всем правилам. Вот как река станет, мы тоже к вам пода-

димся всей артелью, потому что дело это интересное, и мы в стороне не останемся.

«Вот так и рождаются легенды»,— усмехнулся про себя Голубев.

— А все-таки прошу вас сказать мне, кто рассказывал о руде и о Саблине,— попросил он.— Мы из этого секрета не делаем, а вы словно чего-то боитесь.

— Ну если это не секретно, то я, так и быть, скажу,— ответил рулевой:— Твой заместитель рассказал, который с черным портфелем по Кедровке мотается.

«Матвеев,— догадался Голубев и улыбнулся,— вот агитатор!»

— Так прямо нам и сказал,— продолжал рулевой.— «Вы, братцы, мне верьте, потому что я у начальника — правая рука, и мне все доподлинно известно: будет здесь заложен город, не сомневайтесь и идите к нам, а работы на всех хватит». Нам-то сегодня, по-доброму, надо бы ночевать в Кедровке, но раз такое дело, приходится торопиться. Река у нас дурная, и в непогоду по ней лучше не плавать.

Он стоял на корме, опустив в воду тяжелое весло, и с наслаждением потягивал запашистый табачный дым. Помощники сидели на носу карбаса, изредка переговариваясь о чем-то своем. Рядом с ними вдоль бортов лежали длинные деревянные шесты, окованные на концах железом, как пики. В середине карбаса, возле короткой мачты, спокойно стояла лошадь и жевала овес.

— Без нормы кормите?— спросил Голубев, садясь поближе к рулевому.

— На этой работе иначе нельзя,— убежденно ответил рулевой, заряжая трубку новой порцией табака.— Иначе она в самый опасный момент может сдать, и тогда крышка и нам, и грузу, да и ей тоже. Ты видел, как она царапается по камням да по скалам, когда мы с грузом идем через пороги? Ведь полторы тонны волокет она, матушка, против течения. Трос звенит, как струна, а ей передышки нет, пока не выйдет на плес, на тихое место. Не только передохнуть: ей— даже шаг замедлить нельзя. Остановится на струе карбас на одну секунду, и ей уже его вперед не стронуть. Помогаем, конечно, и мы изо всех сил шестами, но этого мало. Это не рыбацкая лодка. Та легка на ходу и вертка, как юла. Поэтому и кормим безо всякой нормы.

Он чиркнул спичкой и засопел, раскуривая трубку. Карбас спокойно шел по глубокому плесу, морщина носом зер-

кальную поверхность воды, в которой отражались заросшие кедрачом и березняком высокие берега.

— Лист на березе уже пожелтел и начинает кое-где осыпаться,— задумчиво сказал рулевой, оглядывая берега прищуренными зоркими глазами.— Как только облетит весь, жди зимы. Это примета верная.

Небрежно облокотясь на весло, он охотно рассказывал Голубеву о реке:

— Дурная она — спасу нет. Особенно в дождь или, не дай бог, в снегопад. Видимость плохая, а в большую воду течение бешеное. Тут, брат, не зевай. Да вот скоро увидишь. Мы еще сегодня должны сплавиться через водопад «Волчьи зубы» и через длинный порог. Его у нас называют «Лихорадочный». Ну, а завтра самое главное — «Чертово колесо». После него уже легче. Но пороги и водопады не самое страшное. Страшнее всего — залом. Это когда лес запруживает реку. Вот почему нам видимость нужна, как летчикам. А без видимости на этой реке каюк.

Длинный прямой плес кончился. Впереди негромко шумел небольшой перекат. Белые лохматые гривы волн бились по всей ширине реки, скрывая под собой большие круглые валуны. Только главная струя, идущая ближе к левому берегу, по самому глубокому месту, казалось, была спокойной.

Рулевой оглянулся назад, сказал Голубеву:

— Догоняют нас наши товарищи.

И, повышая голос, своим помощникам:

— Кончай курить!

Он цепко схватил весло сильными короткими пальцами и весь напряжился, пристально вглядываясь в конец главной струи. Нос карбаса уже плавно входил в ее начало. Голубев почувствовал, как струя приняла на свою выгнутую горбом спину карбас и стремительно понесла его через перека́т. Шум воды, плеск волн оглушили его сразу.

Мелкая водяная пыль, висящая над перека́том, обдала лицо. В обнажении подмытого берега с головокружительной быстротой замелькали лохматые корни деревьев и висящие на честном слове огромные камни. У Голубева захватило дыхание, и он замер, ощущая всем телом упругую силу главной струи, несущей тяжелый карбас, как щепку.

В носу карбаса встал сидящий справа по ходу помощник и выставил перед собой шест. Коротко звякнув о камень металл оковки, и нос карбаса резко отклонился влево, ближе к берегу, где темнела глубокая вода. Высокие обрывистые берега остались позади, и карбас, как стрела, вылетел на

спокойный тихий плес. Щетинясь густым тальником, низкий левый берег придвинулся вплотную.

— Закуривай!— крикнул рулевой и весело подмигнул Голубеву: «Знай наших».

Голубев не заметил, как расступились и ушли далеко в стороны заросшие лесом горы, как скрылась за ними белая голова Кара-Тайги.

Прихотливо извиваясь, река кружила по широкой заболоченной долине, часто меняя свое русло, оставляя справа и слева бесчисленные озера и старицы. Хвойный лес постепенно сменился чахлым березняком. Корявые тонкие стволы с обломанными вершинами и сучьями сиротливо торчали среди болота, жались к сухим берегам. Карбас медленно двигался вдоль унылых голых берегов, старательно обходя многочисленные острова и мели, разбивающие реку сразу на несколько проток.

«Здесь легко можно заблудиться и заплыть в такую щель, откуда не выберешься»,— думал Голубев, тревожно поглядывая по сторонам.

— Не опасайся, товарищ начальник,— подбодрил Голубева рулевой, будто прочитав его мысли.— Я не промажу и в добрую погоду не ошибусь. Недаром меня первым пустили. Видишь, наши карбасы все время идут за мной, как привязанные. Вот минуем это путаное место, и они опять отстанут, потому что на быстрине надо держаться друг от друга подальше. Если застрянет передовой на камнях, или, не дай бог, развернет его поперек течения, то следующий должен успеть оглядеться и пристать к берегу. Сегодня погода хорошая, пройдем, как по маслу, нигде не зацепимся. Ты не волнуйся. А в плохую погоду я и сам не поплыву и врагу своему не пожелаю. Тут заблудиться— раз плюнуть. А потом выбирайся против течения, если не сядешь на мель. По берегу тоже далеко не уйдешь— трясина. Одни только лоси ходят по этим гиблым местам, спасаются от охотников. Самые смелые и то боятся лезть вслед за лосем в болото. А они знают такие потайные тропы и проходы, что люди диву даются, как такие крупные звери не тонут.

Он бесшумно цевельнул веслом, и карбас, как чуткий вывезенный конь, свернул в узкую, заросшую тальником, протоку.

Течение заметно ускорилося, и тяжелый карбас пошел быстрее. Зажурчала, запела на разные голоса вода, пригибая ветки тальника, купая их в своих прозрачных струях. Не-

ожиданно заросли тальника кончились, и впереди, там, где река круто поворачивала вправо, открылся ровный низкий берег.

— Смотри! Вон он — легкий на помине, — жарко дохнул в лицо Голубеву рулевой.

На берегу неподвижно, словно вырубленный из дикого камня, стоял лось и смотрел на несущийся прямо на него карбас. Корону огромных рогов зверь завалил назад и, высоко подняв голову, казалось, нюхал воздух. Какой-то доли секунды хватило лосю, чтобы оценить обстановку и скрыться в густом тальнике.

— Был и не был, — восхищенно охнул рулевой. — Будто растаял на глазах. Теперь он пойдет рвать по болоту так, что его и пуля не догонит. Повезло нам сегодня, как никогда. Первый раз вижу лося так близко.

— Силен зверь, а подвижен, как ртуть, — восхитился Голубев. — Как он маханул!

Они долго не могли успокоиться, вспоминая исчезнувшего зверя. А река несла и несла карбас вперед, догоняя заходящее солнце.

Угасли краски осеннего дня и потемнела вода, когда горы снова придвинулись к реке, зажимая ее в каменные тиски. Обрывистые берега, отвесно уходящие в воду, угрюмо высились над головой, закрывая все, кроме узкой полоски голубого неба, в дальнем конце которой багровело низкое солнце. Река металась от берега к берегу, вскипая возле камней белой бахромой пены, наполняя ущелье ровным, мощным гулом. Мельчайшая водяная пыль вихрилась в воздухе, вспыхивая в последних лучах солнца множеством маленьких ярких радуг. Несказанно дивный трепетный свет дрожал и переливался вокруг, то затухая, то вспыхивая вновь. Шум воды постепенно нарастал, переходя в глухой грозный рев.

Лошадь перестала жевать овес, подняла голову и застыла, пугливо поводя ушами, прислушиваясь. Помощники рулевого разом встали, держа шесты наперевес. Рулевой вынул изо рта трубку, надвинул на глаза кепку, закрывая их от солнца, и, крепко сжимая руками весло, неотрывно смотрел вперед.

Там под большой, с берега на берег, широкой радугой из воды торчали острые черные камни. Вокруг них бесновалась река, разделяясь на два потока. Правый, несущий основную массу воды, резко обрывался двухметровым водопадом, разбиваясь в мелкие брызги у подножия, а левый, стиснутый каменными зубьями, прижимался к береговой скале, спускаясь пологими ступенями вниз к глубокому омуту.

— «Волчьи зубы»,— сказал рулевой, глядя неотрывно на первый зуб.

И Голубев, сидящий у его ног, скорее догадался, чем услышал, что он сказал.

Вцепившись обеими руками в борт карбаса, Голубев затаил дыхание, вглядываясь в кипящую возле камней воду. Карбас миновал первый зуб, проскользнув рядом с ним впригирку, и сразу перед ним вырос второй.

— Бей справа!— громко крикнул рулевой, перекрывая голосом шум потока.

Помощник с правого борта ударил в камень шестом, отводя нос карбаса влево.

— Бей слева!— закричал рулевой.

Сильное течение, заламывая корму, начало разворачивать карбас поперек русла, но помощник слева уже уперся шестом в береговую скалу и, нажимая изо всех сил, направил карбас вперед. Прыгая на волнах, карбас вошел в левый поток.

— Бей слева!

— Бей справа!— гремел над водопадом голос рулевого.

Скрежетали, ударяясь о камень, железные наконечники шестов, ревел водопад, и карбас, глубоко зарываясь носом и черпая белую пену, мчался вперед по огромной водяной лестнице. Вот он гигантским прыжком проскочил последнюю ступень, громко шлепнулся днищем о пузырящуюся поверхность воды и, не сбавляя хода, влетел под широкую арку радуги.

— Закуривай,— скомандовал рулевой, доставая трубку.

Глава XIII

Последние семьдесят километров до экспедиции Голубев преодолел в кузове грузовика, груженного пустыми бочками из-под солярки и масла.

Бочки, поставленные в несколько рядов и прихваченные веревкой, оглушительно гремели на каждом ухабе. А ухабов на разбитой таежной дороге, к несчастью, хватало.

«Это не езда, а скачка с препятствиями»,— злился Голубев, подпрыгивая в кузове вместе с пустым ящиком, который он приспособил под сиденье. Мягкая пыль поднималась из-под колес, длинным бурным шлейфом стлалась за машиной, а когда водитель резко убавлял скорость перед очередной рытвиной, темным облаком накрывала Голубева. Проникая в

рукава и за ворот, она липла к телу, вызывала нестерпимый зуд, противно скрипела на зубах, слепила глаза, а Голубев не мог даже вытереть лица, потому что обеими руками крепко держался за борта, боясь вылететь из машины вместе со своим ящиком.

В довершение всех бед веревка, удерживающая бочки в относительном порядке, лопнула, и они железной стеной, покачиваясь и приплясывая, двинулись на Голубева. Он вынужден был упереться спиной в передний борт и в полулежащем положении ногами сдерживать взбесившуюся тару.

«Если бы кто-нибудь из ребят увидел меня сейчас, то посмеялся бы от души,— думал он, отталкивая ногой особенно нахальную бочку.— А Саблин наверняка сравнил бы меня с распятым Иисусом Христом. И когда это мы будем ездить, как все нормальные люди, на своих машинах? Сколько помню, не было такой партии или экспедиции, где с транспортом было бы нормально».

Дальнейшие размышления Голубева были прерваны целой серией мощных толчков. Очевидно, водитель забыл о своем пассажире и решил выжать из машины все, что можно.

Помяная недобрыми словами дорогу, машину, бочки и не в меру лихого водителя, Голубев отряхнул с одежды пыль и направился в контору экспедиции.

— Никого давно уже нет,— сообщила ему уборщица, подметавшая в коридоре.— Иди-ка ты, добрый человек, в заезжий дом. Там и заночуешь.

«Еще невзначай напугаю кого-нибудь своим бродяжьем видом,— решил Голубев и свернул к реке.— Сначала надо умыться».

Спотыкаясь в темноте и поругивая про себя тучи, закрывшие молодой месяц, Голубев вышел к реке.

За его спиной на низкой речной террасе привольно раскинулся поселок экспедиции, а немного подальше заревом огней полыхал рудник. Теплый вечерний ветерок доносил оттуда голоса людей, изредка — шум машин, еще реже — приглушенный расстоянием гудок паровоза.

«На Кара-Тайге сейчас уже тишина,— почему-то с завистью вспомнил он.— Ребята уже отдыхают. А тут извольте искать ночлег и готовиться к неприятному разговору с начальством».

Он уже разделся до пояса, когда услышал на противоположном берегу в кустах заглушаемый шумом воды разговор.

— Как же мы в этой адской темноте будем переходить

речку?—спросил женский голос.—Сейчас легко можно оступить и упасть в воду.

— Забота о человеке — прежде всего, — ответил мужчина. — Не бойся, перенесу.

Темная, тускло отсвечивающая поверхность воды вздрогнула и сморщилась мелкой рябью. Кто-то тяжело брел по мелкой воде, осторожно переставляя ноги, нащупывая дно.

— Придется тебе еще раз брести на ту сторону за грибами, — пожалела женщина.

— Чего не сделаешь ради твоих... — с трудом переводя дыхание, бормотнул мужчина и оступился.

Женщина звонко засмеялась:

— Ты меня сегодня утопишь, Хватов.

— Держись крепче. Берег близко.

— Эх, Хватов, Хватов, — огорченно сказала женщина, — ты не рыцарь.

— В наше время рыцарей нет.

— Есть. Я знала такого человека.

«Вот не везет, — мелькнула у Голубева мысль. — Еще подумают, что я их подслушиваю. И принесла же меня сюда нелегкая!»

Он нарочно громко кашлянул и шагнул в воду. Голоса сразу смолкли.

Опустив спутницу на землю, Хватов, приглядываясь, шагнул к Голубеву.

— Это кто?

— Свои, Дмитрий Харитонович, не бойся.

— Откуда ты взялся, Владимир Андреич? Я тебя ждал только завтра.

— С опережением графика прибыл... Здравствуй.

— Здравствуй, здравствуй. А мы, понимаешь, после работы собрались по грибы... Да, кстати, познакомься. Моя жена Лариса.

— В таком виде только и знакомиться, — попытался скрыть за шуткой смущение Голубев. — Я же пропылился до самых печенок и грязный, как прах.

— А из нашей речки добавите мазута и прочей дряни. В нее, бедную, сбрасывают воду с рудника, — весело вставила Лариса. — Разве здесь можно умываться? Хватов, ты почему молчишь? Почему не приглашаешь гостя?

— Что вы! Не надо! — заторопился Голубев, не зная, как отказать от неожиданного приглашения.

— Как это не надо! — вступился Хватов, тесня Голубева к берегу. — Тебя дама приглашает, а ты, как настоящий таежный

медведь, норовишь удрать. Пока ты оденешься, я перенесу с того берега ведро с грибами и пойдем домой. Нажарим грибов и под грибы сообразим чего-нибудь.

Последние слова он произнес уже с середины речки, часто шлепая по воде высокими сапогами.

Мыться в доме Голубев наотрез отказался.

— На улице достаточно тепло,— умоляющим голосом убеждал он хозяйку,— и ничего со мной не сделается. Мы с Саблиным каждый день обтираемся снегом и не боеем. А у вас тут еще и лист на березах не пожелтел. Как будто на юге живете.

— Саблин обтирается снегом?— удивленно спросила Лариса.

— Каждый день,— подтвердил он, вынося на крыльцо полный таз горячей воды.

Потом он сидел в большой чистой комнате, обставленной красивой удобной мебелью, курил и смотрел на хозяйку дома.

Легко скользила она по комнате от буфета к столу, от стола в кухню и обратно, проворно и умело собирая ужин. Ее слегка удлиненное белое лицо с темно-карими теплыми глазами было спокойно. Черные, вьющиеся на висках волосы собраны в высокую прическу, открывающую стройную гибкую шею и подчеркивающую белизну и свежесть кожи. Твердые и нежные губы без следов краски. Брови — густые, смелого рисунка. Правую посередине приподнимает почти незаметный шрам, придавая лицу выражение постоянного ожидания. Привычка высоко держать голову и стройная осанка шли ей, но как-то странно не вязались с резкими нервными движениями рук. Они метались, словно лоя что-то неуловимое, словно ища и не находя потерянного.

Хватов переоделся и вышел к ужину в белоснежной рубашке с широким свободным воротом, в модных, безукоризненно отглаженных брюках.

— Ну, козяюшка, хватит морить гостя голодом,— добродушно заявил он, открывая графин и наливая коньяк в широкие маленькие рюмки.— Выпьем за гостя,— поднял Хватов рюмку,— за геолога-полевика...

— И за тех, кто в поле!— подхватила Лариса.

Голубев заметил, как удивленно приподнялась у Хватова бровь. Он выпил коньяк, поморщился и, посасывая ломтик лимона, густо посыпанного сахаром, повернулся к жене:

— Это что-то новое: ты же всегда запрещаешь говорить за столом о работе, о поле. И вдруг такой тост.

— Всегда запрещаю, а сегодня разрешаю, потому что иначе Владимиру Андреичу будет скучно. У него, верно, есть что рассказать о своих впечатлениях. Он человек в экспедиции новый,

и тебе и мне будет очень интересно послушать именно нового человека.

Выделяя голосом последние слова, она улыбку и посмотрела на Хватова.

Голубев в это время сосредоточенно ловил на тарелке скользкий гриб. На мгновение встретившись взглядом, он увидел, как в глазах Ларисы вспыхнул недобрый огонек. Она тут же притушила его, опустив длинные ресницы.

— Ну, что ж. Пусть Владимир Андреич для начала расскажет нам, как он нашел партию, как ему показался главный инженер.— И Хватов снова потянулся к графину.

— Хвалиться нечем, Дмитрий Харитоныч. Партия не из легких. По всем условиям она пока гораздо тяжелее той, которая работает на Царь-Камне. Можно сказать, что попал я из огня да в полымя. А насчет главного ты правильно говорил. Он действительно очень упрям, но...

— Вот видишь,— обрадовался Хватов.— Я же говорил, что с ним ни один черт не сработается. Ведь Мищенко проработал начальником двадцать три года и не таким соплякам ломал рога, а тут...

Хватов возмущенно стукнул кулаком по столу и, казалось, задохнулся от гнева. И опять Голубев заметил, как по лицу Ларисы прошла тень.

— Но,— перебил его Голубев,— он не дурак и дело знает. Кроме того, он очень прям, и, как я понял, люди его уважают именно за это. А некоторые даже стараются подражать ему во всем, вплоть до того, что говорят, как Саблин, и бороды отпускают, как у Саблина.

— Даже так?— улынулась Лариса, как будто не замечая, что Хватов нахмурился и насмешливо смотрит на Голубева.

— Уверен, что люди его уважают,— продолжал Голубев.— Уверен, что дело он знает, но мне кажется, он очень часто действует по велению сердца, а не ума.

Мечущиеся руки Ларисы замерли на мгновение, и она бросила на Голубева быстрый, внимательный взгляд.

— Как вы хорошо сказали, Владимир Андреич,— задумчиво протянула она вполголоса и подняла полную рюмку.— Хоча выпить за людей, живущих сердцем!

— Ах, Лариса, Лариса!— укоризненно покачал головой Хватов, нехотя поднимая свою рюмку.— Ты рассуждаешь как маленькая. Разве может современный человек жить только сердцем? Тем более — руководящий работник, главный инженер партии, человек, которому доверили направлять работу целого коллектива. Он обязан рассуждать. Он должен тысячу раз все

рассчитать и проверить, а только потом принимать решение.

Хватов говорил спокойно, даже очень спокойно, но по тому, как вздрагивали его тонкие пальцы, когда он открывал пачку папирос, Голубев понял, что Хватов нервничает.

Лариса передвинулась в тень абажура и молча слушала мужа, не поднимая глаз.

А Хватов, увлекшись, уже не говорил, а вещал:

— Что такое руководитель? Руководитель — это мозг. А для чего создан мозг? Для того, чтобы рассуждать...

Голубев не видел глаз Ларисы. Он видел только темные тени под глазами да уголок подергивающихся в иронической улыбке губ.

«Ну что он завел какую-то тягомотину?» — досадуя на Хватова, думал Голубев. Чувствуя себя как-то неловко и стараясь разрядить обстановку, Голубев воспользовался небольшой паузой и, перебив Хватова, начал рассказывать о том, как Матвеев организовал доставку скота на Кара-Тайгу, как он выпекал хлеб в новых печах. Хватов обиженно замолчал и снова нахмурился, но постепенно лицо его прояснилось и даже какое-то подобие улыбки мелькнуло на его тонких губах.

— В последние дни мы дожились до того, что даже собаки в поселке перестали есть сухой хлеб, — говорил Голубев, с улыбкой глядя на хозяев. — А собак у нас на Кара-Тайге великое множество. У каждого хозяина минимум одна собака, а у Саблина — целая свора. Ребята смеются и говорят, что у помещика Троекурова и то было меньше.

Хватов снисходительно хмыкнул, и Голубев внутренне повеселел: — «Слава богу, и тебе, начальник, это нравится». Но случайно глянув в его глаза, Голубев увидел такой холод, такое ледяное презрение, что у него сразу пропала охота говорить.

— Что же вы замолчали, Владимир Андреич? — виновато спросила Лариса, и словно оправдывая мужа, добавила: — Мой Хватов не любил собак с детства.

— А собаки не любят меня, — вставил Хватов.

— Собаки любят добрых людей, — не подумав, брякнул захмелевший Голубев и густо покраснел, вдруг осознав свою бестактность.

— Это, Хватов, тебе не в бровь, а в глаз, — засмеялась Лариса.

Пытаясь изобразить улыбку, Хватов шевельнул губами, но улыбки не получилось. От обиды губы жалко дрогнули и плотно сжались. Меряя лицо Голубева оценивающим взглядом, он словно хотел спросить: «Что же ты еще сейчас отмочишь, дубина?»

Голубеву уже не хотелось ни есть, ни пить.

«Черт меня дернул согласиться на это приглашение,— злясь на себя и на весь белый свет, тоскливо думал он, видя краешком глаза, каким неподдельным весельем горят глаза Ларисы и как злится Хватов.— Похоже, она сегодня капризничает и дразнит мужа, а я ей помогаю в полную силу. Правильно сказал Матвеев, что я ничего не понимаю в женщинах. Да и кто их поймет по-настоящему и до конца?»

Голубев почувствовал себя чуть ли не преступником. Он готов был провалиться сквозь землю, лишь бы оказаться вне этого дома.

Хватов выпил коньяку, жадно шевели ноздрями, стал наливать еще. В комнате повисла нехорошая тишина, в которой слышался лишь тонкий звон графина о стекло рюмки.

Голубев перехватил настороженный немигающий взгляд Ларисы, встал.

— Куда ты, Владимир Андреич?— остановил его Хватов.— Садись. Будем пить чай.

Он уже справился с собой и говорил, как всегда, ровно, на повышенном голосе:

— Пошутили, посмеялись, а теперь поговорим о делах.

Лариса внесла чашки с чаем, села, снова опустил глаза. Говорил Хватов. Речь его текла спокойно и размеренно. Но что-то мешало Голубеву вникнуть в смысл, почувствовать привычную заинтересованность в разговоре. Все было на месте, и все было правильно в том, что говорил Хватов: и смысл и построение фраз. Голубеву казалось, что он даже на слух различает знаки препинания в речи Хватова. Но так серо, так казенно-скучно говорил он, что Голубев недоуменно оглянулся: «Не на совещании ли мы сидим у большого начальства?»

Каждое сто раз известное положение Хватов пересказывал в сто первый, рассматривая его со всех сторон, рассуждая о таких прописных истинах, о которых уже не говорят и школьникам младших классов.

Откинувшись на спинку стула и полуприкрыв бледными веками глаза, он говорил и говорил, как хорошо налаженная, не знающая перебоев машина, делая остановки только для того, чтобы выпить коньяку или закурить новую папиросу.

Голубев уже не пытался поддерживать разговор. Он молча курил, делая вид, что слушает очень внимательно, и почему-то старался вспомнить, какое прозвище дали Хватову в техникуме. Вероятно, поэтому он пропустил мимо ушей неожиданный вопрос:

— Так что же вы думаете делать с планом? В ежедневных

сводках у вас не блещет. Опять то же самое: канавы, канавы и снова канавы. Когда будет перелом?

Скорее догадавшись по нескольким словам о смысле вопроса, чем осознав его полностью, Голубев безнадежно махнул рукой.

— Менять виды работ сейчас уже невозможно, Дмитрий Харитоныч. Канавы идут по руде. Хочется нам или не хочется, а остановить их нельзя. Ослабить на них работу тоже нельзя. Придется пересмотреть и изменить план.

— Значит, вместо того, чтобы оседлать Саблина, получилось наоборот: Саблин оседлал тебя?

— Оставь громкие слова, Дмитрий Харитоныч. Зачем нам седлать друг друга? Я считаю, что мы должны тянуть воз в одной упряжке, ноздря в ноздю, что мы и стараемся делать по мере сил.

И опять Голубев заметил, каким искренним интересом вспыхнули глаза Ларисы.

— Не туда вы его тянете, Владимир Андреич,— без тени раздражения, спокойно и даже весело сказал Хватов.— Не туда, куда надо. Если Саблин не понимает, что такое план, то ты-то должен понимать?

— Да понимает Саблин!— загорячился Голубев.— Все он прекрасно понимает. Вот его понять никто не хочет! Не легкой жизни он искал, когда перевел всех людей с шурфов на канавы. Послушал бы ты, каким ревом режут проходчики! Они же лишились больших заработков из-за такой перестановки. Ты не представляешь, каких ежедневных трудов стоят Саблину уговоры несогласных... Саблина тоже надо понять и сделать правильные выводы.

— Сделаем,— заверил Хватов.— Сделаем по окончании квартала. Готовьтесь к балансовой комиссии.— И опять, прикрыв глаза, он начал объяснять Голубеву, что такое план.

«Соловей,— внезапно вспомнил Голубев прозвище Хватова.— Соловей! Поет без отдыха, без остановки и закрывает глаза от удовольствия слушать самого себя».

В сужившихся, внезапно протрезвевших глазах Голубева заплескался с трудом сдерживаемый смех. До боли сжав челюсти, он напрягал все силы, чтобы не расхохотаться в лицо Хватову. Поймав предостерегающий взгляд Ларисы, он погасил в себе это желание и решил молчать, о чем бы ни говорил Хватов. Но тут же сорвался, потому что Хватов снова помянул Саблина.

— Послушай,— перебил он Хватова на полуслове,— Саблин во многом виноват, но, честное слово, нам всем было бы го-

раздо легче, если бы экспедиция предварительно запрашивала проект плана у всех поисковых партий, как это уже делается в крупных разведочных экспедициях. Это бы всем развязало руки, и Саблин...

Но остановить Хватова было уже невозможно. Он просто отмахнулся от Голубева и продолжал говорить, словно читая по учебнику:

— Если провести подробнейший анализ работы Саблина, то можно смело сказать, что он потерял ориентацию и утратил способность отличать главные вопросы от второстепенных. План для него — это...

— «Ну валяй дальше,— обиделся Голубев.— Пой, пташечка, пой. Насобачился ты, Соловей, за эти годы языком трепать, да не каждое у тебя лыко в строку. Но спорить с тобой бесполезно и доказать тебе что-нибудь нельзя, потому что ты всю жизнь и работу разграфил, как тетрадь в клеточку, а в каждой клеточке готовое решение».

Он всеми силами старался не поддаваться усыпляющему действию хватовской речи, но время от времени ловил себя на том, что глаза невольно смыкаются, что он частенько кивает невпопад тому, о чем говорит Хватов.

«Выпили мы совсем немного,— устало думал он, слушая до смерти надоевшие рассуждения Хватова.— Очевидно, сказывается езда на проклятом грузовике и борьба с бочками. Дурак я, дурак. И зачем поперся в чужой дом? Не приходилось мне бывать в гостях у начальства, и никому я этого не пожелаю».

Голубеву постелили на диване, и он уснул сразу, как только закрыл глаза.

— Счастливый человек,— позавидовал Хватов, выходя из столовой в спальню,— спит спокойно и ни о чем не думает, а тут...

— Спокойно спят люди с чистой совестью, Хватов,— насмешливо заметила Лариса, плотно заговоря дверь.

— У меня совесть тоже чистая, Лариса, а вот спать я иногда просто не могу. Ведь если рассуждать логически, совесть — понятие относительное. Почему ты хмуришься, детка? — продолжал Хватов, пытаясь пальцем разглядеть излом брови на лице жены. — Или я говорю неправильно?

— Да нет, Дима, все правильно. У тебя, как всегда, все правильно и все логично. Понимаешь? Ужасно правильно. До тошноты.

— Не понимаю, что тебе не нравится в моих рассуждениях.

— Ах, эти рассуждения! Как много и как нудно ты рассуж-

даешь, Дима! Неужели ты и меня выбирал, рассуждая о всех моих положительных и отрицательных качествах?

— Ну, это дело другое, и я...

— То-то ты и приглядывался ко мне: боялся ошибиться. Наверное, взвешивал на своих весах каждое мое слово и каждый шаг. И анкету из отдела кадров, наверное, изучил досконально...

— Это жестоко, Лариса...

— Но зато верно!

— Что с тобой сегодня?

— Обрадовалась живому человеку, который не угодничает и не подхалимничает перед тобой.

— Я не хочу тебя обидеть, но ты, кажется, забыла, чем обязана мне?

Лариса отшатнулась, как от удара. У нее дрогнул и горько пополз вниз уголок губы, глаза потухли, а стремительные руки безжизненно повисли. Покорно глядя на мужа, она беззвучно шевелила губами, а потом глухо простонала:

— Помню.— Закрывает глаза руками, сдавленно всхлинула.— Помню... Но не ожидала...

Слыша, как дрожит и прерывается голос жены, Хватов моментально отрезвел.

— Успокойся, Лариса. Ты сегодня сама не своя. Ну, прости меня... Вырвалось невольно.— Хватов попытался обнять жену. Она вяло оттолкнула его руку и, не вытирая слез, глядя в сторону слепым остановившимся взглядом, прошептала:

— Сказать тебе, кто ты?

Хватов пугливо оглянулся на закрытую дверь, провел по лицу рукой, словно стирая обиду. Попросил тихо:

— Довольно, прекрати.

Глава XIV

Ожидая, когда из конторы разойдутся лишние люди, фельдшер Косов три раза подряд прочитал от слова до слова стенгазету «Разведчик недр», выпущенную еще к Первому мая.

Когда Голубев остался один, Косов внимательно огляделся и, приложив палец к оттопыренным губам, призвал к молчанию.

— Что случилось, доктор?— спросил Голубев, удивленно глядя на Косова.— О состоянии дел вы уже доложили. О том, что лошади поправились почти все, я знаю. Какая тайна беспокоит вас сейчас?

- Кража,— таинственным шепотом доложил фельдшер.
- Вот этого нам только и не хватало!— Голубев в сердцах хлопнул ладонью по столу.— Что украдено? Спирт?
- Английская соль — сильнейшее слабительное средство.
- Сколько?
- Пять пачек по двести граммов каждая. Весь годовой запас.
- Странно. Очень странно. Кому это надо и зачем?
- Ума не приложу, Владимир Андреич. Подозреваю, что кто-то решил пошутить. Но кто?
- Над кем?
- Над жильцами большого общежития, Владимир Андреич. Ко мне еще затемно пришли трое полупьяных проходчиков и заявили, что у них сильнейшее расстройство желудка. Они говорят, что все жильцы общежития с вечера сидят в кустах, так как мест в туалете не хватает.
- Черт знает что творится в вашем хозяйстве, доктор!— срываясь на крик, загремел Голубев.— Неужели нельзя держать медикаменты под замком? Неужели мы рядом с вами должны на ночь ставить охрану? Ведь вы живете в помещении медпункта, если я не ошибаюсь?
- Владимир Андреич,— фельдшер клятвенно прижал к груди обе ладони,— уверяю вас, что все медикаменты аккуратно запираются каждый день. Замок на медпункте цел. На ящике с лекарствами тоже цел. Таинственный похититель не оставил никаких следов. Очевидно, работал специалист высшего класса.
- Какой это специалист будет воровать паршивую английскую соль, цена которой — грош в базарный день? Идемте в медпункт. Я проверю хранение.
- Поднимаясь по крутой тропе и оскользаясь в спешке на заиндевевших камнях, Голубев на ходу надевал стеганую фуфайку. Сзади, тяжело отдуваясь, семенил короткими ножками Косов.
- На верхней ступеньке крыльца, тяжело привалившись спиной к закрытой двери медпункта, сидел проходчик Сашка Клянусь Жизнью. Круглое обрюзгшее лицо — сплошной синяк. Нос и губы, расплюснутые сильным ударом, вспухли, слились в одно. Глаза закрыты черно-лиловым отеком. Светлые волосы слиплись от запекшейся крови, повисли грязными сосульками. Рубашка, густо усеянная засохшими бурыми пятнами, порвана во многих местах. Через дыры виднелось грязное тело. Сашка трудно, с надсадой, дышал открытым ртом.
- Кто тебя?— спросил Голубев, наклонясь поближе.

Изуродованные толстые губы шевельнулись, и Сашка с на-
тугой прохрипел:

— Не знаю.

— Чем били?

— Не знаю.

В груди у него что-то булькнуло. Он харкнул и выплюнул
большой сгусток крови.

— Владимир Андреич, не спрашивайте его,— попросил Ко-
сов,— он все равно ничего не скажет. Помогите мне затащить
его в помещение.

Фельдшер отпер большой круглый замок, вошел первым.
Вдвоем они с трудом подняли худощавое, но тяжелое тело,
внесли в помещение.

— Идите, Владимир Андреич,— командовал Косов,— идите
в общежитие, ищите по горячим следам этих извергов, а я тут
как-нибудь справлюсь. Уборщицу пришлите мне из конторы,
и все будет в порядке. Кости у него как будто целы, а осталь-
ное поправимо.

«Горячие следы» драки Голубев увидел издали, не доходя
до большого общежития. Черным провалом темнел дверной
проем, выбитая дверь косо висела на одной петле. В верхней
части ее торчал плотницкий топор. Два ближайших окна ще-
рились осколками чудом держащихся стекол. В косых лучах
восходящего солнца они зловеще поблескивали красным цве-
том, и Голубеву показалось, что они залиты кровью. Он не-
волью ускорил шаг, чутко прислушиваясь к каким-то неясным
звукам, доносящимся из помещения. Казалось, кто-то моно-
тонно и нудно читает молитву, беспрестанно поминая бога и
божью мать. Приблизившись вплотную, Голубев понял, что
эта молитва — обыкновенная матерщина, произносимая нара-
пев болезненным, жалким голосом.

Вдруг в общежитии что-то звякнуло, затрещали на полу
осколки стекла, и мимо Голубева один за другим промчались
два человека, направляясь к зарослям молодого пихтача.

— Куда вас несет?— успел крикнуть вдогонку Голубев, не
узнав бегущих.

Из-за ближней невысокой пихтушки поднялась взлохма-
ченная голова, страдальчески закатив под лоб глаза, пояснила
с великой мукой в голосе:

— На девятый венец несет. Не видишь, что ли?

Привлеченные разговором, из кустов высунулись еще голо-
вы, узнали Голубева, скрылись.

«Английская соль,— вспомнил Голубев доклад фельдшера,—
сильнейшее слабительное средство».

В просторном помещении общежития было пусто и тихо. В простенке между выбитыми окнами валялась железная печка, рядом двустволка с расщепленным прикладом. На поверхности золь, рассыпанной толстым слоем по всему полу, тускло блестели медные гильзы ружейных патронов. Тут же, в куче, искореженные огнетушители.

— Есть кто-нибудь живой?— вполголоса спросил Голубев.

В дальнем углу скрипнул дощатый топчан. Цепляясь за стену руками, поднялся человек. Сел, поджав под себя ноги, кутаясь в одеяло. Спросил отрывисто:

— Кого надо?

— Любого, кто сможет рассказать об этом безобразии.— Голубев ткнул пальцем в сторону выбитой двери,— и о том, за что избили Сашку.

— Били за дело.

— Конкретней!— повысил Голубев голос.

— А вы кто? Следователь или прокурор?— издевательски протянул сидящий на топчане.— Может, прикажете подписочку о невыезде дать? Только здесь этот номер не пройдет. Тут закон — тайга, а прокурор — медведь.

— Здесь я и следователь и прокурор, черт вас возьми!— взорвался Голубев.— И мне надо знать правду для того, чтобы решать, виноват Сашка или нет. Вязать вас, сукиных сынов, или пойти и связать Сашку. Чикаться с вами я не буду.

— Ладно, начальничек, твой верх. Ходи сюда, слушай внимательно и вникай глубже.— Голубев подошел ближе и узнал Кольку-гитариста. Держась руками за живот, Колька рассказывал:

— Сашка каждый день тайно варил косорыловку и продавал нам по десять рублей за литр. У кого не было денег, Сашка давал в долг, а потом ребята отработывали на его канавах. Кубаж писали Сашке. Вот почему у него план выполнялся всегда на двести процентов. Пили мы в последнее время по-маленьку, втихаря, после работы, потому что крупную тару у Сашки Михайлыч изрубил еще два месяца назад. Ну, а позавчера так случилось, что людей у нас осталось мало, и после двойной порции мы загуляли. День профилонили, а вечером похмелились. Только в этот вечер Сашка обнаглел, гад, и продал нам не пиво, а какую-то конскую мочу. Мы с великой похмелюги выгнули все без остатка. Через полчаса пронесло, как паршивых утят. Сначала грешили на кухню: думали, повариха нам чего-нибудь подсунула. А потом доперли, в чем дело. Сашка сам свою бурдымагу не пил. Был он и вчера и сегодня трезвый. Мы устроили опыт: слили по капле все ос-

татки и пивную гущу в одну банку и заставили его выпить. И что ты думаешь, начальник? Ровно через тридцать минут этот прохиндей запросился на двор. Выходят ребята за ним, кличут: «Сашка, где ты?» А он из кустов только голову поднял и отвечает:— «Клянусь жизнью, я здесь».— Ну тут мы и дали ему прикурить.

— Чем били?

— Огнетушителем били. Он огнетушители приспособил вместо лагунов,— рассказчик криво улыбнулся,— хитро замаскировал от начальства свое производство. Ну, мы его огнетушителем и того...

— Да ведь так убить можно...

— Надо было убить подлогу. Сколько он из нас денег высосал за полгода— счету нет. Да не это обидно. Черт с ним. Сами пива просили. Обидно, что топор на нас поднял, а потом за ружье схватился. Кого он стрелять хотел, паразит? Корешей. с которыми каждый день хлебал из одной миски! Убирайте Сашку из поселка немедленно, иначе ребята его все равно возьмут к ногтю.

Голубев поднял с пола помятый огнетушитель без крышки, заглянул внутрь. Омерзительный запах перекисшего самодельного пива ударил в нос, перехватил дыхание. Он крепко зажмурился и громко чихнул.

Колька рассмеялся дребезжащим смехом, простонал со вздохом:

— Что, начальник, пробирает до мозга костей?

— Как же вы это пили?— потерянно спросил Голубев.

— Вот так и мучились...

— Но ведь у вас на днях был Саблин, разговаривал с вами и хотел узнать, кто варит пиво. Почему же вы молчали?

Колька зло изогнул бровь, спросил вкрадчиво:

— А кто же так, с бухты-барахты скажет?

Покачивая головой, пояснил:

— Ребята все тертые. В одиночку против Сашки кому же охота идти и смерть на себя накликают? У Сашки все были на крючке, и все ему были должны. Ведь, кроме пива, он еще и картишками промышлял. Скажи Саблину, а вдруг не поверит сразу. Как тогда быть? Доказывать бесполезно: он ведь нашему брату не верит.

— Ну ладно. Сейчас пришло к вам медика. Пусть он вас подлечит.

— А что нам будет, начальник, за этот сабантуй?

— Сашку уберем из поселка сегодня же, а вас, как только оживете, будем судить всех товарищеским судом.

— Понятно.

— Ты, Николай, передай ребятам, что я рекомендую к этому времени навести в помещении полный порядок и отремонтировать окна и двери за свой счет. Людей и денег на это у нас нет.

Глава XV

Ночные заморозки сковывали тонким льдом стоячую воду мелких болот, сушили землю. Днем на солнце лед таял только к середине дня, а в тени сохранялся до вечера.

Используя заморозки, Матвеев организовал перевозку бензина с аэродрома в Снежный. Две лошади, запряженные в старые сани, с частыми остановками за ночь дотянули до поселка полную бочку бензина, и движок, простоявший все лето без дела, ожил. Теперь до глубокой ночи Снежный светился яркими огнями электрических ламп. Больше всех радовался Саблин.

— Начнем работать по-настоящему,— заявил он.

И с этого дня все вечера просиживал в геологическом отделе, подготавливая материалы к девятимесячному отчету. Там ему никто не мешал, кроме тараканов, которые в последнее время появились во всех домах в огромном количестве. Все попытки уничтожить их были напрасны. Жители Снежного поливали щели в полу крутым кипятком, чихая и кашляя, засыпали их дустом, но истребить тараканов не могли. Проходила неделя, другая, и снова неизвестно откуда появлялись целые полчища надоедливых рыжих насекомых.

— Не могу их видеть,— жаловался Саблин,— с детства не терплю эту мразь. По мне лучше, чтобы рядом сидел дикий волк или медведь, чем этот усатый паразит.

Брезгливо морщась, он продолжал:

— Какая-то мерзкая дрожь охватывает меня, когда я вижу тараканов или слышу, как они шуршат где-нибудь в темном углу. Бить их тоже не могу. Это вызывает у меня рвоту.

Голубев смеялся, слушая эти жалобы, с удивлением видя, как растерянно и беспомощно озирается Саблин, услышав подозрительный шорох.

Сочувствуя инженеру, он вызвал Матвеева и попросил совета:— Как уничтожить тараканов?

Но даже всезнающий завхоз не мог придумать ничего дельного.

— Вся надежда на мороз,— глубокомысленно заявил он

после долгого раздумья,— иначе их ничем не возьмешь. Вот как ударит настоящий мороз, мы по всему поселку объявим, чтобы люди оставили с утра не топленные дома и открыли настежь двери. Но надо, чтобы враз во всех домах.

Этим авторитетным заявлением муки Саблина продлились на неопределенный срок. Однажды, проходя поздним вечером мимо конторы, Голубев увидел через широко открытую дверь Саблина, который ожесточенно выметал веником на улицу тараканов, приговаривая:— Кыш, проклятые! Кыш отсюда!

Странно было видеть, как страдальчески кривится мужественное, бородатое лицо инженера, как по-детски жалко трясутся толстые губы.

Чтобы успокоить и немного развеселить Саблина, Голубев решил зайти на минутку. Он посидел в жарко натопленном помещении, глядя, как летает в руке Саблина карандаш и сеет по листу ватмана дымчатые тени, спросил:— Успеем к сроку, Леонид Михайлович?

— Должны успеть, Владимир Андреич. Осталось раскрасить вот эту карту и переписать начисто текст отчета.

— Может, прислать кого-нибудь на помощь?

— Не надо. Пусть ребята отдыхают. Вот к годовому отчету засадим за работу всех, а сейчас я и один справлюсь. Скажи только мотористу, чтобы погонял движок часов до двух, и все будет в порядке.

— Ну ладно. Будем надеяться, что тараканы тебя не съедят. Пойду отдыхать.

Голубев встал, застегнул фуфайку.

— Леонид Михайлыч,— уже на пороге вспомнил он.— Забыл тебе сразу сказать: жена Хватова, Лариса Михайловна, просила передать тебе привет.

Низко нагнув к столу лицо и пряча влажно заблестевшие глаза, Саблин буркнул:

— Благодарю.

Голубев ушел, думая, что сделал приятное товарищу, а Саблин в полном смятении глядел на свою геологическую карту и не видел на ней ничего.

«Вспомнила. Через два года вспомнила... Нет, узнала, как мне плохо и пожалела». Эта мысль обожгла его. «Пожалела? Докатился!»— Он вскочил и, прихрамывая больше обычного, заходил по скрипучим половицам.— «Пожалела, утешила!.. К черту! К черту жалость! Я не инвалид! Я жив и добьюсь цели!» Он стукнул кулаком по подоконнику и увидел себя в темном стекле, взъерошенного, с горящими глазами. «Хорош!»

И вдруг мысль его круто изменила течение. «Эгоист! Опять

думаю о себе! А может, это ей плохо, может, ей нужна твоя помощь, может, этот привет — крик о помощи? Лететь к ней. Бросить все. Помочь. Как помочь? В чем? «Услышь меня, хорошая, услышь меня, красивая!» — это строчка из песни, которую так любила Лариса, внезапно и некстати возникла в памяти. «Привет от жены Хватова, Ларисы Михайловны». Ларочка, любимая, гордая Лариска, Лариса-недотрога, гордость, надежда института, будущая аспирантка и — «жена»?! Жена Хватова?.. Хватова. Саблин застонал, стиснув зубы и, трясая головой, — до него только сейчас дошел полностью ужасный смысл этих двух коротких слов — «жена Хватова». В черном стекле, окаймленном изморозью, он видел теперь не себя, — лицо Ларисы с гневно суженными глазами чудилось ему, ее слова, четкие, холодные, убийственные: «Мне адвокатов и покровителей не надо! Я — самостоятельный человек, Леонид. Запомни. Разве я поручала тебе ходить к директору? «Оставьте Красову в аспирантуре!» Оставайся на здоровье! Может быть, ты скажешь, что любишь меня? Я не хочу тебя видеть, после этого, не хочу!» Хотел удержать подле себя до окончания института, уберечь от трудностей. Подумаешь, покровитель! Забыл разве, что любимое изречение твое было всегда у нее на устах: «Не люблю компромиссов!»

Он вдруг отчетливо понял, как много связывало его с Ларисой. Не только институтские аудитории, учебники, прочитанные вместе томики стихов, спетые песни и мечты о таежных партиях, — они с Ларисой были похожи друг на друга прямою и резкостью суждений, поступков, они одинаково смотрели на жизнь!

«Никаких компромиссов!» Какое же ты право имел решать за другого, даже за самого близкого и дорогого тебе человека! Потерял. Потерял навсегда! Навсегда... Без компромиссов, — он горько усмехнулся.

Неужели она любит Хватова? А казалось... Что там казалось? Ты боялся решительного разговора... Нет! Хватов — компромисс... Не может она любить такого!.. А тебя — может?.. А может быть, она — уже не та Лариса, которую я знал! Захотелось под крыло? Смирилась? Жизнь сломила?.. Он отбросил хрустнувший в пальцах карандаш.

«Не верю! Не верю! Ей худо, и я обязан помочь. «Как в тот раз?» — мелькнула издевательская мысль и тут же пропала. — А может, не забыла, держит в сердце?»

Саблин не сомкнул глаз, мучаясь сомнениями и предположениями.

Не знал он, что в тот далекий теперь июньский вечер Ла-

риса, мучительно переживая ссору, ждала его в своей комнате в общежитии. Ждала до последней минуты, уже получив назначение на постоянную работу, и даже плакала. Плакала впервые. Но он не пришел: он не мог и думать, что она ждет.

На свои отчаянные письма он не получил ответа. С огромными трудностями он добился направления на преддипломную практику в ту экспедицию, куда уехала Лариса. Но встретиться осенью в экспедиции не удалось. Отрезанная непогодой поисковая партия, в которой работала Лариса, задерживалась на неопределенный срок, и Саблин был вынужден покинуть экспедицию, чтобы успеть в институт к началу занятий.

Пассажирский поезд уносил Саблина, а в отряде, которым командовала Лариса, провожали в трудный путь за продуктами двух молодых ребят.

— Самое главное — перевал, — в десятый раз объясняла Лариса. — Вы подойдете к нему завтра. Если начнется снегопад, возвращайтесь немедленно и берегите лошадь. В крайнем случае мы ее застрелим и продержимся на конине, пока не прилетит самолет с продуктами.

Никто никогда не узнает, почему они пошли через перевал в пургу. Может быть, не захотели возвращаться из-за боязни насмешек, а может быть, потому, что с утра погода была хорошая и буран застал их уже на подходе к вершине.

Лошадь с оборванным поводом вернулась в отряд утром третьего дня. Лариса сняла с работ людей, оставила только дежурного и, не теряя часа, начала поиски пропавших людей. Они тщательно обыскали перевал и спустились на базу партии, еще надеясь на то, что их товарищи, потеряв коня, благополучно добрались туда.

— В последние дни к нам никто не приходил, — сообщил Ларисе начальник партии.

Сраженная этой новостью, она закрыла почерневшее от ветра лицо руками и тихо застонала.

Вызванный радиogramмой, прилетел Хватов. Рядом с ним в тесной кабине самолета сидел следователь.

— Почему вы болтаетесь на базе партии? — обратился следователь к Ларисе после того, как их познакомили. — Вы должны быть там, на перевале, и искать своих подчиненных.

Он указал рукой на заснеженную вершину, из-за которой выплзала хвостатая черная туча. Ее дохматые, загнутые вниз отрывки тяжело волочились по гольцам, постепенно закрывая близкую линию горизонта.

— Я только что оттуда, — сдержанно объяснила Лариса. —

Поиски не прекращались четверо суток. В партии остановили все работы, но люди устали, и погода...

— Поиски не прекращать ни на минуту. Вы должны вернуться на перевал.

Глядя мимо следователя на стремительно приближающуюся тучу, Лариса сказала, четко выделяя каждое слово:

— Я вернусь при условии, что вы пойдете рядом со мной.

Сильный удар ветра обрушился на аэродром, вздыбил брезент, прикрывавший груз, сорвал с головы следователя шапку и понес ее по площадке. В следующую минуту по аэродрому со стоном заметалась пурга.

— А вы не из робкого десятка,— похвалил Хватов, заходя вслед за Ларисой в палатку.— Только не надо задираться. Сейчас ваша судьба в руках этого человека, а он исполняет свои обязанности. Это надо помнить.

— Мне теперь все равно: лишь бы скорее конец.

Но до конца было еще далеко: только спустя неделю после того, как сошел первый снег, в глубокой расщелине был найден один из пропавших. В правой руке его чернел обрывок ременного поводка от уздечки. Поиски второго продолжались до самой зимы и не дали никакого результата.

Следствие затягивалось, и Лариса, отстраненная от должности начальника отряда, измученная неопределенностью, пала духом.

Страшно положение человека, отвечающего за смерть товарищей. Он судит себя жестоким судом и бесчисленное число раз возвращается в мыслях к событиям, предшествующим их гибели, пытается найти свою ошибку. В это время для него дороже всего человек, которому можно открыть душу, поделиться своим горем и своими сомнениями. Таким человеком для Ларисы в эти трудные дни стал Хватов. С того часа, когда он прилетел для расследования несчастного случая, и до конца следствия он как мог успокаивал и подбадривал Ларису.

Как-то вечером, когда работники экспедиции разошлись по домам, Хватов, проверяя здание конторы, заметил за неплотно закрытой дверью геологического отдела свет.

Уронив голову на стол, там сидела Лариса. Заслышав шаги, она подняла голову. Заострившиеся черты лица, глубоко запавшие глаза, безвольно опущенные уголки губ говорили о бесконечном отчаянии.

— Дмитрий Харитоныч, может быть, мне самой лучше было пойти за продуктами через этот проклятый перевал?— спросила Лариса.

— Бросить голодных людей и уйти на базу? Помилуйте, Ла-

риса Михайловна? Одумайтесь. А если бы с ними что-нибудь случилось? Нет! Нет! Этот поступок рассматривался бы как дезертирство.

— Но ведь следователь сказал, что это дело подсудное...

— Лариса Михайловна, Лариса,— Хватов ласково погладил ее руку, лежащую на столе,— дело будет подсудным, если оно будет передано в суд. А пока я жив и команду экспедицией, этого не случится. Верьте мне! Не забывайте, что я вас... Боже мой! Да успокойтесь вы, наконец, не терзайте себя так страшно. Поверьте мне раз и навсегда! Я беру на себя все это дело и клянусь вам, что сделаю все возможное, чтобы оно кончилось хорошо. Лариса, вы же видите, как я к вам отношусь.

— Спасибо, Дмитрий Харитонович, я никогда этого не забуду.

Долго и, как всегда, обстоятельно Хватов рассказывал в тот вечер Ларисе о подобных случаях и, щадя ее, заканчивал все эти истории благополучно. Мирно рокочущий голос Хватова отвлекал Ларису от ее горьких мыслей, успокаивал, вселял надежду.

Хватов проводил ее до квартиры. А на следующий день Лариса уже сама искала встречи с ним, чтобы забыться и успокоиться. Так незаметно они сблизились, и после Нового года Лариса стала женой Хватова.

Ничего этого Саблин не знал до тех пор, пока не приехал в экспедицию на постоянную работу. Тем неожиданнее и тяжелее был для него этот удар. «Бросить все и уехать!— решил он. И тут же заколебался:— А Кара-Тайга? Но как вырвать из сердца Ларису, если она будет рядом? А все равно это надо сделать, здесь или в другом месте. Иначе сойдешь с ума. Надо забыть! Не видеть! Покончить с этим навсегда!»

Глава XVI

Небольшой мороз, державшийся в последние дни на Кара-Тайге, отступил сразу, как только подул западный ветер.

— Потянуло с гнилого угла,— ворчал недовольно Саблин, прислушиваясь к шуму тайги,— к утру принесет дождя на нашу голову.

Дождь начался ночью и к утру согнал почти весь снег. Только вершина Кара-Тайги не сбросила своей белой шапки. В густом тумане ее не было видно, но, когда затихал ветер, оттуда тянуло холодом.

Проверив работу дробилки на новом месте, Голубев спешил в поселок.

«На пяти ступах в смену дробят двадцать пять проб,— прикидывал он на ходу,— в три смены— минимум семьдесят; за месяц, при всех неполадках— две тысячи. Сейчас надо будет подготовить побольше дров и как следует укрепить палатку, чтобы ее не раздавило снегом. За два месяца должны издробить все скопившиеся пробы. Если не ослаблять темпов, то к годовому отчету анализы будут готовы и лягут на план. Теперь надо беспокоиться о своевременной доставке проб в лабораторию».

Задумавшись, он перестал следить за извилистой тропой и потерял ее сразу.

Сгоряча решил вернуться по своему следу, но быстро понял, что это бесполезная затея. Там, где только что был тонкий слой снега, блестящие мокрые камни, похожие друг на друга, как близнецы. Гонимый ветром туман сеял мелкий противный дождь. Где-то далеко внизу, под курумником, шумела бесчисленными ручейками вода. Этот однообразный шум глушил все посторонние звуки, мешал ориентироваться на слух.

«Ну, осталось еще заблудиться и звать на помощь,— усмехнулся про себя Голубев.— Представляю, как будет ехидно улыбаться Саблин, высказывая сожаление по этому поводу». Он остановился, вспоминая карту участка:

«Снежный расположен от месторождения на юго-запад, почти на запад. Когда я двигался по тропе, ветер дул прямо в лицо. Значит, надо идти на север».

Ругая себя за оплошность, Голубев пробирался между огромными глыбами курумника, часто оскользаясь и с трудом сохраняя равновесие на неустойчивых камнях.

Черные камни самой разнообразной формы громоздились перед ним со всех сторон, закрывая путь. Грубый брезентовый плащ, надетый поверх стезонки, намок от дождя и висел на плечах пудовым грузом. Вода, скатываясь по брюкам, проникла в сапоги. Мокрая портянка, сбившись в носок сапога, огнем жгла пальцы правой ноги. Голубев остановился переобуться.

— Тук-тук-тук,— глухо донеслось до него справа. Короткая пауза и опять:— тук-тук-тук.

«Кувалдой бьют по буру»,— догадался он и, не раздумывая, свернул на звук, боясь, что проходчик сейчас может прекратить бурение.

Цепляясь голыми руками за скользкую поверхность камней, он быстро миновал широкую гряду крупноглыбового курумника и, задыхаясь от напряжения, спрыгнул на землю.

Земля была покрыта толстым слоем сухой травы, которая путалась в ногах и мешала идти, но Голубев был доволен.

Перед ним лежала небольшая поляна. На противоположной стороне ее, закрытый туманом, угадывался лес. Почти в центре поляны глянцевиито блестел свежий породой отвал шурфа.

«Выбрался»,— облегченно вздохнул он и, припадая на правую ногу, неловко заковылял к шурфу.

«Шурф зарезан недавно,— решил он, прикинув на глаз объемом отвала,— глубина всего три-четыре метра».

Осторожно обходя отдельные каменные глыбы, беспорядочно разбросанные по всей поляне, он подошел вплотную к шурфу.

Под высокой, косо стоящей каменной плитой, заросшей в основании густым мхом, аккуратно сложенное, разместилось нехитрое снаряжение горняков: ватная фуфайка, кружки, котелок, чайник и две пары сухих брезентовых рукавиц.

«Вероятно, воротовщики оставили,— отметил Голубев, отодвигая рукавицы и прячась от ветра под плиту,— проходчик, наверное, послал их за бадей и за воротком».

Он растегнул плащ и снял сапоги. Влажный холодный воздух сразу остудил горячие натруженные ноги. С наслаждением шевеля голыми пальцами, Голубев прислонился спиной к камню.

«Передохну немного,— думал он, глядя, как ветер гонит по курумнику клочья тумана,— а потом тронусь дальше».

Раскуривая подмокшую папиросу, утомленно закрыл глаза.

— Тук-тук-тук,— неслось из-под земли, словно там сидел неутомимый дятел,— тук-тук-тук.

«Опытный проходчик работает,— рассуждал Голубев,— одно-ручное бурение — тяжелое дело, а он уже минут двадцать стучит без перерыва. Кто бы это мог быть?»

И словно в ответ на свой вопрос услышал из-за плиты незнакомый сильный голос:

— Здравствуй, Боженятов.

Стук сразу прекратился. В наступившей тишине было слышно только, как гудит ветер в вершинах деревьев по ту сторону поляны.

— Что же ты молчишь, сука?— продолжал тот же голос.— Или не узнал меня? Это я, Клянусь Жизнью! Я собственной персоной.

Голубев осторожно, боясь, что выдаст себя шорохом, выглянул из-за плиты.

Перед шурфом, спиной к Голубеву, на корточках сидел

Сашка Клянусь Жизнью, придерживая на самой бровке двухпудовый остроугольный обломок черного камня.

Тишина... Сашка, легонько покачиваясь на носках, неотрывно смотрел в шурф.

— Клянусь жизнью, я думал, что перед смертью ты мне скажешь кое-что,— продолжал он громче.

— Что тебе надо?— глухо донеслось из шурфа.

— Мне надо знать: кто тебя, паскуду, научил засыпать в пиво английскую соль? Голубев или Саблин?

— Никто не учил.

— Клянусь жизнью, я никогда не поверю, будто ты сам додумался, как меня заложить, продажная тварь. Я знаю, что это твоя работа. Но кто тебе подсказал? Говори. Может быть, я тебя помилую.

Голубев, подобравшись к краю плиты, сжался в комок и не сводил глаз с Сашкиной руки, лежащей на камне. Он чувствовал, как обильная испарина покрыла тело, как бешено стучит сердце, заполняя всю грудь и останавливая дыхание.

В голове неотступно билась одна мысль:

«От такой булги в шурфе не увернуться».

— Кончай, гад, что ты тынешь!— крикнул Боженьатов.

— Клянусь жизнью, Витенька, я успею. Твои помощники вернуться часа через два, а кроме них сюда никто не придет. Я уже два дня караулю тебя. Мне хотелось посмотреть, как ты будешь метать икру перед смертью. Сиди тихо, падла. Мне надо слышать, как хрустнет твой черепок. Клянусь жизнью, твой друг Саблин спешит тебя на несчастный случай. Я стараюсь, чтобы было похоже на обвал шурфа. А за смертельный несчастный случай загремят вверх тормашками и Саблин, и Голубев, и мне не надо будет марать о них свои руки.

Поднимаясь на ноги, Сашка на одно мгновение снял с камня руку, и в этот момент на него сзади прыгнул Голубев. Крепко обхватив одной рукой Сашкину шею, он повис на нем всем телом, стремясь повалить противника на себя. В глазах полузадушенного бандита потемнело, качнулась под ногами земля, и он упал на Голубева, тяжело придавив его спиной к земле. Лежа на спине и не видя своего врага, Сашка косил выпученными глазами, пытался повернуться лицом к земле. Голубев жарко дышал ему в затылок, изо всех сил прижимая к себе запрокинутую в небо голову Сашки. Опираясь на руки, Сашка внезапно выгнулся дугой и попытался вырваться, но тонкий слой дерна на краю шурфа треснул, и его ноги повисли в пустоте. На какую-то долю секунды тело Сашки ослабло, и Голубев успел поймать его горло второй рукой. Лихорадочно

шаря правой рукой у пояса, Сашка сжался, как тугая пружина. Звякнула сталь, и Голубев увидел в высоко поднятой Сашкиной руке короткую финку. Задыхался в смертельных объятиях Голубева, он сильно ударил ножом под себя.

Над устьем шурфа мелькнуло бледное лицо Боженятова. Тонкое блестящее лезвие финки поднялось еще раз и вдруг беззвучно упало на землю: страшный удар сапогом в живот оглушил Сашку. Он судорожно дернулся и обмяк.

Боженятов поднял нож, не глядя, сунул в голенище.

— Вылазь из-под этого дерьма, Владимир Андреич, и давай перекурим — подождем, пока он очухается.

Боженятов сбросил с Голубева Сашку, как мешок с трухой, протянул портсигар. Голубев долго не мог поймать прыгающими пальцами папиросу.

Потом, сидя на мокрой земле, жадно затынулся два раза и попытался встать, но не смог: острая боль в правом бедре пронизала его всего.

— А ведь он успел тебя пырнуть,— сказал Боженятов, озбоченно хмурясь.— Снимай штаны, не стесняйся.

В средней части бедра пузырилась кровью длинная неглубокая рана.

— Слава богу, что ты завалил его на спину,— заключил Боженятов,— а то бы он пришел тебя, Владимир Андреич.

Голубев промолчал.

— Ну вот и аптечка пригодилась,— бормотал сквозь зубы Боженятов, смазав рану йодом и ловко бинтуя широким бинтом.— Жгут накладывать не будем. Подними ногу вверх и малость полежи. Я тебя сейчас устрою за плитой — там сухо и ветра нет.

Он помог Голубеву натянуть брюки, подал свою сухую стезонку.

— Лежи и согревайся, а я свяжу этого идиота.

Не делая ни одного лишнего движения, он быстро и крепко связал Сашку одним концом веревки, перевернул его на спину, сказал презрительно:

— Молодец против овец...— задумчиво улыбнулся. И, присаживаясь возле Голубева, продолжал:— Ловко ты его взял, Владимир Андреич. Камень-то до сих пор на бровке лежит, а ведь стоило его чуть тронуть и... до свиданья, мама, не горюй.— Он посерьезнел и, глядя Голубеву в глаза, сказал просто:— Спасибо Владимир Андреич, век не забуду.

— Свои люди — сочтемся,— ответил Голубев и неожиданно рассмеялся.

— Ты что?— наклонился к нему Боженятов.

— Вспомнил медпункт и нашего доктора. Как тебе удалось открыть замки без ключа?

Боженятов смущенно усмехнулся:

— Эти замки— изделие знаменитой фирмы «Радость вора». Ключ— любой гвоздь с расплюснутым концом.

Ветер почти стих, и туман начал быстро подниматься, открывая голубое чистое небо. Коротко и резко пискнула в куруме сенокосилка, радуясь солнцу. Неподдалеку отозвалась другая.

Протянув руку, Боженятов тронул Сашку за плечо:

— Хватит придуриваться. Вижу, что ты уже оклемался.

Сашка застонал, открыл глаза. Они полыхали такой лютой ненавистью, что Голубеву стало не по себе.

— Как оказался здесь?— спросил он, глядя, как злобно раздуваются широкие вывернутые ноздри Сашки, как на висках наливаются черной кровью вены.— Мне известно, что из Кедровки тебя отправили два дня назад на...

— Не возвращаются с того света, начальничек,— хриплым лающим голосом перебил Сашка,— а я еще не покойник. Я еще приду, и не один. Придут воры, придут урки! Мы еще...— голос его сорвался на крик. В углах губ закипела пена. Голова судорожно задергалась, глаза закатились под лоб.

— Припадок,— констатировал Боженятов, глядя на бьющееся о землю тело.— Не беспокойся, Андреич, все они психи. Наше дело теперь сдать его участковому. Года на три он сядет, если не обнаружится за ним что-нибудь покрупнее.

— А что за ним может быть?

— Черт его знает. Недаром же он забрался туда, где Макар темят не пас. Я думаю, неспроста он взялся за кайлу и лопату на Кара-Тайге. Схорониться ему надо было. Вот он и выбрал место подальше от милиции.

— Так ведь здесь же рядом колония, охрана, и в случае чего...

— А кто его будет искать рядом с колонией. Его, может, ищут в городах. Тут расчет точный. Тем более, что работой-то он себя не утруждал. Тебе же говорили бичи, как он кантовался среди них.

— Я думал...

— Ты не думай, Владимир Андреич. Ты просто поверь мне. Я этот мир с детства знаю и нюхом чую этих гадов. Их немного осталось, но еще встречаются. Они-то и тянут молодежь за решетку. Вовремя я подстроил эту штуку с лекарством, и наше счастье, что бичи сами свергли Сашку с престола, а то сегодня

он бы убивал нас чужими руками. У них месть — закон. А на Михалыча он давно зубы точил.

На опушке леса пугливо вскрикнула кедровка, захлопала крыльями и уселась на вершину кедра, зорко оглядываясь во все стороны.

— Кто-то идет, Виктор Иваныч?

— Воротовщики мои возвращаются с грузом. Сейчас мы эту пададь поволокем в Снежный.

Глава XVII

Связанного Сашку заперли в баню, назначили сторожей. Арестованный вел себя тихо: лежал на полу, легонько постанывал, переворачиваясь с боку на бок. Он не ругался, никому не грозил. Ночь прошла спокойно. Рано утром Сашка попросил позвать к себе Голубева. Пряча затравленный взгляд за полуопущенными веками, покаянно хрипел: — Вели развязать, начальник. Клянусь жизнью, я не убегу. Сид нет. Отшиб мне Боженятов все потроха своим сапогом.

Голубев стоял возле окна, тяжело наваясь всем телом на здоровую ногу. Рядом сутулился Александр Дмитриевич Кадымаев, пугливо поглядывал на чугунно-серое лицо связанного.

— Сколько мне еще мучиться? — жалобно выли Сашка. — Руки затекли совсем. И было бы за что, клянусь жизнью. Неужели ты думаешь, начальник, что я и вправду мог убить Витьку? За это же — вышка!

Голубев неопределенно пожал плечами:

— К вечеру за тобой приедут. Больше ничего обещать не могу.

Сашкины глаза испуганно блеснули, и он заскулил, как пес:

— Убери мальчишку, я хочу с тобой один на один...

— Выйди, Александр Дмитрич.

Кадымаев вышел. Сашка подмигнул Голубеву, зашептал запекшимися губами: — Отпусти, начальник, я тебе озолочу. Клянусь жизнью, денег у меня хватит. Хоть десять тысяч? Сегодня отдам.

Голубев усмехнулся, шагнул к двери.

— Пятнадцать дам, начальник. Не веришь? Век свободы не видать, если обману. Ты за год столько не заработаешь.

Голубев с трудом переставил через высокий порог большую ногу, взялся рукой за дверь.

— Дай хоть закурить на прощанье, начальник. Тяжело без курева, клянусь жизнью.

Голубев вытащил из кармана пачку папирос, хотел вернуться, но его опередил Кадымаев:

— Дай я отнесу, Владимир Андреич.

Он быстро вернулся, плотно закрыл дверь, навесил замок и, отойдя в сторону, поманил пальцем Голубева.

— Страшно мне, начальник, караулить этого Сашку,— отводя в сторону глаза, признался он тихо.— Шибко плохой человек. Деньги мне сулил, если отпущу. Тебе тоже, однако, сулил?

— Было дело, Александр Дмитрич. Но это он зря старается. Мы не продаемся.

— Во, во — я ему так и сказал.

— Ты покарауль его еще часа два, Александр Дмитрич, а я постараюсь тебе прислать замену. В случае чего — стреляй вверх и беги в контору. А чтобы не страшно было, отойди подальше, но с двери глаз не спускай.

— Не спущу, начальник.

Кадымаев взял прислоненную к дереву старенькую берданку, сел на высокий пенёк подальше от бани, от страшного человека, которого заперли на замок, как зверя.

— Ступай в контору, начальник.

Возле конторы Голубева ожидал участковый — пожилой усталый лейтенант в шинели, забрызганной жидкой грязью. Он только что слез с коня и прохаживался, разминая ноги.

— Где ваш разбойник? — спросил он, пожимая Голубеву руку.— Давайте поторапливаться. Я хочу еще сегодня отправить его на карбасе в район.

— Вот и хорошо,— обрадовался Голубев.— А то у нас и людей-то нет, чтобы его стеречь.

— Знаю. И все-таки попрошу в помощь кого-нибудь, чтобы в дороге не было никаких неприятностей. Готовь, товарищ Голубев, пару лошадей и сопровождающего. Арестованному мы развяжем ноги, посадим его верхом и через пару часов будем в Кедровке.

— Согласен.

Отправив Сашку, Голубев зашел в медпункт. Фельдшер осторожно снял заскорузлую от крови повязку, внимательно осмотрел рану.

— Затягивается, Владимир Андреич,— успокоил он Голубева.— Ничего опасного нет, но надо полежать спокойно денек-два.

— Придется полежать,— согласился Голубев.— Тем более, что все неприятности уже позади.

Но полежать не пришлось.

К обеду Саблин закончил девятимесячный отчет и позвал Голубева в геологический отдел:

— Читай, Владимир Андреич, и думай, как отправить отчет в экспедицию. Сегодня истекает срок. Если опоздаем, шуму будет много. Ты прочти и сразу отправляй, а я подамся на выработки. Соскучился по настоящему делу.

Голубев не успел открыть рот, а Саблин уже исчез.

«До чего ловок и быстр, чертяка,— весело подумал Голубев,— секунды лишней нигде не потеряет».

Он внимательно прочитал короткий текст отчета, полюбился мастерски сделанными чертежами и задумался: «Кого послать в экспедицию с пакетом?»

Нужен был надежный, знающий человек, могущий при случае дать объяснение по любому вопросу.

Перебирая в памяти фамилии геологов, вспомнил:

«Сегодня на базе остался Картошин».

С Картошиным они договорились быстро, и через пять минут тот уже собирался в дорогу. Голубев написал записку конюху, чтобы Картошину дали Видка и уже хотел исполнить совет фельдшера, но за перегородкой в конторе послышался шум многих голосов. Кто-то визгливо кричал:

— Начальника нам надо! Начальника!

«Пожар там, что ли?» — мелькнула мысль, и Голубев поспешил в контору.

Тесное помещение было заполнено дробильницами проб. Они говорили и кричали все сразу, и понять что-нибудь было невозможно. Бухгалтер, загнанный в угол, пытался утихомирить взволнованных женщин и бубнил что-то невнятное, а нормировщик заткнул уши пальцами и склонился над столом, страдальчески закрыв глаза.

Проскользнув за широкой спиной Цыпочки, Голубев сел за свой стол.

— Тихо, граждане! — надрывно крикнул бухгалтер, увидев начальника. — Владимир Андреич вам все объяснит.

— А где он? — грозно загудела Цыпочка. — Ты что нас на бога берешь, старый хрыч?

— Я здесь товарищи, — вмешался Голубев. — Но если вы будете говорить хором, то я вам ничего не смогу ответить.

— Ответишь, куда денешься, — понизив голос и явно успокаиваясь, заявила Цыпочка. — Мы с ног сбились, пока нашли тебя, начальник. Давай капрон.

— Какой капрон? — растерялся Голубев, невольно прижимаясь всем телом к стене перед нависшей над столом тушей разъяренной Цыпочки.

— Капрон, который ты обещал нам в Кедровке, который вчера обещал в дробилке. Ведь привезли сегодня самолетом все по твоему заказу...

— Ну, и берите, пожалуйста,— стараясь сохранить спокойное выражение лица, сказал Голубев.— Носите на здоровье.

— Да что же нам брать, когда Дымочка одна забрала у Королевы все двадцать пар, а нам остался шиш с постным маслом.

— Это дело поправимое,— успокоился Голубев.— Говорите, сколько и чего вам нужно, и мы постараемся завезти завтра же эти товары в Кедровку.

— Ничего нам теперь не надо, кроме чулок. А с Дымочкой ты разберись, Владимир Андреич. Нам сейчас на смену идти и ждать ее некогда, а то мы бы сами с ней разобрались.

— Разберусь,— твердо пообещал Голубев, мысленно проклиная Дымочку и собираясь задать ей небывалую взбучку.

Но все получилось не так, как думал Голубев. Дымочка явилась в контору к концу дня и, не смущаясь, спросила:

— Когда будете расстреливать меня, товарищ начальник, за эти поганые чулки?

Нормировщик перестал крутить ручку арифмометра. Бухгалтер крикнул и, усмехаясь в усы, поправил очки. Голубев, подготовивший разгромную речь, неожиданно почувствовал, что злость проходит, что ругаться ему не хочется. А Дымочка уселась на табурет и, невинно поглядывая на конторских, затараторила:

— Успели мои подруженьки пожаловаться? Ну, что же. Я отпираться не буду: я купила все капроновые чулки...

— Зачем?— строго спросил Голубев.

— Это им «зачем». А мне в самый раз. Они же все некультурные и кризисные, а у меня нога красивая...— Дымочка встала и подняла юбку, показывая ноги.

Нормировщик завертел ручку арифмометра в обратную сторону, бухгалтер уронил очки, а Голубев упал на стол, задыхаясь от смеха.

— Ах, чтоб тебе пусто было!— с трудом преодолевая приступ смеха, проговорил он и вытер слезы.— Иди, ради всего святого, в дробилку. Ругаться не будем. На сегодня неприятностей хватит. Надо полегчить.

Не успела Дымочка спуститься с крыльца, как в контору вбежал Кадымаев.

— Товарищ начальник, беда...

— Что случилось, Александр Дмитрич?

— Кобыла Вьюга упала в канаву.

Людей в поселке было мало. Для спасения Вьюги пришлось

мобилизовать бухгалтера, нормировщика, фельдшера, кузнеца и моториста. Вьюгу вытащили только к вечеру. Возвращаясь в поселок, Голубев, как всегда, завернул на конный двор, чтобы осмотреть лошадей. Там было тихо и пусто. Конюх угнал лошадей на водопой. Голубев по-хозяйски осмотрел развешанные для просушки седла, уздечки, хомуты, поднял и положил на место упавший потник. С удовольствием вдыхая воздух, пахнущий крепким конским потом и дегтем, присел отдохнуть.

«Кажется, день кончился благополучно. Сегодня уже беспокоиться не о чем» — умиротворенно подумал он, доставая из кармана пачку папирос. В долинах уже наступила ночь, а здесь было еще светло. Близкая вершина Кара-Тайги серебрилась ранним снегом. Оттуда тянуло холодом. Поеживаясь, Голубев встал и направился в поселок.

От ручья слышался топот конских ног, звяканье подков о камни. Лошади шли с водопоя узкой крутой тропой, пофыркивая, тяжело вздыхая. Первым мимо Голубева прошел Видок. На последней без седла, охлюпкой, ехал конюх.

— Почему здесь Видок? — спросил Голубев. — На нем должен был уехать Картошин.

Конюх громко рассмеялся:

— Что вы говорите, Владимир Андреич? Картошин на Видке? Да он и к самой смиренной лошадежке не подходит.

И только сейчас Голубев вспомнил, что ему рассказывали о Картошине.

В первые дни по прибытии Картошина Саблин решил взять его в дальний маршрут. Когда к конторе подвели оседланных лошадей, появился Коля, разодетый в пух и прах: на нем была широкополая войлочная шляпа, цветастая, в крупную клетку, ковбойка, джинсы в обтяжку и тяжеленные геологические сапоги, какие настоящие геологи никогда не носят. Эту роскошную одежду замечательно дополняли новенькая полевая сумка на тонком ремне и геологический молоток с длинной ручкой. На плече стволами вверх — двустволка двенадцатого калибра. На широком поясе — патронташ, набитый патронами, нож с наборной рукояткой. Во рту Картошина дымилась трубка с гнутым чубуком.

Жители Снежного были потрясены таким великолепием. Кто-то не выдержал и заметил вполголоса:

— Вот это — да! Как в кино!

Картошин сиял, как новенькая игрушка с новогодней елки. Ослепительно сверкали на солнце большие круглые очки, наборная рукоятка ножа, медные патроны и многочисленные никелированные пряжки на сапогах и сумке.

Он храбро подошел к лошади и нерешительно погладил косматую спутанную гриву. Лошадь, не избалованная такими знаками внимания, прижала уши и ощерила зубы. Коля не дрогнул. Он стоял спокойно, искоса поглядывая на Саблина.

Саблин, деловито посапывая, проверил подпруги, укоротил стременные ремни и, чуть коснувшись носком сапога стремени, оказался на коне. Какую ногу надо ставить в стремя, Коля заметить не успел.

К коню он подошел правильно — с левой стороны, а в стремя поставил правую ногу. Затем схватился двумя руками за заднюю луку, вскинулся рывком и уселся в седло... задом наперед. Еще не осознав, что произошло, он гордо огляделся вокруг. В следующее мгновение оскорбленный конь взметнулся на дыбы, и Картошин, как мешок, полетел в грязь.

В Снежном над этой историей смеялись и стар, и млад, а Картошин с тех пор перестал подходить к лошадям.

Еще продолжая улыбаться, Голубев тревожно подумал:

«И зачем я послал этого бедолагу? Успеет ли он пешком к последнему самолету?»

О Колиных приключениях он узнал на следующий день от Матвеева. Семен рассказывал, как всегда, со всеми подробностями:

— Как он шел, несчастный, не знаю, не ведаю, но, наверное, шибко торопился. Жалко, к самолету опоздал. А по одежде видать, что досталось ему в дороге крепко. Не иначе он ударился той прямушкой, где меня свинья тащила на веревке. Там есть такие места, что и черт ногу сломит. Ходить по этой тропке я врагу своему не пожелаю. В общем, Коля подбился капитально и проголодался, как волк. Пришел он на перевалку и попросил у Королевы Марго чего-нибудь перекусить. Ну, а Коровина Машка расцвела перед ним, как роза, и мне шепчет:

— Беги, милый Сенечка, к Дымочке, попроси у нее десяток яичек, огурчиков соленых, хлеба свежего и рысью ко мне домой. Она мне ни в чем не откажет — я ей все капроны отдала. Ну, а остальное я сама из склада возьму.

— Сегодня-то он улетел или нет? — нетерпеливо оборвал рассказ Голубев.

— Чего? — растерянно заморгал глазами Матвеев. — Улетел, сегодня улетел.

Он обиженно поджал губы и встал, показывая всем видом, что оскорблен беспредельно. Голубев пожалел его:

— Рассказывай дальше.

Семен моментально подсел к столу и, как будто ничего не случилось, продолжал свой рассказ:

— Командируюсь я к Дымочке и передаю ей Королевский приказ. Заметалась Дымочка по двору, как угорелая, но в хату меня почему-то не пустила. Собрала она все по Королевской просьбе, сунула мне в руки, а на заезжий навесила замок и отправилась на Кара-Тайгу. Через минуту прибыл я со всем припасом в Машкину хату. А там на столе уже стоят консервы всякие разные, колбаса трех сортов и прочие закуски. На середине стола — две пол-литры. Коля моется под рукойойником, а я, конечно, помогаю хозяйке изо всех своих сил и возможностей. Приглашает Королева Картошина и меня к столу. Ну, я — человек не гордый — отказаться не смею и пристраиваюсь поближе к яичнице. Наливает нам она по стакану (у нас ведь рюмками не пьют) и присаживается поближе к Коле. А он сидит, ну прямо, как ангел: лицо румяное, брови черные и чубчик светленький кучерявится. Машка-сатана глаза свои зеленые с него не сводит и заигрывает с ним, как кошка с мышкой.

Коля сначала пить отказался. Тогда Машка подает ему из своих Королевских рук. Глотнул он, горемыка, полстакана и закашлялся. Сразу видать, что пьет в первый раз. Пока я с яичницей расправлялся, он, голубчик, уже окосел. Сидит и дремлет самым натуральным образом. А Машка тем часом свою линию гнет и рассказывает ему о тягостях одинокой жизни. Он — человек вежливый — старается слушать, но усталость да водка свое дело делают: кивает он молча к месту и не к месту, а больше невпопад. Она ничего не замечает и начинает толковать про любовь. Коля молчит и опять же кивает, вроде поддакивает. И вдруг захрапел.

Осерчала Королева не на шутку, подняла накрашенную бровь, сверкнула зеленым глазом и шумит мне:

— Выметайся, чертов Мухомор, вместе с этим сопляком! И чтоб я вас сто лет не видела. Вот как повернулось: то — «милый Сенечка», а то — «чертов Мухомор». Ну, да ладно, наше дело бабье — сбобим все, как скажут мужики. Забрал я Колю и увел, а утром посадил в первый самолет, завьючил коней и отправился с грузом на Кара-Тайгу.

Не видя на лице Голубева даже тени улыбки, Семен вздохнул и жалобным голосом, нараспев, по-бабьи, добавил:

— А уж как переживал Картошин, что опоздал к самолету. За малым не плакал. Ты уж не ругай его, Андреич. Это еще не беда, что задержался на один день.

— Это для нас не беда, — поправил его Голубев, — а в экспедиции будет скандал. И только потому, что я не подумал, кого посылаю. Обязываю тебя в самый короткий срок обучить Кар-

тошина верховой езде и обращению с конем. Разбейся в лепешку, но чтобы Картошин через месяц мог ездить на любой лошади.

— Через месяц он у меня джигитовать будет, Владимир Андреич,— заверил Матвеев.— Пускай у тебя голова за него не болит. Поважнее дела есть, и над ними задуматься стоит: вчера по дороге в район из-под носа участкового сбежал Сашка Клянусь Жизнью. Как это тебе нравится?

— Не может быть! Связанному человеку с карбаса бежать невозможно.

— Если бы связанному... А вдруг что-нибудь с карбасом случится? Участковый-то не дурак — развязал его перед отпльтием. Ну, а карбас и зацепись на первом перекате. Сашка, не долго думая, бухнулся через борт вниз головой и поминай как звали. Говорят, участковый успел выстрелить пару раз ему вдогон, но Сашка нырнул, и больше его никто не видел. Реку обшарили еще вчера и ничего не нашли. И сегодня пошли облавой по тайге. Если он жив, то далеко не уйдет. В тайге человека соследить легче, чем зверя.

Мягко ступая, к столу приблизился радист, молча подал радиограмму.

— Иди, товарищ Матвеев, позови ко мне Саблина,— попросил Голубев, мельком взглянув на текст,— он мне очень нужен.

Саблин появился так быстро, будто стоял за дверью.

— Я к тебе с радостью, Владимир Андреич! — улыбаясь, закричал он с порога.— Смотри, какая руда вскрывается канавами.

Он положил перед Голубевым несколько образцов, тускло поблескивающих острыми гранями.

— Возьми, Михайлыч, ознакомься,— Голубев раздраженно бросил бланк радиограммы.

Медленно и с выражением Саблин прочитал вслух:

— «Партия сорвала выполнение плана всей экспедиции. Кроме того, отчет доставлен опозданием. Отмечаю вашу недисциплинированность. Строго накажите виновных. Копию приказа вышлите мне. Хватов».

Продолжая улыбаться, Саблин сказал спокойно:

— Это в его стиле, Владимир Андреич.

— Ты зря смеешься, Леонид Михайлыч,— задумчиво протянул Голубев, вспомнив папку, полную жалоб и карающих приказов, на столе Хватова.

— Не горюй, начальник. Это все пустяки. Пиши приказ на меня и забудь про это дело.

Весело поблескивая большими, чуть синеватыми белками глаз, Саблин неожиданно крепко обнял Голубева за плечи и пропел:

— Жила бы страна родная, была бы руда большая...

Голубев невольно улыбнулся:

— Я тебе иногда завидую, Михайлыч. Как ты легко переношишь все эти неприятности!

— Легко?— спросил Саблин, и веселый блеск его глаз погас.— Это со стороны кажется, что легко, Владимир Андреич. Ведь настоящий геолог за такой отчет расцеловал бы меня в обе щеки и в мои сахарные уста. А Хватова содержание не интересует. Ему лишь бы сроки были выдержаны. Да что об этом говорить! Объявите мне выговор, и делу конец.

— Нет, Леонид Михайлыч. За твою спину прятаться я не буду. Все делалось с моего согласия. Пусть наказывают меня.

Глава XVIII

— Почта! Почта пришла!— кричал Матвеев с коня, потрясая длинным баульным мешком, наполовину наполненным письмами и газетами.

Жители Снежного бросали большие и малые дела и спешили к конторе.

— Виктор Иваныч, а ты почему не идешь вместе со всеми?— спросил Голубев у Боженятова, видя как быстро пустеет столовая.

Боженятов отодвинул пустую железную миску, взял кружку чая и, уткнувшись в нее горбатым носом, сказал, не поднимая глаз:

— Мне еще пишут, Владимир Андреич, подождем до следующего раза.— И, меняя тему:— Нога-то болит?

— Побаливает немного, но ходить можно.

Коля Картошин принес домой целый ворох газет, разноцветных конвертов и открыток. Газеты и два письма Саблину и Голубеву он оставил на столе, а свою обширную корреспонденцию аккуратно разложил на топчане. Протирая очки носовым платком, он довольно прижмурился и сказал:

— Новостей со всех волостей, Владимир Андреич, хватит читать на весь вечер. Газетами займемся завтра. Все равно все материалы уже устарели, а картинки от нас не уйдут.

— Сколько раз в месяц привозят почту?— спросил Голубев.

— Когда как, но обычно не чаще трех раз.

— Нда,— с досадой крякнул Голубев,— действительно оста-

ется только картинки смотреть. Хорошо, хоть радио выручает, а то здесь можно и одичать.

— Раньше было хуже, Владимир Андреич. Спасибо Леониду Михайловичу, это он маленько расшевелил начальника экспедиции товарища Хватова. Тот, правда, обиделся, но намек понял.

— Какой намек?

— Видите ли, Владимир Андреич, в то время в газетах и журналах много писали про снежного человека. Снаряжались целые партии для поисков этого легендарного чудовища. Серьезные люди увлекались этим делом. Время от времени в печати сообщалось, что найдены следы на снегу. Печатались туманные фотографии этих следов и даже обрывков каких-то шкур. В общем, шуму было много. Однажды мы с Леонидом Михайлычем были в экспедиции на совещании, где присутствовали начальники всех партий и кое-кто из руководства нашего управления. Перед началом совещания товарищ Хватов обратился к Леониду Михайлычу с вопросом:— Ну, что нового, товарищ Саблин? Леонид Михайлыч ему и отвечает: «Свежих новостей я не знаю, потому что газеты мы получаем крайне редко, но есть слух, что поймали, наконец, снежного человека. Все участники совещания как набросились на Саблина: «Где? Кто? Когда?»

На полном серьезе Саблин, не моргнув глазом, говорит: «Снежный человек долго и упорно молчал, а вчера сказал, что он — вконец одичавший геолог нашей экспедиции».

Голубев не мог удержаться и рассмеялся:

— Ну и Хватов?

Товарищ Хватов побледнел от гнева, но кроме этого ничем себя не выдал. Посмеялся вместе со всеми, а потом вызвал к себе Леонида Михайлыча и сказал: «Товарищ Саблин, вы не патриот своей экспедиции». На это Леонид Михайлыч, не задумываясь, ответил: «Я патриот своей Кедровской партии».

С тех пор почту мы получаем более или менее регулярно.

Картошин вежливо помолчал, ожидая дальнейших вопросов, но видя, что Голубев надорвал конверт, потихоньку занялся своими письмами.

Не делая резких движений, чтобы не растревожить рану, Голубев придвинулся ближе к свету, развернул двойной тетрадный лист в клеточку. Кара-Тайга, курумы, шурфы, хлеб и большие лошади были моментально забыты, их заслонил простой тетрадный лист. Родной, знакомый с детства голос звучал в ушах, вытесняя из сознания все остальное:

«Здравствуй, сыночек! Вот уже скоро месяц, как ты ничего

не пишешь. Я сильно беспокоюсь за тебя. Не случилось ли с тобой чего-нибудь в этих окайненных горах? Как там тебя встретили, на новом месте? Как вас кормят и есть ли у вас крыша над головой? У меня все в порядке. Деньги по переводу от тебя получила. Ты за меня не беспокойся. Я здорова, чего и тебе желаю. Вот только тревожусь за тебя и все время думаю: как-то ты ходишь там по высоким горам. Наверное, новые сапоги уже разбил, а починить нигде. У нас в городе и то днем с огнем доброго сапожника сейчас не сыщешь, а там, в лесу, наверное, и никакого нету. Вова, ты, сынок, береги себя и в сапоги обязательно постели войлочные устилки, как я тебя учила, а носки шерстяные две пары я тебе скоро вышлю. Да не забывай надевать вязаный шарф, который я тебе дала на дорогу. Он теплый, и никакой мороз в нем не страшен. Я недавно смотрела в кино журнал про геологов и пожалела их, бедных, всем сердцем. Лазают они по снежным горам, а одежда у них летняя и никудышная. И все потому, что, наверное, присмотреть за ними некому. Обросли они, как бездомные собаки, и не то что шапок, а даже фуражек у некоторых нету. Ходят все расхристанные, а на воротах ни у кого пуговиц нету. Так, какие-то веревочки болтаются на шее, а грудь вся голая. Если какая мать в том журнале своего сына увидела, то, наверное, слезами изошла. Ты, сынок, к этой дурацкой спецодежде пуговицы себе пришей крепкими нитками десятый номер, а лучше всего женись поскорее. Жена за всем досмотрит, и обошьет, и обстирает. Я твоему отцу, царство ему небесное, бывало, к каждой смене чистые шахтерки готовила. А ведь ты помнишь, каким он из шахты домой приходил? Сейчас у нас в спецовках по городу шахтеры не ходят. Одевают их только перед спуском в шахту. А на улице и не поймешь, кто шахтер, а кто директор. Жить люди стали хорошо. В магазинах все есть в достатке. Я, грешным делом, иногда думаю: мог бы и ты на шахте работать и жить, как все хорошие люди.

Ты, сынок, не обижайся — это я к слову. Знаю, что характер у тебя отцовский, упрямый и что ты свое дело не бросишь и от других не отстанешь. Только пиши мне почаще обо всем и приезжай в отпуск поскорее. А если у тебя есть товарищи, которым ехать некуда, забирай их с собой. Я вам каждый день буду борщ варить и икру из синеньких баклажан, которую ты любил, сделаю.

Будь здоров, сынок, и берегись от простуды.

Целую тебя крепко. Мама».

Чуть ниже чернело еще несколько строк:

«Улицу нашу, которая называлась Второй Проезд, теперь

назвали улицей имени Голубева в честь твоего дяди Гриши, который при немцах взорвал нашу шахту. А лампу шахтерскую медную, которую подарил тебе отец, когда ты был маленьким, я берегу. Я ее чищу, и она как новая».

В доме было тихо. Остывая, потрескивала железная печка, да изредка шелестели листки Колиных писем.

Голубев закрыл глаза и сидел не шевелясь.

Как кадры киноленты, поплыли одно за другим воспоминания.

Вот он совсем маленьким сидит вечером за столом вместе со взрослыми и, затаив дыхание, слушает, как они говорят о шахте. Звучные непонятные слова — метан, нижний горизонт, копер, забой — врезаются в память, беспокоят, просят объяснения. Он слышит их каждый день дома и на улице. Шахтеры повторяют их, говоря о работе, дети — подражая взрослым. Смысл этих слов познается постепенно. Он помнит, как среди дня в неурочное время тревожно загудел гудок, как со всего поселка к шахте бежали взрослые и дети. Там, в толпе, держась за материнскую руку, он понял, что означают эти слова.

Огромная толпа людей, оглушенная непрерывным ревом гудка, стояла молча и неподвижно.

К шахтному стволу подкатили большие автомашины, полные людей, одетых в чистые спецовки и новенькие шахтерские каски. Они быстро, как мячики, прыгали в клеть, держа в руках какие-то баллоны и брезентовые сумки.

— Горноспасатели, — прошелестело по толпе.

Бешено закрутились на копре огромные колеса, которые почему-то называли шкивами, и клеть провалилась в ствол. С этой минуты шкивы крутились почти без остановки. Клеть вынесла из шахты несколько носилок, закрытых простынями.

Страшным криком закричали женщины, и мальчик испуганно прижался к матери.

— Метан, проклятый газ, — сказал кто-то рядом.

— Взрыв на нижнем горизонте.

Мать подхватила его на руки и крепко прижала к себе, словно спасая от беды.

Он помнит ее безумные глаза и побелевшие губы, которые неслышно шептались одно и то же:

— Он жив! Он жив! Он жив!

Сливаясь в один мерцающий круг, крутились на копре шкивы. Шахта поглощала новые группы горноспасателей и выбрасывала на поверхность носилки, закрытые простынями.

Дядя Гриша — родной брат отца — разыскал их в толпе уже

под вечер. Он осторожно взял племянника, посадил к себе на плечи и сказал матери:

— Надейся, шахтерская жена, жди. Говорят, что часть выработок отрезана обвалом. Люди там живы. Слышно, как они стучат по трубам. Их уже начали откапывать.

Блестя огромными сухими глазами, мать, как заклинание, продолжала шептать:

— Он жив! Он жив! Он жив!

Дядя Гриша принес племянника домой, накормил и, уложив в постель, долго сидел рядом, рассказывал:

— Эту шахту я начинал еще при царе. Был я тогда молодой и сильный. Таскал уголек на санках, Пласты маломощные, в рост стать нельзя, вот мы на карачках и ползали. Подпоясешься, бывало, широким ремнем, а к нему цепь пристегиваешь. Эта цепь привязана к санкам. Ну и ползешь на четвереньках, тянешь санки с углем, а цепь тебя трет по ноге. И так изо дня в день. И взрывы были, и обвалы. Однако живой остался. Шахтеры — народ крепкий.

Он взял Вовкину руку, положил к себе на бедро:

— Чувствуешь, какую мозоль у твоего дядьки эта цепь набила. Двадцать пять лет с тех пор прошло, а она все не сходит.

Вовка пощупал твердую, как рог, мозоль, спросил:

— Дядя Гриша, а срезать ее нельзя?

— Нет, друг мой, срезать никак нельзя, разве что вместе с ногой отрубить да выбросить.

Дядя Гриша наклоняется ближе. Вовке хорошо видны зеленовато-синие точки угля, вросшего в кожу на лице старого шахтера, прокуренные вислые усы и добрые светлые глаза.

— Да,— продолжает дядя Гриша,— тридцать семь лет я работал под землей. Большие врачи не позволили. Сейчас на поверхности, в мастерских меня держат и в шахту не пускают.

Он хитро подмигивает племяннику, смеется и, отчаянно поблескивая глазами, говорит:

— Я их помаленьку обманываю, врачей-то. Два раза в месяц, когда дают получку, за час до смены знакомый стволосой спускает меня на нижний горизонт. Похожу я там, подышу властью угольком и вместе со сменой — на-гора. Будто я опять молодой и здоровый, будто отработал вместе со всеми упряжку и иду с ними в одном строю. Вот так-то, брат, шахта держит людей. А то, что сегодня случилось — это чья-то ошибка. Шахта ошибок не прощает. Но мы с тобой будем надеяться, что твой батька, а мой брат — живой и здоровый. Сидит он сейчас

где-нибудь в дальнем забое с друзьями-шахтерами и про тебя вспоминает. Ты его жди.

Три долгих дня мать ни на минуту не отходила от шахты. Три долгих дня ждал он отца.

Отец пришел поздно вечером, опираясь одной рукой на мать, другой на дядю Гришу, сказал негромко, устало:

— Ну вот я и дома, сынок.

А в шесть лет Голубев-младший вместе со своим закадычным другом Мишкой, пользуясь отсутствием родителей, натаскал из сарая крупных кусков угля и под широкой родительской кроватью устроил шахту. Уголь сложили у стены, куда кровать упиралась высокой спинкой.

— Это — забой,— пояснил Вовка другу.— Сейчас мы будем рубать уголек и грузить на санки, а потом я буду их тащить на цепи, как дядя Гриша.

Санки стояли рядом, тут же лежала настоящая цепь, снятая с собаки вместе с кожаным ошейником. Под кроватью, застеленной белым пикейным одеялом, спускающимся с обеих сторон почти до пола, было темно, почти как в шахте. Вовка зажег настоящую шахтерскую лампу, которой отец давно не пользовался, и внимательно осмотрел кровлю, постукивая по ней молотком. Железная сетка на кровати глухо зазвенела.

— Придется подкрепить, Миша,— солидно сказал Вовка,— кровля ненадежная — слышишь, как гудит.

Гладильная доска, подпертая двумя чурбаками, надежно закрепила «кровлю», и друзья начали «рубать уголек». Простой молоток и старый топор целый час крушили под кроватью уголь, наполняя дом страшным шумом. Угольная пыль толстым слоем покрыла всю комнату от пола до потолка.

Все было по-настоящему, так, как рассказывали отец и дядя Гриша: тускло светила сквозь угольную пыль в забое шахтерская лампа, подвешенная к кровле за медный крюк, жарко дышали сбросившие рубахи шахтеры, стеклянно поблескивал в свежих изломах антрацит. Они уже нагрузили доверху первые санки, и Вовка застегнул на себе собачий ошейник, изображающий ремень, когда неслышно открылась дверь и в комнату вошли родители с дядей Гришей.

— Пожар! — испуганно крикнула мать, увидев под кроватью огонь и почерневшие от угольной пыли стены.— Горим! Андрей, где Вовка?

— Я тут,— загробным голосом отозвался из-под кровати Вовка.— Вечно эти женщины панику поднимают.

— А ну вылазь ко мне сейчас же, сукин сын,— догадавшись, в чем дело, закричала мать.— Я тебе покажу панику!

Тяжело дыша, из-под торца кровати на четвереньках выполз черный, как негр, Вовка, волоча на цепи санки, полные угля. Мишка благоразумно решил отсидеться в забое.

— Вот я тебе сейчас...— бросилась мать к сыну.

— Тихо, родная,—сказал отец, поймав ее сильными руками, и рассмеялся так гулко, что звякнули стекла.— Остынь, пожалуйста, ничего страшного нет.

Он ласково, но настойчиво усадил ее на стул, предварительно смахнув с него рукой пыль, и подошел к Вовке.

— Ну, шахтер, как дела?— спросил он строго и улыбнулся глазами.

— Даем стране угля,— так же строго ответил Вовка.

— Даем, говоришь, угля,— захлебываясь от смеха, повторил дядя Гриша и поцеловал племянника в грязную щеку.— А что же ты цепь-то сбоку повесил? Разве я так тебе рассказывал? Цепь надо вешать вот так.

— Это я, дядя Гриша, к вам заторопился, а то бы я ее правильно прицепил.

— Я вот возьму сейчас эту цепь,— не выдержала мать,— да как помету вас всех подряд из хаты, и старых, и малых...

— Ладно, не шуми,— остановил ее отец.— В доме он играть больше не будет. А чтобы дело наше не забывал...

Отец поднял с кровати черное с обеих сторон одеяло, снял лампу и, передавая сыну, сказал торжественно:

— Дарю тебе настоящую шахтерскую лампу, с которой не расставался под землей долгие годы. Держи, сынок, пусть она тебе светит так же безотказно, как светила мне.

Вовка берет лампу и твердо решает быть шахтером.

Память переносит Голубева через несколько лет, и он видит себя пионером. С группой одноклассников он стоит вблизи новенькой буровой вышки, смотрит, как из глубин земли разведчики поднимают тяжелую мокрую трубу, полную угля.

— Интересное, ребята, дело — добывать из-под земли уголь,— говорит буровой мастер, пожилой усатый человек в спецовке, испачканной глинистым раствором.— А еще интереснее его искать. Он лежит в земле слоями, как начинка в слоеном пироге. Но не везде. Надо много учиться, чтобы не промахнуться и найти его. Большую радость людям дают те, кто ищет в земле уголь и всякие руды. Новые города растут вслед за ними и разве что какой-нибудь дурак не помянет их добрым словом и не скажет им спасибо.

Он еще долго рассказывает о тех местах, где работал, об угле, о золоте и разных рудах, и Вовка клянется себе, что будет искать в земле эти так хитро спрятанные богатства.

Война... Вокруг над родным городом пикирующие бомбардировщики, вдалеке рвутся бомбы. С матерью и с дядей Гришей он провожает отца. Сводный коммунистический шахтерский батальон уходит из города прямо на фронт. Отец в гимнастерке, защитных брюках и кирзовых сапогах обнимает мать и говорит:

— Уходите из города немедленно,— и обращается к сыну:— Ты теперь за старшего. Береги мать. С любой бедой иди к людям. Помни старую присказку: «Сам никуда не напрашивайся, а если прикажут, ни от чего не отказывайся».

Как будто вчера это было. Погиб отец на фронте, погиб дядя Гриша, взрывая свою любимую шахту, а мать живет одна, бережет шахтерскую лампу — подарок отца сыну.

Голубев тяжело вздохнул и, сдвинув на край стола газеты, начал писать ответ. Четыре страницы, заполненные мелким убористым почерком, расскажут матери о том, как хорошо ему живется на Кара-Тайге, какая здесь чудесная природа, какие хорошие люди работают в партии и как хорошо налажено снабжение. Мать узнает, что он бережется от простуды и по горам не ходит, а сидит целыми днями в конторе. По вечерам же он ежедневно смотрит кино и читает интересные книги. Пусть она ни о чем не беспокоится — здесь настоящий рай по сравнению с тем местом, где он работал раньше. И насчет опецовки, которую она видела в журнале, волноваться не стоит, потому что министерство своих геологов не забывает и приказ министра об улучшении одежды, изданный десять лет назад, со дня на день будет исполнен.

Он пишет на конверте адрес и, болезненно морщась от боли в бедре, ковыляет к своему топчану.

В спальном мешке холодно, Голубев закрывает наглухо клапан чехла и усиленно дышит, согреваясь. Он долго ворочается, укладывая поудобнее раненую ногу, и слышит, как шелестит бумагой Картошин, перебираясь поближе к лампе.

Перебирая в памяти события прошедшего дня, он останавливается на мысли о Картошине: «Не забыть предупредить... в ночь на понедельник ему надо посидеть в дробилке с третьей сменой, а послезавтра...»

Мысли путаются. Он засыпает.

Утром в комнате омерзительно пахнет керосиновой гарью. Непотушенная лампа задыхается, чахнет и коптит потолок. Рядом с ней, уронив голову на согнутые калачиком руки, спит одетый Саблин. Голубеву с топчана видно, как он чему-то улыбается во сне и сладко причмокивает толстыми красными губами.

Впереди самые неприятные минуты: надо осторожно вылезти из спального мешка и, не потревожив большую ногу, стать босиком на холодный пол, одеться и растопить печку. Но сегодня можно не спешить, и он позволяет себе полежать некоторое время в мешке. Затем, стараясь не шуметь, встает.

В углу поскрипывает топчан. Это встает Картошин. Возле головы Саблина Голубев видит цветную фотографию. Рядом лежит разорванный конверт и несколько густо исписанных листов бумаги. Он подходит ближе к столу. С фотографии ему улыбается девушка.

Тугие русые косы, уложенные высокой короной, слегка оттягивают голову назад, обнажая нежную шею. Тонкие брови удивленно приподняты к вискам, большие, темные, восточного типа глаза с длинными черными ресницами широко открыты, и в них горят искорки смеха. Нос задорно вздернут, а яркие, смелого рисунка губы полуоткрыты в улыбке.

«Вот это да!— ахнул про себя Голубев, разглядывая фотографию незнакомки.— Ай да Михайлыч! Какую красавицу приворожил, бородатый разбойник!»

Потушив лампу и неслышно переступая по ледяному полу босыми ногами, Голубев отошел к печке. Заготовленная с вечера береста загорелась сразу. Вспыхнули лучинки, и печка-барабанка весело загудела, наполняя комнату благодатным теплом.

Пока Голубев возился возле печки, около стола появился Картошин и, близоруко щурясь, нагнулся над фотографией.

Саблин открыл глаза, потянулся так, что хрустнули суставы, и, потирая онемевшие руки, сишлым со сна голосом сказал:

— Какой я сон видел, Владимир Андреич, если бы ты знал!

— Наверное, новое месторождение искал во сне?— деланно скучным тоном спросил Голубев и улыбнулся.

— Какое там к черту месторождение!— возмутился Саблин.— Я, понимаешь ли, видел...

Его рассеянный усталый взгляд остановился на фотографии, и он оборвал свой рассказ на полуслове.

— Может быть, тебе явился во сне начальник нашей достославной экспедиции товарищ Хватов с белыми крыльями за спиной и с пальмовой ветвью в руках?— настойчиво допытывался Голубев.

Саблин метнул в сторону Голубева из-под густых бровей настроженный взгляд и вдруг весело рассмеялся:

— Наконец-то до меня дошло, в каких грехах ты меня позреваешь. Только все это зря, Владимир Андреич. Тоже мне

ясновидец нашелся. К твоему сведению, я видел во сне друзей детства и...

— И красавиц-подруг,— добавил Голубев, невинно глядя на Саблина.

— Что ты сегодня пристал ко мне с самого утра, как колючий репей?— раздраженно спросил Саблин, вставая из-за стола и приглаживая растрепавшиеся во сне волосы.— Вот намну тебе бока, чтобы не насмеялся над главным инженером.

Он угрожающе нагнул голову и двинулся на Голубева, тесня его к стене. Голубев пытался сделать обманное движение, но Саблин ловко поймал его за пояс и, неожиданно легко повалив на топчан, прорычал:

— Проси пощады, начальник, и клянись мне, что никогда больше не будешь смеяться над главным инженером, а то зацекочу тебя своей бородой.

Охнув от сильной боли в бедре, Голубев с трудом выдавил:

— Твоя взяла, Михайлыч. Обещаю прекратить допрос, хотя чертовски интересно знать, что снится главным инженерам на заре осеннего дня после ночного дежурства в дробилке и получения письма с фотографиями прекрасных девушек.

— Владимир Андреич, письмо-то от родной сестры и на фотографии сестра.

— Не может быть!

— Почему?

— Не может быть у таких дикобразов, как ты, таких замечательных сестер.

— Читай на обороте.

Он повернул фотографию обратной стороной, и Голубев уже протянул руку, но его опередил Картошин. Поднеся фотографию почти вплотную к глазам, он прочитал вслух:

«Дорогому брату от забытой сестры с надеждой на скорую встречу. Галка».

— Ты что, Леонид Михайлыч? Собираешься в отпуск и никому ни звука? Почему не пишешь заявление?

— Да какой тут может быть отпуск, когда именно сейчас решается вопрос о нашей руде, когда мы только наладили обработку проб и со дня на день можно ждать получения анализов в большом количестве? У меня от нетерпения кипит все внутри, я могу скоропостижно умереть от разрыва сердца, а ты толкуешь об отпуске. Галка это знает и решила приехать ко мне на праздник в гости. Решение, конечно, глупое. Она думает, будто у меня только и дела, что принимать и провожать гостей. Сегодня же напишу, пусть сидит дома и готовит

уроки. Десятый класс — это не игрушка. И даже на дорогу не пошло ни копейки.

— Леонид Михайлыч,— робко вмешался Картошин, внимательно разглядывая фотографию,— зачем же так жестоко обижать сестру? Она спешит к вам. Она соскучилась по вас, а вы...

— Это что за адвокат?— изумленно вскинул брови Саблин, поворачиваясь к Картошину и впиваясь взглядом в его покрасневшее лицо.— Однако ты — добрый гусь, Коля! И насколько я понимаю, ты сильно соскучился по женскому обществу. Недаром, значит, говорят, что ты опасный сердцеед, что даже неприступная Королева Марго по тебе сохнет. Но тут ты, брат, ошибся. От моей сестры, кроме беспокойства и суматохи, ничего не дождешься.

— А я ничего и не жду,— попытался оправдаться Картошин, краснея еще больше,— я хотел, чтобы вам...

— Мне и так хорошо,— заверил Саблин.— А тебе, Коля, советую до отпуска выбросить из головы все мысли о девушках. Дай-ка мне фотографию. Я ее спрячу подальше. Ты должен сейчас думать только о качестве работ.

— Я стараюсь, Леонид Михайлович.

— Плохо стараешься: наши славные дробильщицы, которых начальник нантербовал с помощью Мухомора в Кедровке, обманывают нас на каждом шагу. И за ними надо смотреть в оба глаза.

— Конкретнее, Леонид Михайлович,— попросил Голубев.

— Сегодня ночью во время дежурства я заметил, что Дымочка прячет наиболее крепкие куски руды из проб, а потом выносит их из дробилки и бросает в курум. Эти крепкие куски, как правило,— лучшая руда.

— Не может быть,— заволновался Голубев.— Это же преступление!

— До нее это не доходит, Владимир Андреич. Я ее начал стыдить, а она кричит:— «Хорошо вам, начальникам, пальчиком тыкать. Вы бы сами попробовали, как камень в муку толочь. Небось, из каждой пробы половину камней повыбрасывали бы. А тут какой-то десяток паршивых камешков выкинула и сразу шум до потолка».

— Ну, а ты?

— Ну, я сел и издробил со зла две пробы.

— Подал пример?

— Вроде того. Это же в сто раз легче, чем убеждать и объяснять. Да и зло надо было как-то выплеснуть. Не убивать же мне эту проклятую Дымочку.

— Понятно...

Голубев, досадливо морщась, сказал:

— А не кажется тебе, Леонид Михайлович, что в таких случаях мы с тобой действуем одинаково неправильно? Я вот до сих пор не чувствую, что я — начальник. Черт его знает почему, но иногда глянешь на себя со стороны и подумаешь: ну какой ты есть руководитель, когда того не знаешь, этого не умеешь, люди тебя не слушаются. И кажется, что ты просто самозванец какой-то. У тебя так не бывает?

— У меня хуже бывает, Владимир Андреич...

— Как?

— Мне частенько хочется плюнуть на все и написать рапорт с просьбой о переводе меня в рядовые геологи. Это ж милое дело: выполняй свое задание — и баста, и ни о чем голова у тебя не болит, ни за кого ты не отвечаешь и можешь спать со спокойной совестью.

— Что же тебя удерживает?

— Удерживает меня то, что это — скользкая мысль, что, следуя по этому пути, можно оказаться среди тех, для кого основным принципом является «моя хата с краю».

Саблин облизнул внезапно пересохшие губы, тихо спросил:

— Ребята, вы не думаете, что перед вами штатный пропагандист? — Встретив понимающий взгляд Голубева, он успокоился, повернулся к Картошину. Коля смотрел на него с детским обожанием.

— Вы хорошо сказали, Леонид Михайлыч, — подтвердил он и засмутился, — очень хорошо и правильно. Я вас понимаю.

— Ты понимаешь. Веда моя в том, что другие не понимают. Не научился я еще убеждать людей. Ты думаешь, Дымочка приняла близко к сердцу мои объяснения о вреде ее проступка? Она осталась уверенной, что я помешал ей выполнить и перевыполнить норму и побольше заработать.

— Ну... да, — огорчился Голубев, — наверное, Матвеев прав, что он все время косится на эту Дымочку и не верит ей ни в чем. Ведь если остальные дробильщицы последуют этому примеру, то все пробы пойдут в брак. А это значит, что весь труд сезона пропал даром и все деньги, затраченные на проходку горных выработок, на строительство поселка, на самолеты и прочее будут выброшены на ветер.

— За остальными, Владимир Андреич, я пока ничего не замечал, — вставил Саблин, — хотя ручаться ни за кого не могу. Кто может дать гарантию, что и Цыпочка и Золотая перевыполняют нормы выработки честно, а не за счет удаления из проб наиболее крепких кусков руды? Для того чтобы обме-

няться таким опытом, много времени не надо, а соблазн по-больше заработать велик.

— Хорошо, что досмотрел, Михайлыч,— похвалил Голубев.— Придется усилить контроль в дробилке и сегодня же рассказать всем нашим техникам о возможной подтасовке проб.

— Ты отдыхай, Владимир Андреич,— заторопился Саблин,— этим делом займусь я. Но что делать с Дымочкой — выгонять?

— По-доброму, за такие штучки не только выгонять, а судить надо. Беда в том, что у нас сейчас нет замены и нового человека надо учить несколько дней. Придется оставить, но следить строго.

— Об этом и я говорю,— подхватил Саблин, обращаясь к Картошину.— Не о девушках надо думать, Коля. Ты бери пример с меня: я о них не думаю и не вспоминаю.

Глава XIX

— Не люблю жить в городе,— жаловался Саблин, пытаюсь застегнуть верхнюю пуговицу накрахмаленной белой рубашки.— Придумали люди себе на горе эти воротнички, галстуки и прочую дребедень. И куда наряжаемся? Идем получать разгон, а одеваемся, как на свадьбу.

— Не ворчи, Михайлыч,— попытался успокоить его Голубев.— Не явиться же нам перед светлые очи начальства в своих спецовках! Это будет просто неприлично. Выбирай галстук покрасивее и давай двигаться, а то опоздаем на балансовую, и тогда упреков не оберешься.

Молча прошли они почти через весь поселок. Возле ворот базы экспедиции Саблин остановил Голубева, крепко сдвинул его плечо:

— Владимир Андреич, прошу тебя воздержаться от споров. Во всем случившемся виноват я один. Мне и отвечать за все. А ты лучше помалкивай и...

— В провале плана, который экспедиция не захотела изменить, есть и моя доля вины,— запротестовал Голубев,— надо же мне защищать нашу позицию.

— Не перебивай, пожалуйста, дай мне сказать...— Саблин смутился и просяще закончил:— Я не дипломат, но твоя защита только подольет масла в огонь. Обещай не вмешиваться, а то мы наломаем дров. Так мне будет спокойнее.

Голубев тяжело вздохнул, понимающе глянул на Саблина:

— Ты что, Михайлыч, решил изображать кающегося грешника?

Саблин покраснел, как провинившийся школьник, низко опустил голову:

— Попробую. Не знаю, насколько меня хватит, но попробую. Может быть, удастся убедить комиссию, что в принципе мы правы.

Члены балансовой комиссии расположились за столом, начальник экспедиции занял свое место, а Голубев, главный бухгалтер и Саблин по-сиротски пристроились на стульях возле голой холодной стены, сложив на колени нужные бумаги.

Отделенные от членов комиссии простором огромного кабинета, они чувствовали себя как подсудимые. После доклада Голубева о состоянии дел в партии выступил Хватов:

— Товарищи члены балансовой комиссии, начальник Кедровской партии сейчас доложил о результатах работы за третий квартал. Он рассказал нам, как при его участии был сорван план проходки шурфов, как партия провалила выполнение плана в денежном выражении. Начальник отвечает за состояние всех дел, но, учитывая, что товарищ Голубев в Кедровскую партию назначен недавно, что главным организатором работ был ныне главный инженер товарищ Саблин, предлагаю заслушать его. Расскажите нам, Леонид Михайлович, как вы осмелились самовольно изменить государственный план? Как...— накаленный гневом голос Хватова зазвенел, буд-то сильно натянутая струна,— как легкомысленно, по-мальчишески отнеслись к порученному делу!

«Взвизгивает себя и остальных,— отметил Голубев.— Хочет разозлить Саблина и толкнуть его на какую-нибудь выходку».

Хватов понизил голос.

— Десять минут вам хватит, товарищ Саблин?

Саблин молчал. Члены комиссии недоуменно переглядывались между собой. Кто-то неуверенно хихикнул. Саблин молчал. В кабинете слыла нехорошая, тревожная тишина. На окраине поселка, приглушенный расстоянием, ревел двигатель самолета. В ответ ему чуть слышно позванивали стекла окон.

Высветленными яростью глазами Хватов впился в лицо Саблина, спросил деланно спокойно:

— Ты смеешься над нами, Леонид Михайлович?

Краешком глаза Голубев увидел, как побледнело лицо Саблина, подумал: «Не выдержит Михайлыч».

Саблин встал и, глядя через голову Хватова в окно, туда, откуда доносился рев мотора, негромко сказал:

— Плачу. Неужели вы не видите?

Глаза Саблина сухо блеснули. Голос дрогнул. Он вздохнул и, успокаиваясь, продолжал:

— Не смеюсь, а плачу. Плачу не потому, что вы меня не понимаете, а потому, что не хотите понять. Если бы завтра пришлось повторить все с самого начала, я бы повторил. Повторил бы потому, что это единственно верный путь. Да, я виноват! Виноват в том, что гораздо дешевле и надежнее разведать часть месторождения, чем это предусматривал план работ. Конечно, это звучит парадоксально и, будь вы на моем месте, вы бы все посмеялись над тем, кто осудит это доброе дело. Но в результате моей нерасторопности, халатного отношения к интересам работников экспедиции и незнания всех тонкостей бумагомарательских операций вы теперь лишены квартальной премии. Вот этого вы мне простить не можете. Это понятно. Но вот что странно, что мне никак не понятно: почему в нашей системе люди премируются только за выполнение объемов работ, а не за выполнение геологического задания? Я подчеркиваю: за выполнение геологического задания?

— Ближе к делу, Саблин,— перебил Хватов,— и поменьше рассуждений. Завтра на хозяйственном активе вы можете выступить с критикой системы премирования и изложить свою туманную теорию.

— Я уже признал свою вину, товарищи, а мне дано десять минут. Разрешите сказать вам, что я не специалист по экономическим вопросам и у меня нет никакого опыта в планировании. Но я понимаю, что дорого и что дешево. И я знаю, что в результате проходки пятнадцати метров шурфа возьму только одну пробу, а при том же объеме работ в канаве возьму минимум десять проб. Так что же выгоднее: перелопачивать лишние кубометры породы с сомнительной надеждой в той части месторождения, где много наносов, или, используя летний сезон, в десять раз надежнее прослеживать руду там, где мы за нее уже зацепились? Мы же не землеройная контора! Мы — разведчики! Попробуйте назвать землекопом нашего Снегирева. Он плюнет и бросит работу. Все вы понимаете, что шурф на нашем месторождении — это укол булавкой, а канава — длинная ножевая рана. Так позвольте мне...

— Довольно, Саблин! — грубо оборвал Хватов. — Садитесь! Демагогические разглагольствования Саблина неудивительны, товарищи. В нашей стране установлен именно такой порядок планирования и поощрения за выполненные работы, какой применяется в нашей экспедиции. Менять его нам не дано. Саблин городит всю эту чепуху для оправдания себя и своих приспешников. Ему ли критиковать существующую систему поощрения, если он сам является самым недисциплинированным работником в экспедиции, если он не признает никаких

авторитетов, если он ни с кем не может сработаться. Он не сработался с Мищенко, он не сработался и с Голубевым. Я не совру вам, когда сообщу, что не проходит месяца, чтобы Саблину не был объявлен выговор или строгий выговор. Я деловой человек и привык разговаривать конкретно: выполнил задание — хорошо, не выполнил — плохо. Основываясь на этом, я предлагаю поставить перед управлением вопрос о...

— Не деловой ты человек, а деляга,— неожиданно для всех крикнул Голубев.— Разве наша задача заключается только в выполнении объемов? Основное — геологические результаты. А они есть. И только потому, что вместо шурфов пройдены каналы, основная часть месторождения достоверно разведана в короткий срок. Так какого же черта ты передергиваешь? Ты хочешь добиться своей властью неудовлетворительной оценки работы партии и убрать Саблина? Такую оценку ты лично можешь сделать. Но членов балансовой комиссии убедить в этом помешаем мы. Почему ты не даешь им слова? Ты боишься, что они скажут то, что тебе неуютно, а те, кто посмелее, напишут свое особое мнение. И тогда, Хватов, я тебе не позавижду.

Как бритвой, полоснул Голубев взглядом по лицам сидящих за столом людей и, обращаясь к секретарю, подытожил:

— Прошу считать это моим заключительным выступлением. Если разрешит товарищ Хватов, запишите его полностью.

Голубев сел, не сводя глаз с лица Хватова. Обычно бледное, сейчас оно горело пятнистым румянцем, будто Голубев влепил в него пару пощечин. Хватов тяжело опустился в кресло, нервно ломая спички, закурил и утомленно закрыл глаза. Отечные мешки под глазами набрякли и почернели. Почти не двигая губами, сказал чужим мертвым голосом:

— О вашем поведении, о срыве балансовой комиссии поговорим завтра на активе. Все свободны.

Выходили молча. В коридоре Саблин крепко обнял Голубева за плечи, щекоча бородой шею, шепнул:

— Здорово, Андреич, ты расхотелся. Я уже испугался за тебя: думал, тебя удар хватит.

Голубев вздохнул:

— Сорвался. Теперь нам назад хода нет. Готовься к активу. Завтра Хватов даст нам с тобой прикурить. Думай, Михайлыч, как будешь выступать. Раз уж не получился из тебя кающийся грешник — отступать нельзя.

Саблин нахмурился и, отведя в сторону взгляд, пожаловался:

— Дурацкая у меня привычка: спорить и отстаивать правду. Ведь можно было все спустить на тормозах. А теперь

попробуй думать, когда Хватов вышиб из головы все добрые мысли. После такого веселого разговора надо три дня придти в себя.

Голубев поймал ускользающий взгляд Саблина и невольно отшатнулся. Такая тоска и растерянность стояли в обычно веселых глазах инженера, что у Голубева сжалось сердце.

— За что он так на меня, Владимир Андреич?

— Не раскисай, Михайлыч, держись! Ну не выгонит же он нас совсем из экспедиции. Самое большое — понизит в должности.

— Ты думаешь?

— Уверен. Кара-Тайгу мы все равно разведем до конца.

— А я уж хотел «по собственному желанию...»

— Забудь про это желание. Тебя же люди в партии уважают. Неужели ты их бросишь?

— Ты серьезно, Владимир Андреич?

— Как никогда. Иди в кино, погуляй и постарайся успокоиться, а я сейчас мотнусь на склады, посмотрю, что там новенького подвезли за последнее время.

Недоверчиво покачивая головой, Саблин вышел из конторы, пересек поселок и через аэродром направился в лес. Здесь было пусто и тихо. Только опавшие листья, покрывшие землю, мягко шуршали под ногами. Саблин шел, бездумно разглядывая голые вершины берез, на которых уныло торчали пустые птичьи гнезда.

Тропа незаметно спустилась в низину, завиляла по кочковатому болоту, ныряя местами в ржавую воду. Где-то неподалеку в центре низины напевно звенел ручеек. На другой стороне низины на пригорке голубел в предвечернем рассеянном свете дымчато-сизый густой осинник. Оттуда тянуло щемяще нежным запахом увядающих листьев. На секунду Саблину показалось, что там, на горке, подсвеченный снизу заходящим солнцем, синий воздух вдруг польхнул огнем.

«Красота-то какая!» — восхищенно подумал Саблин, спеша перебраться через болото.

Пытаясь сохранить равновесие, он прыгал с кочки на кочку, но, сорвавшись два раза подряд, промочил ноги и повернул назад.

«Надо было обуться в сапоги», — запоздало пожалел он, глядя, как из фигурных дырочек туфель брызжет по сторонам вода.

Саблин горько улыбнулся: — «Принял освежающую ванну для успокоения, но легче от этого не стало. И чего я мечусь, как подстреленный зверь, по лесу?» Он свернул с тропы и

направился к упавшей березе. Присев на ствол дерева, Саблин смотрел на горящее багрянцем заката небо, слышал бесконечную песню ручья. Вершины осин на пригорке еще ловили последние лучи солнца, а в низине уже сгущались сумерки.

Темнота незаметно оплетала лес своей паутиной, а Саблин сидел, не шевелясь, и неотрывно смотрел, как тускнеет золото солнечных красок на ветвях деревьев.

«Что бы ни случилось, этой красоты у меня никто не отнимет никогда,— думал он, успокаиваясь.— И нечего мне хоронить себя прежде времени. Надо взять себя в руки и никому не показывать, как тяжело. Голубев прав: отступить нельзя».

Лес уже погрузился в темноту, на небе проклюнулись первые звезды, в поселке кое-где засветились огни, когда Саблин возвращался назад.

Ему не хотелось видеть людей и разговаривать с ними, не хотелось нарушать чувство покоя, которое пришло к нему в сумерках леса.

«Остаться бы там, разжечь костер и попробовать заснуть,— пожалел он, сидя на скамье возле конторы,— а вместо этого надо будет бодриться, улыбаться каждому черту, которого ты знаешь или не знаешь».

От этой мысли в душе росло чувство тяжести. Тишина поселка казалась настороженной, неверной. И как бы в подтверждение этому ощущению тишину грубо разорвал пронзительный гудок паровоза со стороны рудника.

Протяжный вопль гудка еще висел в воздухе, когда Саблин услышал четкий стук женских каблучков о доски тротуара. Стремительным шагом женщина приблизилась к нему. Саблин поднял голову и в сумраке сразу узнал Ларису. Она остановилась, словно споткнулась на ровном месте, спросила испуганно:

— Это ты, Леня?

— Я, Лариса Михайловна,— сдержанно ответил Саблин.— Здравствуйте.

— Здравствуй, Леня.

Она порывисто шагнула к Саблину, свободным движением протянула руку. Саблин встал, но не пожал протянутой ему руки, то ли не видя ее в полутьме, то ли не желая ее пожать.

— Сколько же времени прошло, Леня? Ты уже с бородой... Ах, что я ерунду говорю!

Саблин молчал. Его бил внутренний озноб, он стоял, стиснув зубы, боясь, что голос его дрогнет и Лариса заметит это.

— Я знаю все, Леня! Почему ты молчишь? У нас в лаборатории да и в экспедиции сегодня только о вас и говорили.

— Отпевали?
— Зачем ты так... Спорили. Кое-кто жалеет...
— Ну, если жалеют, то положение наше действительно отчаянное.

— Ленья, ты, как всегда...
В ее тоне Саблин уловил сожаление и перебил ее:
— ...лезу к черту на рога и обязательно сломаю себе шею!
Ты это хотела сказать?

— Я хотела помочь. Расскажи мне, Ленья...
— Что это мы, Лара, все о моих делах? Я хотел спросить тебя...

— Сейчас не время, Ленья,— мягко, но решительно остановила Лариса.— Тебе надо все обдумать — ведь формально правы все, кроме тебя. Тебе грозит беда.

— Ну и черт с ними! Что будет — то будет. Не все ли равно? На какую-то долю секунды Лариса задержалась с ответом. А когда заговорила, в голосе послышалась неприкрытая насмешка:

— «Что будет — то будет»... И это говорит первооткрыватель Кара-Тайги Саблин!

Саблин почувствовал, как накаляется гневом ее голос:

— Я не узнаю тебя, Леонид! Ты раскис!..

Этот знакомый страстный накал в голосе Ларисы отозвался в сердце Саблина болью: «Та же — не изменилась!»

Смысл ее слов отступил на второй план. Не видя в полутьме лица Ларисы, только вслушиваясь в любимый голос, Саблин ясно представлял презрительный прищур искрящихся карих глаз, покрасневшие от волнения нежные щеки с едва заметными ямочками, голубую жилку, нервно пульсирующую у виска, удивленно приподнятую правую бровь.

Лариса, приблизив к нему лицо, спросила жестко:

— Уж не боишься ли ты, Саблин?

— Хватова?

— Да.

— Хватова я не боюсь! Мне не нужны эти чертовы премии, которыми он всем затыкает рот.

Саблин прямо и твердо посмотрел в лицо Ларисы, и она опустила голову, словно разглядывая доски тротуара, проложенного вдоль длинной прямой улицы поселка.

На фоне освещенных окон четко проступал в темноте низкий штакетник, ограждающий дома. В них шла своя мирная жизнь: люди готовились ко сну, изредка через открытую форточку слышались звуки радио или приглушенные голоса. Где-то в конце поселка поскрипывал давно не смазанный ворот

колодца, и скрип этот был неприятен Саблину, как будто именно он мешал сосредоточиться.

Они медленно шли по краям узкого тротуара, словно боясь прикоснуться друг к другу.

Лариса остановилась, вскинула голову, спросила с упреком:

— Почему же ты не скажешь Хватову прямо, что думаешь о нем?

— Почему?— Саблин замаялся и вдруг произнес с решительностью человека, бросающегося в холодную воду:— Потому что он твой муж!

И сразу почувствовал, что сказал лишнее—поникла ее голова, опустились руки, держащие концы завязанного на шее белого шарфика. «Что же я, подлец, делаю?»— ужаснулся Саблин своим словам.— Она от души, а я бью по самому больному!»

Они машинально шли дальше, и Саблин вместо четкого стука ее каблучков слышал теперь тяжелые медленные шаги бесконечно усталого человека.

Нежность и жалость затопили сердце Саблина. «Не молчи же, скажи что-нибудь! Отругай! Я все пойму! Все!— мысленно говорил он Ларисе, не смея прервать молчания.— Пусть у этого тротуара не будет конца, и мы будем идти долго-долго, только не молчи!»— молил Саблин. Но она все так же безмолвно и тяжело шла вперед.

Наконец, она остановилась, повернулась к Саблину, но смотрела, как ему показалось, не на него, а выше, поверх его головы.

Холодное темное небо вдруг перечеркнул слабый след метеора. Уже на излете метеор вспыхнул, и, вместо одного, к земле потянулись два следа. Они погасли возле самой земли.

Саблин не выдержал молчания.

— Прости меня, Лара... Я...— почти шепотом сказал он.

— Не надо, Леня. Ни к чему это. Прощай...— бесцветным голосом ответила она. В полосе оконного света он ясно увидел ее бледное лицо и только тут понял, почему она смотрела вверх— хотела скрыть непрощенные слезы.

...От дома Ларисы Саблин возвращался медленно, часто останавливался, оглядывался на мягкий свет ее окон, затененный белыми шторами.

Он впервые почувствовал себя одиноким и никому не нужным. До этой встречи он всегда умел вовремя подавить воспоминания о Ларисе, а иногда даже посмеивался над собой, если это плохо удавалось. Кара-Тайга, суровая и неприступная, заставляла собой все. Она требовала от него полной отдачи каждый день и каждый час. Малейшая оплошность постоянно

грозила тяжкими последствиями. И он целиком отдавался любимому делу, забывая о себе и о том, чего, казалось, забыть нельзя. Но достаточно было увидеть ее, услышать дорогой голос, чтобы всколыхнулось в душе насильно подавляемое чувство.

В колючей темноте осенней ночи перед ним неотступно мерцали ее глаза, в которых в последнюю секунду он увидел слезы. Он понял вдруг, всем существом понял, что эти слезы — не от обиды на него. У него закружилась голова и пересохло в горле:

«Неужели еще любит?» — спрашивал он себя, боясь поверить этому.

Саблин остановился, снял душивший его галстук, небрежно сунул в карман и растегнул жесткий воротничок.

«Конечно, я виноват сам, сам, — корил он себя, — сам сломал свое счастье. Почему это она должна была ждать, когда ты соизволишь о ней вспомнить?»

Он поймал себя на том, что вот уже целый час бродит по поселку, невольно сворачивая к ее дому, как магнитная стрелка компаса к полюсу.

Саблин остановился. Гулко билось сердце.

«Любит — не любит! Теперь ничего не исправишь. Случилось то, что должно было случиться. И нечего дергаться и дергать других. Надо ставить точку и никогда даже в мыслях к Ларисе не возвращаться».

От этого трезвого решения ему сразу стало все безразлично. Чувство усталости охватило его.

А в доме Хватова собирались ужинать. Лариса накрывала на стол, изредка поглядывая на мужа, который сидел на диване и просматривал свежие газеты.

— Иди, Дима, — позвала она негромко, — все готово.

— Одну минуточку, дорогая, — отозвался Хватов, внимательно читая «Правду», — одну минуточку, здесь очень интересная статья.

— О чем? — устало спросила Лариса, садясь к столу.

— Сейчас, сейчас, — заторопился Хватов.

Он пересел на стул, подвинул к себе тарелку и опять уткнулся в газету.

— Да что с тобой?

— Подожди... Ты понимаешь, ведь этот сумасброд Саблин не одинок.

— При чем тут Саблин?

— Видишь ли, сегодня на балансовой комиссии он говорил о высоких материях: критиковал существующий порядок пла-

нирования и премирования в системе геологии. Ну, я его, конечно, осадил и...

— Это ты умеешь...— ледяным тоном заметила Лариса.

Хватов, необыкновенно чуткий к малейшим изменениям в голосе жены, теперь не обратил внимания на это замечание.

— И вот продолжение нашего никому не нужного спора,— он протянул через стол газету, показывая статью.— Пишут геологи-нефтяники. Они сообщают, что в погоне за выполнением объемов на структурном бурении частенько бурятся лишние, абсолютно ненужные скважины там, где их и не надо было задавать, но их там задали, потому что бурятся они легко и можно легко выполнить план в метраже. А для геологии эти скважины совсем не нужны. Они говорят, что надо в корне пересмотреть положение о премировании за выполнение объемов, что надо премировать за выполнение геологического задания в целом. Это же то, о чем сегодня заикался Саблин. Но здесь все аргументировано, тщательно продумано и взвешено. Конечно, это еще дискуссия, но, если такие видные деятели начали ее, то, наверное, не без оснований.

Хватов торопливо прожевывал куски, вторично перечитывая статью. Бледное лицо его вспыхивало неровным пятнистым румянцем, прищуренный острый взгляд летал по строчкам. Держась руками за край стола, чтобы унять внезапную дрожь пальцев, Лариса спросила внешне спокойно:

— Значит, Саблин был если не прав, то, по крайней мере, не одинок в своих предложениях?

И опять Хватов не заметил изменения в голосе жены.

— В том-то и дело, что этот баламут не одинок! Здесь прямо критикуется существующее положение, хотя пишут люди опытные и наверняка знающие, что такое спорить с начальством.

— А с начальством спорить нельзя?

— Не прикидывайся девочкой, Лариса. Ты прекрасно знаешь, что спорить с начальством все равно, что плевать против ветра. Написано очень смело. Чтобы так написать, надо быть очень уверенным в своей правоте, потому что все мы живем, как в курятнике: кто сидит на верхней жердочке, тот всегда может клюнуть сидящего на нижней.

— Тебе не стыдно, Хватов?

— Нет, сейчас, перед тобой, не стыдно. А вот завтра мне будет стыдно перед самим собой, когда на активе я скажу, что и в нашей экспедиции есть светлые головы, которые думают и решают по-современному, принципиально. И я обязательно это скажу, потому что мимо этой статьи не пройду.

Лицо Ларисы, скрытое в тени абажура, было неподвижно. Неподвижными были и руки, впившиеся в край стола. Только глаза полыхнули презрением, да чуть заметно дрогнул голос:

— Но ведь ты же принципиально против того, о чем пишут в «Правде» нефтяники, а то, что говорил Саблин, ты назвал чепухой.

— В «Правде», моя дорогая, чепухи не напишут. Раз уж напечатали эту статью, то жди перемен, пристраивайся к общему строю и шагай в ногу, а то...

— Но ты же и сейчас не согласен ни со статьей, ни с Саблиным?

— Боже мой!— в голосе Хватова билась истерика.— Как ты не понимаешь: хочешь жить — умей вертеться!

— Я не хочу вертеться, Дима. Я хочу жить!

— Ты думаешь, я хочу! Но чтобы ты жила так, как живешь сейчас, чтобы у тебя всегда было все, что ты захочешь, верчусь я. И все вокруг меня получают премии только потому, что я умею вертеться. В конечном счете, сейчас все решают деньги, и даже этот ультрапатриот Кара-Тайги Саблин не откажется от премии.

Лариса порывисто встала. Резко звякнула посуда.

— Не смей так говорить о Саблине!— крикнула она в лицо Хватову.— Ты его совсем не знаешь!

— А ты его откуда знаешь?

— Знаю... И очень хорошо.

— Вот как...— протянул Хватов, медленно поднимаясь и не спуская глаз с лица жены.— Не этот ли рыцарь обещал носить тебя всю жизнь на руках?

Лариса молчала, глядя Хватову прямо в глаза.

— Ты жалеешь, что Саблин сейчас не на моем месте?

— Да, жалею!

— Так иди к нему!

— Ушла, если бы позвал.

А в это время Саблин стоял в трех шагах от калитки и с тревогой смотрел на две черные тени на белом полотне оконных штор, склоненные друг к другу.

Глава XX

Сплошная километровая канава, пересекающая большой луг на две части, подошла северным концом к курумам. На последних метрах она вскрыла особенно богатую руду. Тысячелетиями скрытая от глаз человека, она тускло поблескивала в лучах осеннего солнца, маня людей дальше в курум. Срочно

требовалась взрывчатка в большом количестве. Без нее дальнейшая проходка была невозможна.

Саблин потратил целый день на поиски прохода через курум и ничего подходящего не нашел. Все варианты изысканий кончались одним и тем же: он упирался в каменный тупик, непроходимый для лошадей.

Проклиная весь курум целиком и каждую глыбу в отдельности, Саблин ввалился в контору и первым делом попросил воды. Литровую кружку он выпил, не переводя дыхания, и налил вторую.

— Запалился до того, что мог вспыхнуть огнем,— виновато объяснил он, прихлебывая холодную, как лед, воду.

Голубев отложил в сторону толстую пачку нарядов, спросил участливо:

— Что, Михайлыч, осечка?

— Ты понимаешь,— загорячился Саблин, нервно теребя свою великолепную бороду,— это как в сказке. Иванушка проникает в заколдованное тридевятое царство: клад рядом, а взять не удастся, на пути все новые и новые преграды. Чем дальше на север, тем богаче руда. Тут уже на глаз видно, что содержание металла — ураганное, самые сливки. Здесь бы сейчас только и работать, но на беду впереди сплошной курум. Как завести туда тонны полторы взрывчатки, убей меня, не придумаю. Какое-то проклятое богом место. Как будто кто нарочно поставил на дыбы все камни и огородил его непреступной стеной. Я уже сна лишился, а ничего путного придумать не смог. «Дурной камень» — точнее не скажешь.

— Для начала ты, Михайлыч, успокойся, а завтра поговорим с людьми. Объясним горнякам, что зима уже рядом, что на прокладку тропы времени нет. Немного отдохни и сходи к бухгалтеру и нормировщику, договоритесь насчет оплаты людям за переноску взрывчатки на себе. Если брать каждому вполовину меньше, чем разрешают правила безопасности, ну, скажем, килограммов по десять на человека, то, мне кажется, ничего страшного не будет. Носят же у нас взрывники по десять килограммов аммонита вместе с детонаторами, и пока все идет нормально. Тут главное — заинтересовать людей.

— Владимир Андреич,— взмолился Саблин слезным голосом,— уволь меня, ради бога, от объяснения с бухгалтером. Я просто терпеть не могу, когда этот седой черт начинает рассуждать о необходимости экономить каждую копейку. При этом он смотрит на меня так, как будто я растратчик государственных миллионов или, по меньшей мере, потенциальный преступник. А ведь он прекрасно знает, сколько денег для

государства мы сэкономили канавами. Да этот буквоед и зако-ренелый бюрократ сейчас со мной и разговаривать не будет — ночь на дворе.

— Ладно, пойдем вместе, — сказал Голубев, сдаваясь. — Ни-чего с тобой не сделается — не съест же он тебя!

К великому удивлению Саблина, бухгалтер, разбуженный почти среди ночи, внимательно выслушал предложение Голу-бева и, лихо тряхнув головой, заявил:

— Семь бед — один ответ. Раз надо — значит надо. Как ис-ключение оплатим эту работу среднесдельно.

— Вот тебе и седой черт, вот тебе и закоренелый бюро-крат, — посмеивался Голубев, разворачивая спальный мешок. — Старик знает дело не хуже нас, Михайлыч.

— Умнейший дед, — подтвердил Саблин и сладко потянул-ся. — Сегодня я буду спать спокойно.

Несколько дней подряд сильные взрывы тревожили окрест-ности Кара-Тайги, далеким громом долетая до Кедровки. Се-верный конец канавы быстро врезался в курум, обнажая по-всему забою сплошную руду.

Саблин с утра до глубокой ночи находился на участке, лич-но намечая на местности точки для заложения шурфов в зиму. Закончить эту работу помешал буран. В ночь под воскре-сенье на Кара-Тайге выпал небольшой снег, закрыв неопробо-ванное полотно пройденных канав. Голубев ночевал в Кедров-ке. Посоветовавшись с геологами, Саблин направил горняков чистить канавы от снега и опробовать их.

— Отдохнем, когда отберем все пробы, — объявил он собрав-шимся в конторе проходчикам, — а сегодня надо поработать, потому что снег может уже не стаять.

Потихоньку поругиваясь, люди цепочкой потянулись к уча-стку. Но поработать в этот день не пришлось. Часа через два в поселок прибежал Боженятов.

— Где Михайлыч? — закричал он, врываясь в контору и пят-ная чистый пол грязными сапогами.

— Что случилось? — спросил Саблин и поспешно вылез из-за стола, заваленного тетрадами и чертежами.

— Медведь! — выпалил Боженятов, с трудом переводя ды-хание.

— Что медведь?

— Не дает работать, подлец, рычит в куруме, а где, не видно.

— Не спеши, Виктор. Может, он в берлоге?

— А черт его знает, куда он спрятался.

— Не шуми. Собирай сюда быстренько всех, у кого есть

ружья и собаки. Я мигом переоденусь, свистну своих псов и буду ждать вас на улице.

Вскоре все мужское население поселка, перегоняя друг друга, спешило по узкой снежной тропе. Вооруженные до зубов люди, сопровождаемые целой стаей разномастных собак, возбужденно переговаривались на ходу.

Боженятов шел вслед за Саблиным и рассказывал:

— Пока мы расчищали снег, все было тихо и спокойно. А как только взялись за зубила и кувалды, тут и началось. Сначала вроде кто-то закричал легонько в куруме, а потом как рявкнет, аж волосы у меня со страха зашевелились. Глянул вокруг, а ребята сыплются из канавы, как горох из мешка, во все стороны — кто улепетывает вниз по поляне, а кто, совсем одурев, прется в курум. Дед Снегирев с перепугу заскочил на такую скалу, что не знаю, как он оттуда слезать будет. Да вы смотрите, как их разбросало.

На белом от снега курумнике в самых неподходящих местах чернели одинокие фигуры проходчиков. Дед Снегирев действительно стоял на неприступной скале и с интересом смотрел на подхаживших охотников.

— Караулишь зверя, Афанасий Егорович? — насмешливо спросил Саблин, пробираясь мимо скалы.

— Леший его знает, кто кого караулит, — весело отозвался Снегирев, — то ли я его, то ли он меня. Стою вот, покуриваю. Слава богу, что табак в кармане, а то тут со скуки сдохнуть можно.

— Ну ладно, старина, покури еще немного. Сейчас мы управимся с мишкой, а потом тебя снимем.

— Управляйтесь, товарищ главный инженер, но помните, что места у меня здесь на всех хватает. В крайнем случае сигайте сюда. Только табачок не забудьте, а то скучно будет.

— Да нам к тебе разве забраться? — вмешался Боженятов. — Туда самый лучший в мире альпинист не залезет.

— Залезет, если смерть в глазах. Живчиком заскочит, безо всяких своих побрякушек обойдется.

Охотники громко засмеялись, загомонили

Вдруг откуда-то из-под камней раздался грозный рев. Собаки взвизгнули, трусливо поджали хвосты и бросились к своим хозяевам. Только один глупый щенок радостно галагал и храбро устремился вперед.

— Не стойте кучей, ребята, — скомандовал Саблин, — рассыпайтесь цепью. Вперед не забегать, а то перестреляем друг друга.

Он первый увидел неясный медвежий след, наполовину за-

несенный свежим снегом. След подходил почти к самой канаве и кончался в хаотическом нагромождении огромных глыб возле узкой ямы неправильной формы, прикрытой стоящими шатром двумя каменными плитами. Осторожно переступая по скользкой от снега поверхности, Саблин протиснулся между камней к яме и заглянул в нее. Остальные замерли вблизи, держа ружья наизготовку. Неожиданно Саблин опустил ружье и повернул назад.

— Нам его так не взять,— объяснил он вполголоса.— Глубина всего метра три, но из ямы по-над самым дном идет горизонтальный ход. Где-то в конце этого хода прячется мишка. Подождем взрывника. Я послал его на склад за аммонитом. А пока покараулим. Может быть, он на шум сам выйдет.

Охотники зашумели так, что одним криком, наверное, разбудили бы мертвого и подняли бы его из могилы. Кто-то для храбрости даже выстрелил вверх из дустволки. Но медведь коротко рявкнул еще раз и больше не отозвался.

Торопливо подошел взрывник, спросил, обращаясь к Саблину:

— Где бомбить будем?

— Я сначала хотел бросить заряд прямо в яму,— ответил Саблин,— а теперь думаю, что толку от этого будет мало. Когда мишка подал голос в последний раз, я понял, что горизонтальный ход гораздо длиннее, чем это мне показалось вначале. Сейчас надо действовать иначе.

Он задумался, хмуря брови и поглаживая бороду. Задумались и остальные охотники.

— Веревка у кого-нибудь есть?— обратился Саблин к своему воинству, нетерпеливо переступающему с ноги на ногу.

— Есть,— отозвался Боженятов.— У меня на канаве лежит.

— Готовь боевик,— обратился Саблин к взрывнику,— и воткни его в целую пачку. Я думаю, что двух с половиной килограммов аммонита хватит.

Взрывник сунул в рот свисток, и длинная тревожная трель повисла в холодном воздухе, предупреждая всех о подготовке к взрыву. Затем он надорвал пропарафиненную бумажную обертку, вытащил один патрон и отошел от Саблина за камень. Точными, привычными движениями размял в руках конец патрона, аккуратно развернул торец и вставил медный капсюль-детонатор с торчащим из него коротким шнуром. Ловко обвязав шпагатом развернутую бумагу у торца, он вернулся к Саблину.

— Михайлыч, а ведь в яму придется лезть мне,— сказал он,

понизив голос.— Передавать кому-нибудь взрывчатку я не имею права.

— А я не имею права рисковать ничьей жизнью, кроме своей,— резко оборвал Саблин.— Я отвечаю за всех.

Взрывник колебался недолго. Вставив патрон-боевик в надорванную пачку, он передал ее Саблину и попросил:

— Ты только не торопись, Михайлыч. В нашем деле торопиться нельзя.

Саблин крепко обвязался веревкой, подошел к яме. Передавая Боженятову свободный конец веревки, сказал:

— Когда брошу пачку, тяните меня сразу наверх, не ожидая никаких команд.

— Вытянем, Михайлыч, не тушуйся,— заверил его Боженятов.

Взрывник свистнул два раза длинно, протяжно.

Переступая с одного выступа на другой и придерживаясь одной рукой за стенки колодца, Саблин медленно пополз вниз. Боженятов потихоньку отпускал веревку, страхуя его на всякий случай. Коснувшись ногами дна колодца, Саблин приложил к косо срезанному концу шнура спичку и резко чиркнул коробкой. Сноп искр вылетел из конца шнура, ярко осветив мрачное подземелье. В тот же миг Саблин согнулся и с силой бросил пачку в горизонтальный ход. Медвежий рев оглушил его, как удар грома. Он еще не успел выпрямиться, а Боженятов и взрывник рванули веревку вверх.

Цепляясь обеими руками за торчащие из стен острые камни, Саблин выскочил на поверхность, и, отбежав в сторону, присел рядом с Боженятовым за каменную плиту.

— А ты побледнел, Михайлыч,— сказал Боженятов, искоса поглядывая на Саблина, и протянул ему недокуренную папиросу.

— Побледнеешь тут, если руки и ноги трясутся до сих пор как в лихорадке,— недовольно бормотнул Саблин, жадно затягиваясь табачным дымом и не спуская глаз с устья ямы.

Оттуда полз тонкой струйкой белесый дымок и сильно пахло горящим порохом. Глухо громыкнул взрыв. По плитам, нависшим над входом в берлогу, застучали мелкие каменные осколки. Три раза коротко свистнул взрывник, разрешая подойти к месту взрыва.

Держа наготове ружья, все охотники приблизились к яме. Она курилась желтовато-бурым дымом, распространяя далеко вокруг тухлый запах сожженной взрывчатки. Было тихо. Охотники нерешительно переглядывались, не зная, что делать дальше.

— Медведю крышка,— заявил Саблин.— Предлагаю перекур, пока не выйдет из берлоги весь дым.

Коля Картошин, второпях забывший подмотать портянки и надевший резиновые сапоги на босые ноги, первый выбрался из курумника на луг. Наломав сухих будыльев пучки и кипрея, он разжег небольшой костер. Взрывник принес охапку смолистых корней кедра-стланика, выкорчеванных при проходке канавы, подбросил в огонь.

Разноцветное пламя прыгнуло вверх, шипя и стреляя искрами. Постепенно все собрались к костру, сложили в одну кучу топоры и ружья, разместились кто как мог, отогревая у огня замерзшие руки. К ним потянулись разбежавшиеся по лугу с утра проходчики. Только дед Снегирев по-прежнему торчал на скале, согревая себя табачным дымом да похлопыванием в ладоши.

Возле берлоги остался один Саблин. Из пещеры вяло сочился дым, не давая возможности заглянуть в колодец. Саблин основательно продрог и чтобы согреться, начал бег на месте.

— Заколел, Михайлыч,— сказал Боженятов, трогая за плечо Картошина.— Надо его сменить.

Разомлевший у огня Картошин вытащил из общей кучи свою двустволку и направился к берлоге. Некоторое время он добросовестно исполнял обязанности часового, а потом засунул покрасневшие руки в жесткие рукава брезентовой куртки, прижал локтем к боку ружье и повернулся спиной к устью колодца.

Внизу у костра переговаривались охотники, изредка слышался смех, а здесь было тихо. Коля прислонился плечом к ребристому камню, торчащему, как столб, и устало закрыл глаза. Вдруг он обернулся, словно его толкнули в спину. Черный провал колодца загоразивал темно-бурый медведь. Зверь поднялся по вертикальному ходу так тихо, что Картошин, стоявший в двух шагах от берлоги, ничего не слышал. Одно мгновенье они смотрели в упор друг на друга. Потом медведь прыгнул в сторону и исчез среди камней. Коля не успел даже испугаться. Он вырвал руки из тесных рукавов куртки и невольно отвел локоть. Коротко звякнуло о камень упавшее ружье, и сразу прогремел выстрел. Картошин сделал неверный шаг, поскользнулся. Он упал головой вперед перед самой берлогой и закричал пронзительно-визгливо:

— Держи...и...и!

Выстрел поднял на ноги всю охотничью рать. Засуетились люди, сшибаясь лбами, падая на снег и толкая друг друга.

Сбитый кем-то с ног, Саблин сел в костер. Длинный язык огня лизнул бороду и чуб, опалил лицо жаром. Саблин вывалился из огня на снег и, кляня своих соратников, тушил горящие штаны. Второпях никто не мог найти в общей куче свое ружье.

На крик Картошина первым прибежал Боженятов.

— Где медведь?— спросил он, не останавливаясь.

— Там,— махнув рукой в неопределенном направлении, ответил Картошин.

Охотники ринулись по медвежьему следу, увлекая за собой стаю собак. Последним на свежую тропу вступил Картошин, потерявший при падении очки. Впереди мчался Саблин, окутанный синим дымом. Тлеющие лохмотья штанов развевались на ветру, обжигая заядлого охотника. Но он только дергался, как от укуса пчелы, и несясь еще быстрее, распространяя во круг запах горячей тряпки.

На месте происшествия остался один Снегирев. Видя, как скрываются вдаль люди, старик горестно вздохнул и свернул еще одну сигарку.

«В жизни не попадал в такой переплет»,— пожаловался он сам себе, не зная, что через минуту очутится в еще худшем положении. Прикуривая, он нечаянно глянул вниз и замер— из берлоги вылезал второй медведь. Оглушенный взрывом, зверь ошалело потряс головой и, не торопясь, направился к скале, на которой спасался Снегирев.

«Пропал»,— решил старик, не отрывая взгляда от крупного зверя и не замечая, что спичка жжет пальцы.

Медведь подковылял к скале и прилег на снег, потирая лапой голову, очевидно, ушибленную при взрыве.

«Господи, пронеси и помилуй»,— взмолился Снегирев, леденя от страха.— Помяни царя Давида и всю кротость его».

Медведь повернулся на другой бок и зарычал.

«Сейчас он меня почует и задерет»,— подумал Снегирев, боясьдохнуть, чтобы не привлечь внимания зверя. У него вдруг зачесались спина и шея. Постепенно нестерпимый зуд охватил все тело. Снегирев напряг мускулы, но легче ему от этого не стало. Он зажмурился и почувствовал, что сейчас чихнет. Прощаясь с белым светом, открыл глаза и увидел, что медведь задрал морду кверху и будто принюхивается.

— Апчхи!— ударило со скалы, как из ружья.

Медведь мгновенно развернулся и помчался вниз по склону.

— Апчхи! чхи, чхи!— гремело сзади. Медведь выскочил на луг и прибавил скорость.

Когда Снегирев прочихался, зверь уже скрылся в куруме. Чувствуя, что ноги его не держат, Снегирев смахнул со скалы снег и сел на холодный камень.

Далеко ушедшие охотники возвращались по одному. Усталые и злые, они подходили к скале, на которой сидел Снегирев. Старик в двадцатый раз рассказывал о втором медведе. Никто не хотел верить до тех пор, пока лично не осматривал следы. Для того чтобы снять Афанасия Егоровича со скалы, пришлось крепко подумать. Боженятов предложил перебросить через скалу веревку. Веревку крепко удерживали с обеих сторон, и Снегирев, держась за нее руками, благополучно достиг подножия.

Саблин собрал и пересчитал людей. Все были налицо. Только Картошин остался возле берлоги, отыскивая очки.

— Виктор Иванович,— попросил Саблин, обращаясь к Боженятову,— не в службу, а в дружбу, помоги Коле найти очки.

Вдвоем они обыскали возле берлоги всю местность в радиусе трех метров, но ничего не нашли.

— Наверное, они упали в берлогу,— сказал Боженятов и заглянул в колодец.

— Коля, иди-ка сюда,— позвал он Картошина,— и не кричи, а то наши храбрецы перестреляют нас с перепугу.

Картошин нагнулся над устьем колодца и сразу отпрянул назад.

— Медведь!— прошептал он побледневшими губами.

— Не бойся, Коля, он мертвый. Наверное, вся сила взрыва ударила по нему, а те два сидели дальше, и их только оглушило. Смотри, как у него разбита голова. Скорее всего, его ударило крупным камнем. А все-таки выполз на свет. Вот это сила!

Боженятов повернулся к охотникам, крикнул:

— Леонид Михайлыч, возьми человек шесть и иди сюда.

Убитого мишку вытаскивали долго.

— Килограммов двести потянет,— определил Боженятов на глаз.— Хватит на всех понемногу.

Колины очки так и не нашлись, хотя поиски продолжались все время, пока обдирали медведя.

— Как же я доберусь до Снежного?— пожаловался Картошин Саблину.

— Тебя, брат, за руки доведут,— успокоил его Саблин,— а вот как я с голым задом пойду по поселку, это вопрос!

— Ты, Михайлыч, накройся медвежьей шкурой и бузуй до самого дома,— посоветовал Боженятов.

Дома Картошин достал из чемодана запасные очки в кра-

сивой пластмассовой оправе. Получив возможность ориентироваться в пространстве, Картошин развил бурную деятельность. Он изрезал на мелкие кусочки мясо, сердце, почки и печень медведя и залил холодной водой.

— Пусть мясо отмокает, пока я растоплю печку,— важно заявил он, смывая с рук кровь,— так положено.

Спорить никто не стал, потому что в вопросах приготовления пищи авторитет Картошина был неколебимым.

Готовая медвежатина уже упревала в большой жаровне, когда под окном процокали конские подковы.

Боженятов, приглашенный на торжественный ужин, выглянул в окно и объявил:

— Дамы и господа! Прибыл начальник партии,— он набросил на себя ватную фуфайку, надел шапку и вышел, чтобы отвести лошадь на конный двор.

Пока Голубев умывался с дороги, Боженятов вернулся. Картошин разложил по тарелкам аппетитно пахнущее мясо и пригласил всех к столу:

— Прошу не стесняться, джентльмены, в этой посудине запас большой.

Давно забывшие о том, что за столом некоторые люди стесняются и боятся попросить добавки, джентльмены проворчали что-то неопределенное и потянулись за ложками.

— Не торопитесь, друзья,— остановил их Голубев.— Вот моя доля.

В центре стола он поставил бутылку спирта.

— Владимир Андреич,— умиленно простонал Саблин,— кто тебя надоумил? Клянусь своей обгорелой бородой! Это же как раз вовремя.

— Эххе, гм, да!— выразительно протянул Боженятов, поблескивая черными глазами.

Даже непьющий Картошин смело глотнул обжигающей жидкости. Да и как ему было не выпить, если в этот вечер он выслушал столько комплиментов по поводу своих кулинарных способностей, сколько не слышал за всю свою жизнь. Немного захмелев, Коля щедро угощал всех медвежатинной, приправленной луком и перцем. Каждую новую порцию он сопровождал пространными объяснениями тайн кулинарного искусства и ссылками на авторитетные источники. Остатки мяса из жаровни он выскреб себе на тарелку.

— Все герои приключенческих рассказов ели медвежье сердце,— заявил он, пытаясь разрезать большой кусок мяса.— Многоопытные авторы этих рассказов утверждают, что человек, который съест сердце медведя, становится храбрым и

сильным. Надеюсь, что мы все, отведав сегодня медвежьего сердца, будем...

Коля запнулся на самом важном месте своей речи, потому что никак не мог разрезать мясо. Он долго пилил его большим охотничьим ножом, потом отложил нож в сторону и вооружился другим. Но попытки разрезать мясо новым ножом ни к чему не привели — мясо раздиралось вдоль на отдельные крепкие волокна, но поперек не резалось. Изумленно подняв брови, Картошин внимательно разглядывал неподатливый кусок, поворачивая его с боку на бок.

Вдруг его губы дрогнули, и он жалобно промычал:

— Мо... мо... мочалка.

Да, это была самая настоящая рогожная мочалка для мытья посуды, забытая Колей в жаровне в момент предыдущей генеральной чистки посуды.

Картошин, воодушевленный предстоящим торжеством, не заглянул в жаровню, когда закладывал мясо, и зажарил вместе с медвежатиной мочалку. Ему же она и досталась. Коля испуганно оглядел сотрапезников, ожидая упреков и обвинений, но ответом ему был общий дружный хохот.

— Не смущайся, Коля,— успокоил его Саблин.— Слава богу, что ты не зажарил вместе с сердцем медведя кусок титаномагнетитовой руды. Сидели бы мы теперь без зубов. А мочалка — штука безобидная: пожуешь, пожуешь да и выплюнешь.

Голубев выслушал рассказ Саблина о необычайной охоте с применением аммонита и шутя спросил:

— Куда же ты, Леонид Михайлыч, собираешься списывать взрывчатку?

— Как куда?— искренне удивился Саблин.— Конечно, на уничтожение медведей.

— Но ведь такого вида работ у нас по проекту не предусмотрено,— весело рассмеялся Голубев.

— В порядке исключения пройдет,— спокойно заверил Саблин,— тем более, что наряд-путевка у взрывника мной уже подписана, а менять запись в ней нельзя. Как написано, так и будет.

Саблин болезненно сморщился и сел поудобнее, оберегая обожженный на костре зад.

— Леонид Михайлович,— возразил Голубев мрачней,— это дело очень серьезное. Первый же ревизор устроит нам такой скандал, что ты себе и представить не можешь.

— Ничего менять не собираюсь и не буду, Владимир Андреевич. И не подумай, пожалуйста, что говорю это сгоряча или из чувства противоречия. Нет! Дело в том, что я принципиаль-

но не буду относить расход взрывчатки за счет горных работ. Не терплю компромиссных решений. Начни врать в малом — будешь врать и в большом. У нас в экспедиции, да, наверное, и повыше, все любят гладкие бумаги, чтобы ни сучка, ни задоринки. Вот и списывают все что попало и на что попало. Лишь бы в отчете все было в полном ажуре. Все действуют, как школьники, которые не решают задачу, а подгоняют ее под ответ. Так вот, я подгонять под ответ ничего не буду ни в малом, ни в большом, потому что на основании наших первичных документов где-то кто-то, кто не видит своими глазами дела, а видит только отчеты и бумаги и верит им от чистого сердца, будет составлять новые нормы расхода материалов, нормы выработки и черт его знает что. А мы на местах, боясь очередной прочуханки, будем снова тасовать факты, как карты в колоде, чтобы все было кругло и гладко на бумаге. Нет, я в такой игре участвовать не буду.

Саблин со злостью швырнул недокуренную папиросу в консервную банку, заменяющую пепельницу, закурил новую и продолжал спокойнее:

— Результат решения задач путем подгона под ответ отразится в первую очередь на нас, на производственниках. И мы будем снова врать. А кому врем? Кого обманываем? Себя и весь народ. И ты меня, Владимир Андреич, лучше накажи своей властью, но врать не заставляй. Меня за это мать шлепала пониже спины и приговаривала: «На обмане долго не проживешь». А я собираюсь жить долго и честно.

Глава XXI

Ясным ноябрьским утром Голубев, торопя коня, спешил в Кедровку. Заканчивался досрочный завоз продовольствия, и в течение нескольких дней летчики обещали обеспечить партию на всю осень.

Холодное солнце невысоко стояло над горами. В бледно-голубом небе на большой высоте неподвижно висели редкие тонкие облака. Воздух был чист и прозрачен. Бодряще поскрипывал под копытами молодой неглубокий снег.

«Задерживается зима на наше счастье,— думал Голубев, мягко покачиваясь в седле.— Нам бы еще недельку такой погоды, чтобы успеть отправить последнюю партию пров, а потом пускай буранит».

На аэродроме его встретил озабоченный Матвеев:

— Владимир Андреич, там, в экспедиции, какая-то граж-

данка насмерть переругалась со всеми пилотами. Она требует, чтобы ее немедленно отправили на самолете к нам в Кедровку. Последним рейсом на твое имя она прислала пакет.

Он подал Голубеву почтовый конверт, сокрушенно покачал головой:

— Настырная особа: знает, что есть твой приказ до окончания перевозки продуктов людей не возить, но не отступает.

Голубев надорвал конверт. Узкие косо падающие буквы, небрежно рассыпанные по листу, сообщали:

«Товарищ начальник, я сестра Саблина. Еду к нему в гости. Дайте команду, чтобы меня сегодня доставили в Кедровку, а то я пойду к брату пешком. Галя Саблина».

«А что же тут хитрого? — усмехнулся Голубев. — Если она действительно сестра Саблина, то сделает это запросто. Характер, видно, такой же, как и у братца».

Он вынул из полевой сумки чистый бланк полетного задания, не торопясь, заполнил и расписался. Уже отдав задание молодому веселому пилоту, вспомнил:

«Саблин грозился не пускать ее на Кара-Тайгу и обещал даже не посылать денег на дорогу. Неужели передумал? Но почему не предупредил меня? Уж он-то знает, что перевозка людей сейчас категорически запрещена. Непонятно. Совсем ничего непонятно. Разве он мог забыть, что кроме самолета или карбаса она ничем к нему не доберется?»

И первые слова сестры Саблина убедили его в том, что в этом деле действительно не все ясно.

— Вы знаете, товарищ начальник, — оживленно блестя глазами, сказала она, вылезая из самолета, — я ничего не понимаю: Леня прислал мне письмо со строгим наказом сидеть дома, а через день почтовый перевод с припиской «это на дорогу», но без подписи. И вот я здесь.

Голубев хотел спросить, как она долетела, но Галина перебила:

— А как здесь красиво! А это знаменитая Кара-Тайга? Ой, какая она большая! Даже смотреть на нее страшно. А Леня сейчас там?

— Да, — с трудом втискиваясь в поток слов, произнес Голубев, — там.

— Он не болеет?

— Никогда не жаловался. Мы и подумать не могли, что он может заболеть. На редкость здоровый человек.

— Ну, что вы! Он же несколько лет назад перенес тяжелую операцию, и врачи запретили ему много двигаться.

— Первый раз слышу...

— Слышите, возможно, в первый раз, а видите каждый день.

— Не может быть,— удивленно развел руками Голубев:— Леонид Михайлович никогда не говорил о болезни.

— Как же! От него разве дождешься? Мы с мамой и то толком не знаем, что с ним случилось. Кое-как выдавили из него, что он неловко упал, когда возвращался со спортивных соревнований, а о подробностях он, хоть убей, молчит. Но вы-то видели, как он хромает.

— Я бы сказал: немного прихрамывает. Но, поверьте, это почти незаметно.

— Значит, дело пошло на поправку. А как он живет? Кушает вовремя?

— Три раза в день. И, насколько заметил, с аппетитом.

— Раньше ему всегда не хватало времени. Мама его постоянно ругала, а он ел на ходу и то только что-нибудь холодное или теплое. Горячего не мог. Бросал и уходил — некогда было ждать, пока остынет.

Голубев улыбнулся: насчет времени она, безусловно, права; его Саблину и сейчас не хватает.

Матвеев издала поманил Голубева в сторону, спросил, явно беспокоясь:

— Владимир Андреич, а верхом она ездить может?

Галина услышала, рассмеялась звонко:

— Умею, дедушка, умею. Очень люблю лошадей.

— Ну и слава богу,— обрадовался Семен.— Берите себе моего Мухранчика. Он все равно останусь на ночь в Кедровке. Летать-то будут, пока не стемнеет, а Королева одна здесь с грузом не управится. Видите, как сегодня шуруют летчики с самого утра: один за одним, только успевай принимать. А проклятая Дымочка в самое горячее время дробит пробы, и помощи ждать не приходится.

Он с упреком глянул на Голубева и отвернулся. Голубев поймал этот взгляд и, приглушая голос, спросил:

— Что ты, Семен Пантелеевич, опять напал на Дымочку?

Видя, как обиженно заморгал Матвеев, он постарался свести весь разговор к шутке:

— Можно подумать, что ты к ней равнодушен. Когда она работала на складе грузчиком, ты был недоволен. Перевели в дробилку — тебе тоже не нравится. А ведь сам хлопотал, чтобы она туда пошла работать.

— Эх, Андреич, хороший ты мужик, но слишком легко веришь

всем. А разве таким врагам, как Дымочка, можно верить? Ты смотри, какой скандал среди баб завела она с этими чулками! Тебе бы обеспокоиться, а ты только похохатываешь. Ничего ты не видишь. Возишься по целым дням с бумажками, а течение жизни идет мимо тебя. Неужто тебе бумажные инструкции глаза заслонили?

Матвеев подошел вплотную и, взяв руку Голубева шершавыми пальцами, горячо продолжал:

— Возьми этот фокус с пробами. Сколько она проб угробила, пока ее Михайлыч не застукал? И опять с нее взятки гладки. А на моей памяти за такие проделки к стенке при-слоняли. Это же прямое вредительство, а ты спокойненько допустил ее к работе. Смотри, начальник, она тебе еще не такой номер отколет. Вспомнишь ты меня, да поздно будет.

Глядя на взъерошенного Семена, Голубев невольно улыбнулся:

— Ты, Семен Пантелеич, такого страха нагнал, что хоть стой, хоть падай.

И, посерьезнев, признался:— Я поначалу думал так же, как и ты, и даже хотел передать дело в суд. А когда поговорил с ней, то убедился, что все это произошло потому, что жадная она до денег.

Матвеев недоверчиво покачал головой и протянул задумчиво:

— Ты думаешь, что дело в жадности?

— Рассуди сам,—загорячился Голубев,—ну какой она вредитель? Просто ленивая хитрая женщина. Пусть тунеядец, но не преступник. И выгнать мы ее всегда успеем.

— Из этих-то тунеядцев, Андреич, и получаютя потом преступники, если им вовремя хвост не прицемить. Ты говоришь: успеем выгнать. А если не успеем, тогда как?

Тревожно-испытующий взгляд Матвеева вонзился в лицо Голубева.

— Да в чем дело, старина? Чего ты опасаясь?

— Я нутром чую, что держит она камень за пазухой против нас, Андреич. Вот я и опасаясь, а ты оглянуться вокруг себя не хочешь. Поверь мне, я стрелянный волк и понимаю гадов со взгляда. Сколько раз я говорил тебе, что Дымочка держит связь с бандитами, что в заездем и в складе бывают все, кому надо и кому не надо, а ты мимо ушей пропускаешь.

Матвеев наклонился к Голубеву и зашептал:

— Примечаю, что Дымочка в последнее время не пьет. Это раз. Держит свою комнату в заездем на замке и никого туда

не пускает. Это — два. Через день бегает из дробилки с Кара-Тайги в Кедровку. Это — три. Тут что-то нечисто.

Он отстранился и с упреком закончил:

— А ты, начальник, наладил дробилку, запустил ее на полный ход и думаешь, на этом конец. Распустились вы с Саблиным. Даже оружие с собой не носите. Есть у тебя наган, ну и таскай его на здоровье — небольшая тяжесть. Зато я спать буду спокойно, и душа моя за вас болеть не будет.

Голубев расхохотался:

— Это зачем же его таскать? Дымочку пугать, что ли?

Матвеев печально вздохнул и укоризненно посмотрел на Голубева:

— Похохатываешь? Я стараюсь, а ты меня слушать не хочешь. Я бы мог тебе пословицей ответить. Знаешь, как в народе говорят: «Наше дело петушиное: прокукарекал, а там хоть век не рассветай». Но я так не скажу. Я упрямлю и настаиваю: гони ты Дымочку с Кара-Тайги и из Кедровки, пока не поздно.

Ведя в поводу лошадь Матвеева, к ним подошла Галина. Семен взял небольшой чемодан и рюкзак, ловко приторочил к седлу. Поддерживая стремя, помог девушке сесть в седло. Погладил по-зимнему подстриженную гриву лошади, сказал заботливо: — Застегни фуфайку, дочка, а то прохватит тебя ветерком. Стременные ремни не перетягивай — мы с тобой одного роста. Да и Владимир Андреич будет рядом. Если потребуется, он поможет.

Зябнущая под снегом Кара-Тайга встретила их густыми сумерками. Мерно постукивал движок. Окна домов уже светились огоньками. По поселку тянуло духмяным запахом свежего хлеба и горьковатым дымком топящихся дровами печей. Голубев оставил Кадымаеву уставших лошадей, попросил расседлать.

Подхватив легкий чемоданчик и рюкзак, неторопливо зашагал в гору по снежной тропе, прихотливо выходящей между камнями. Галина, часто оскальзаясь на заледенелом снегу, старалась не отставать. Голубев видел, что она сильно устала с непривычки и еле идет. Тем более он был удивлен внезапной переменой в своей спутнице, когда они поднялись на крыльцо.

— Заходите первым, — быстро шепнула она, — а о моем приезде Лене ни слова.

Щеки ее горели ярким румянцем, в глазах сверкали шаловливые огоньки. Голубев понимающе кивнул и вошел в дом

первым. Тяжелый запах сырой медвежьей шкуры резко ударил в ноздри, заставил придержать закрывающуюся дверь. Табуретки и стол были сдвинуты к дальней стене, а центр комнаты занимала медвежья шкура, уложенная шерстью вниз. По ней на четвереньках ползал полуголый Картошин, ожесточенно соскребая ножом остатки сала и сгустки засохшей крови. Рядом стоял Саблин и точил на бруске большой охотничий нож. Большие жилистые руки его были обнажены по локоть, и под белой кожей отчетливо выделялись витые мускулы предплечья. Не успел он сказать и слова, как вошла Галина. Не вошла, а влетела, как буря, бросилась к Саблину, крепко обняла, поцеловала и, не спуская рук с его плеч и ласково заглядывая в глаза, зашпешила, заторопилась:

— Бороду сбрить, и немедленно. Это что еще такое: молодой и интересный мужчина разводит у себя на лице какой-то дикий бурьян. Да ни одна порядочная девушка на тебя и смотреть не захочет.

Счастливо улыбаясь, она повернулась к Голубеву и обратилась к нему, не выпуская Саблина из рук:

— Владимир Андреич, вы тут начальник, прикажите этому разбойнику побриться. Неужели вы не видите, что если бы он был в городе, то прохожие сами отдавали бы ему кошельки без всякого напоминания. Нет! Нет! Сбрить — и никаких разговоров. Всю дорогу мечтала поцеловать брата, а вместо этого целую какую-то колючую метлу.

Любуясь энергичной сестрой и растерянным братом, Голубев беспомощно пожал плечами:

— Ничего не выйдет, Галина Михайловна. Ваш брат поклялся: пока не закончит разведку Кара-Тайги, бриться не будет. К сожалению, он не одинок в своих начинаниях. Обернитесь, пожалуйста, и познакомьтесь с сидящим у ваших ног молодым, подающим надежды геологом Картошиным. Сей муж полностью поддерживает вашего братца в этом деле и тоже отрицает бороду.

Картошин, сидящий на шкуре без рубашки в подвернутых выше колен брюках, расторопно встал и протянул Галине руку, в которой держал нож. За стеклами очков смущенно прятались растерянные глаза. С интересом разглядывая красное от волнения лицо Картошина, Галина осторожно пожала ему руку выше кисти.

— Ты откуда свалилась?—приходя в себя от неожиданной встречи и обретая дар речи, спросил Саблин.—Я же тебе писал, чтобы ты и думать не смела о поездке на Кара-Тайгу.

Со дня на день начнутся бураны, а тебе нельзя опаздывать в школу. Ты можешь застрять здесь на две-три недели.

Галина беззаботно тряхнула головой, засмеялась и, положив голову Саблину на плечо, начала оправдываясь:

— Подумаешь, две недели! Догоню. После операции ты опоздал в институт на два года, а окончил курс не хуже других. И потом, ты же сам прислал мне деньги на дорогу...

— Какие деньги?

— Самые настоящие. Половина у меня еще в чемодане.

— Ничего не понимаю.

Саблин недоуменно глянул на Голубева, перевел взгляд на Картошина:

— Братцы, что за чертовщина? Объясните, что творится: я никаких денег не посылал. Может быть, это ваши штучки-дрючки?

Голубев искренне удивился, а Картошин покраснел еще сильнее и так энергично замотал головой, отрицая эту мысль, что у Саблина исчезли все сомнения.

— Какая-то неразбериха, братцы. Не иначе, тут замешана потусторонняя сила. Ну, да ладно, следствие по действию потусторонних сил временно прекращаю. Встречаем гостя. А незваного благодетеля я отыщу потом, когда вырвусь в экспедицию на почту.

Никто не заметил, как тревожно заметались глаза Картошина, скрытые стеклами очков, когда он услышал последние слова.

Пока Саблин, добродушно ворча себе под нос что-то о неразумных родственниках, в частности девчонках, которым надо было родиться мальчишками, натягивал простыни, отгораживая уголок для сестры, Коля свернул невыделанную шкуру и удалился вместе с нею. Вернулся он только к ужину, неся кровать-раскладушку, которую выпросил у Снегиревых. За это короткое время Картошин изменился разительно: скудная растительность на щеках и подбородке, изображающая бороду, исчезла, исчез прогорклый запах медвежьего сала, которым Коля пропитался за эти дни, выделывая шкуру.

Свежевыбритое лицо Картошина розовело нежной кожей и благоухало минимум тремя сортами духов. Ослепительно белая рубашка и черные брюки с отглаженными до остроты бритвы стрелками подчеркивали юношескую стройность фигуры.

Коля извинился за опоздание, поставил раскладушку в отгороженный простынями уголок и рванулся помогать Саблину накрывать на стол. Саблин, одним взглядом оценивший

изменения в облике Картошина, выразительно подмигнул Голубеву и, поймав момент, шепнул:

— Коля погиб!

Голубев молча кивнул: «Вижу».

Во время ужина Картошин так старательно подкладывал котлеты из медвежатины на тарелку гостю, что Саблин вынужден был вмешаться и остановить чересчур ретивого кавалера.

Галине во всех подробностях было рассказано об охоте на медведей. При этом Саблин ухитрился так построить свой рассказ, что главным героем оказался Картошин. Он несколько раз порывался вмешаться и осветить истинное положение вещей, но Саблин так свирепо грозил ему глазами, что Картошин замолкал на полуслове. Когда рассказчик перешел к описанию торжественного пиршества, Коля заерзал на своей табуретке, будто сидел на раскаленной сковородке. Но Саблин, помучив его несколько минут, деликатно умолчал о злосчастной мочалке и выразил твердую уверенность, что если в скором будущем Картошин не станет выдающимся геологом, то поваром будет отменным. Коля окончательно смутился и, бормоча что-то о необходимости освоения в таежных условиях вторых профессий, уткнулся в свою тарелку и сидел, не поднимая глаз.

Галина с удовольствием ела котлеты, смеялась шуткам брата, с любопытством поглядывала на Картошина. Когда он, не ожидая, пока все выйдут из-за стола, стал собирать грязную посуду, она взялась ему помогать. В небывало короткий срок в хозяйстве Картошина был наведен идеальный порядок, и он от имени всех благодарил Галину за помощь.

— Вам нужна хозяйка, — заявила она, вытирая сухой тряпкой высколбенный добела стол. — Мужчинам не к лицу заниматься женскими делами. Они должны искать руду, добывать зверя и птицу. В крайнем случае — готовить дрова. Пока я буду на Кара-Тайге, все хозяйственные дела беру на себя.

Картошин попытался отговорить ее от этой затеи, ссылаясь на трудоемкость домашних дел, на свой богатый опыт и на то, что ей надо отдохнуть. Но Галина, бросив на него пронзительный взгляд, наотрез отказалась от какой-либо помощи.

— Терпеть не могу, когда мужчины лезут не в свои дела, — отрезала она, прекращая разговор.

— Ну, что я говорил вам, друзья мои, пару недель назад? — спросил Саблин, обращаясь, в основном, к Картошину. — Я говорил вам, что кроме суматохи и беспокойства от моей

любимой сестры ничего не дождешься. В доказательство этого она уже берет власть в свои руки. В ближайшем будущем нас ожидает жесточайшая диктатура...

Схватившись за голову и раскачиваясь из стороны в сторону, Саблин жалобно стонал:

— Пропал священный союз холостяков. Пропала наша славная банановая республика, где люди вечно пляшут и поют, где сорок лет гудит гудок и непрерывно зовет на обед. Погибло все, и погибли все. Самый верный мой друг и последователь уже сбрил свою уникальную бороду — признак мужества и силы. Завтра он обретет всю голову, лишь бы угодить этой самозванке. Горе нам! Горе...

Подыгрывая брату, Галина обняла сзади его широкие плечи и, ласково поглаживая по голове ладонью, произнесла задушевно, нараспев:

— Ну-ну, поплачь, бородатое дитя, поплачь... Поплачь, старый бродяга. Разболтался ты здесь без присмотра, дорогой братец...

— Шутки в сторону, — сказал Саблин. — Скажи Галка, тебе здесь нравится?

— Еще бы! Лес, скалы, медведи, сказочно богатая руда и верные друзья... Это же сплошная романтика!

Саблин недоверчиво скосил на сестру глаза, но, убедившись, что она говорит серьезно, со вздохом подтвердил:

— Романтики столько, что хоть отбавляй. Только романтика трудностей — это, сестричка, тяжелое дело.

— Леня, расскажи мне, что у тебя в работе было самое трудное?

— Самое трудное? — Саблин задумался на минуту, рассеянно повторил: — Самое трудное...

Он обвел медленным невидящим взглядом комнату, не задерживаясь на лицах Картошина и Голубева, сидящих прямо против него, повернулся к сестре. У него сузились зрачки, судорожно сжались губы, а на висках вздулись вены. Пристально глядя ей в глаза, сказал каким-то тусклым голосом:

— Здесь все свои, и я тебе скажу правду, Галка: самое трудное — это компромиссные решения, которые человек принимает против совести. Мне всегда удавалось жить, не принимая таких решений, и совесть меня никогда не мучила. А недавно я покривил душой и даже Владимира Андрееча уговаривал помалкивать на балансовой комиссии. Заранее подготовился во всем подпевать начальнику экспедиции, лишь бы все обошлось гладко и меня не вышибли с Кара-Тайги.

— С твоим характером? Не может быть, Леня!

— Было, сестренка, было. Чего уж тут греха таить. Правда, эту роль я сыграть не смог: сказал все, что думал. Но от этого не легче. Все-таки что-то подленькое, шкурное было в моем поведении. И мне до сих пор тошно, когда вспоминаю, как я терпеливо выслушивал оскорбления товарища Хватова.

— Но ведь ты это делал не ради личной выгоды, а ради Кара-Тайги!

— Этим и утешаюсь... хотя утешеньице дохленькое. Кстати, на следующий день этот же Хватов, выступая на активе, повернул на все сто восемьдесят градусов и отдал дань моим рассуждениям о принципах премирования в нашей системе, упрекая меня в том, что я не до конца высказался на комиссии. При этом он и словом не обмолвился о том скандале, который разыгрался по его инициативе днем раньше. Вот ему компромиссы настроения не портят.

Напряженно-чуткий взгляд Галины вдруг вспыхнул зло-радным огнем:

— Так ему и надо! Так ему и надо!

— Кому надо? Что надо?— не понял Саблин.

— Этому Хватову. Мне сегодня на аэродроме в экспедиции женщина сказала, что от него ушла жена, и я его еще пожалела. Так ему и надо!

Саблин отвернулся и, сдерживая себя, спросил сквозь зубы:

— Это точно?

— Конечно. Говорили-то работники экспедиции: взяла она один чемодан и, не попрощавшись, уехала к родным, а этот Хватов помчался за ней вдогонку.

Саблин рывком встал, подошел к окну. Долго стоял, уперевшись лбом в холодное влажное стекло, смотрел в вязкую темень ночи.

— Будем отдыхать,— предложил немного погодя Голубев,— время позднее.

— Конечно,— поддержал его Саблин,— ложитесь, а я подожду, пока прогорят все дрова, и закрою трубу.

«Что с ним случилось!— спрашивал себя Голубев, поглядывая на инженера, сгорбившегося возле гаснущей печки.— Ведь недаром же он оборвал разговор и вскочил, как ошпаренный. Неужели?.. Ну, конечно! Эх ты слепец, слепец. Живешь среди людей и ни черта не видишь. Правильно говорил Матвеев, что бумажки мне глаза заслонили».

Он долго ворочался в спальном мешке, затем осторожно вылез из него и, неслышно ступая, на носках подошел к Саблину. Саблин не шевельнулся. Сидел молча, сосредоточен-

но глядя на тлеющие жаркие угли, на тусклый свет, пробивающийся в комнату из открытой топки.

Ничего не говоря, Голубев взял со стола и подал ему пачку папирос. Саблин вытащил папиросу, благодарно нагнул голову, прикурил от уголька. В доме было тихо. Чуть слышно пошаривал во сне Картошин, да где-то под полом скреблась мышь.

Дрожавшие синеватые огоньки тухнувших углей вспыхивали по-одному, а иногда все разом, неровно освещая хмурое лицо инженера, и постепенно гасли, сгущая темноту. Голубев молчал, не зная, как начать, боясь обидеть Саблина непрошенным вмешательством. Молчал и Саблин, но глаза его выдавали душевную боль.

Было далеко за полночь, когда догорел, искристо вспыхнув, последний уголек, а они еще ничего не сказали друг другу. Голубев встал осторожно, чтобы не разбудить спящих, закрыл задвижку, нагнулся к Саблину, спросил осторожно:

— Что надо, Михайлыч? Может быть, пойдешь в отпуск?

— Спасибо, Андреич. Нельзя — там Хватов.

— Понял, молчу. Когда будет нужно, скажи. Отпущу сразу.

Стыла в ночном безмолвии спящая Кара-Тайга, чутко дремали густые кедры и пихты. Только горные речки на перекатах вели свой бесконечный разговор, торопясь в ожидании близких морозов вырваться из цепких объятий гор.

В Снежном давно заглушили движок, и поселок уснул. Бодрствовала ночная смена в дробилке, да не спал Саблин.

До утра он искурил пачку папирос. Часто вставал, пил жадными глотками холодную воду, словно заливая полыхающий в груди огонь.

Слабый свет нарождающегося дня поглубил снега на вершине Кара-Тайги, несмело толкнулся в окна дома, когда Саблин принял окончательное решение: «Мне без нее не жить. Любым способом узнаю адрес и при первой же возможности лечу к ней».

Глава XXII

Следуя совету Голубева, Саблин с помощью Картошина вынес на местность и обозначил высокими вешками шурфы, намеченные к проходке в зимних условиях.

— Ты был прав, Владимир Андреич, — признался он, разворачивая на столе потрепанный план участка. — Теперь работать будет намного легче: не надо мерзнуть и таскаться с рулеткой по участку. Надписи сделаны на каждой вешке. Шурфы мож-

но задавать, не выходя из конторы. Смотри, как ловко получилось.

Голубев подошел к столу, глянул на план, одобрительно кивнул.

— Радуюсь вместе с тобой, Михайлыч. Мы долго мучились на Царь-Камне, пока не додумались вот так готовить к зиме участки. Геологи и мастера не один раз скажут тебе спасибо за эту работу.

— Проходчики тоже будут довольны,—добавил Картошин,—сейчас уже все переведены на проходку шурфов, и сетка на местности будет экономить время.

— Значит, с канавами до весны покончили,—обрадовался Голубев.—Ну, молодцы! Надеюсь, что к концу года выполнение плана по всем видам работ будет обеспечено.

— Да нет, Владимир Андреич,—пояснил Саблин,—не совсем покончили. Одну канаву на самом крутом склоне неожиданно взялся проходить Снегирев с сыновьями. Он буквально выпросил у меня эту канаву, несмотря на то, что везде уже лежит снег. Обещал закончить ее за неделю, но я вчера был на участке и обнаружил, что старик со своей артелью занимается совсем другим делом.

И Саблин рассказал, что Снегирев, вместо того, чтобы сосредоточить все силы на проходке канавы, целыми днями строит в вершине незамерзающего ключа огромную плотину. Появлением Саблина за два дня до назначенного срока старик был очень недоволен и сильно рассердился. Но потом сменил гнев на милость и объяснил, что канаву он будет проходить новым способом. Для этого он построил плотину. Канаву верхним концом будет начинаться недалеко от будущего водоема. Если собрать побольше воды, разбурить вручную наносы по всей длине канавы и взорвать их сразу сильными зарядами взрывчатки, а потом бросить по разрыхленной земле крутого склона всю массу собранной воды, то канаву будет пройдена мгновенно. Поскольку плотина была уже готова, Саблину ничего не оставалось, как согласиться на этот эксперимент. Он уже выписал взрывчатку, и сегодня в его присутствии будет произведен взрыв.

— Если сможешь, пойдем вместе,—попросил он Голубева, закончив рассказ.—В случае удачи этот способ сулит нам небывалые перспективы. Крутых склонов у нас хватает, а воду собирать необязательно в запрудах. Я уже придумал, как можно это сделать. Нужен разборный водоем из непромокаемой ткани и мощный насос, чтобы подавать воду по трубам в любую точку месторождения. Предложение старика—это на-

стоящий переворот в нашем деле. Зимой, конечно, ничего не получится, но летом можно повысить производительность на проходке в рыхлых породах в несколько раз.

На подходе к участку они услышали сильный взрыв.

— Постарался взрывник,— отметил Саблин,— рванул на всю мощность своей машинки: зарядов сорок одновременно.

Как бы подтверждая его слова, через короткий промежуток времени прогремели второй и третий взрывы. Пока они добрались до места работ, взрывник успел еще несколько раз тряхнуть старую Кара-Тайгу. Недалеко от будущей канавы их встретила дочь Снегирева, стоявшая в охране.

— Подождите малость,— предупредила она Голубева,— сейчас пальнут еще разок, и можно идти на место.

Последний взрыв они уже не только слышали, но и видели: огромная туча разорванной в клочья земли и камня поднялась в воздух, неподвижно зависла на миг и с глухим шумом рухнула на снег.

Три раза коротко свистнул взрывник, и они пошли вперед, осторожно ступая с камня на камень.

Возле запруды, перегородившей бойкий ручей, хлопотал Афанасий Егорович. Трудом всей семьи удалось собрать большое количество воды, и сейчас он готовился к тому, чтобы сбросить ее сразу в нужном направлении вниз по крутому склону. Там, на снежно-белом склоне Кара-Тайги чернел длинный рваный ров. Верхний конец его упирался в краевую часть плотины, и только тонкая перемычка отделяла воду от будущей канавы. Снегирев, никому не доверив последний момент, сам кайлил плотную породу со стороны канавы. Блестящий конец длинно оттянутого кайла безошибочно находил слабые места между камнями и, казалось, совсем легко выворачивал крупные их глыбы.

Снегирев на секунду поднял голову, кивком поздоровался и снова сгорбился в узкой щели. Несмотря на холодную погоду, он был в одной рубашке, мокрый от пота. Продолжая кайлить породу, Афанасий Егорович подозвал взрывника:

— Заряд готов?

— Давно готов.

Снегирев положил на край щели кайло, по-молодому шустро подтянулся на руках и выскочил на поверхность.

— Действуй!— приказал он взрывнику, набрасывая на плечи старенький ватник, аккуратно заштопанный во многих местах, и обратился ко всем сразу:

— Пошли, ребята, отсюда подальше. Сейчас будет самое интересное.

Сопровождаемые свистом взрывника, они торопливо спустились по склону и спрятались за скалу, из-за которой хорошо было видно место взрыва. Оттуда выпрыгнул взрывник, пошел вдоль протянутых по склону тонких проводов. Вот он нырнул под каменную плиту, выглянул, как суслик из норы, убеждаясь, что людей вблизи нет, и протяжно свистнул два раза подряд. Сравнительно негромко прозвучал одиночный взрыв, поднимая тонкую перемычку, и стена воды хлынула вниз по склону. Грязный клубящийся поток стремительно пронесся по намеченному взрывами контуру канавы, сметая на своем пути разрыхленную землю. Отмытая до блеска руда встретила людей.

— Ну, как?— лукаво щурясь, спросил Снегирев.— Пойдет мой способ?

— Обязательно пойдет!— закричал Саблин, обнимая старика.— Я не ждал, что так здорово все получится.

— Ну, вот, слава труду, и пригодился я вам, ребятки,— улыбнулся Снегирев,— а нормировщику зла наделал.

Он громко засмеялся и объяснил:

— По этой канаве, даже если не считать кубики, которые выбросили взрывы, нормы выработки выполнены на пятьсот процентов. Этого нормировщик не переживет. Его сегодня кондрашка хватит, когда он узнает, что Снегирев перевернул вверх ногами все нормы.

— Не хватит,— успокоил его Голубев, наблюдая за Саблиным, который уже спустился в канаву и энергично стучал молотком, отбивая образцы руды.

— Услеть бы опробовать, пока стоит погода,— крикнул он, удаляясь вниз по канаве.

— Успеем,— отозвался Снегирев,— инструмент уже здесь. Размечай пробы, Михайлыч, а мы навалимся всей артелью.

Саблин быстро прошелся с молотком по всей канаве, вернулся и стал намечать мелом пробы. Голубева он направил в поселок, попросив срочно прислать двух техников, чтобы они сегодня же задокументировали всю выработку.

— Советание по подготовке годового отчета перенесем часов на восемь вечера,— крикнул он Голубеву вдогонку,— раньше мы не вернемся.

Прощаясь возле опустевшего водоема со Снегиревым, Голубев крепко пожал ему руку, сказал восхищенно:

— Спасибо за науку, Афанасий Егорыч. Вы действительно знаток горного дела!

— Искусства,— поправил Снегирев и улыбнулся устало.— Вот если доживем до следующего лета и будем проходить все

канавы таким способом, это уже будет настоящее дело. Надеюсь на тебя и Михайлыча. Обдумайте все как следует, а я всегда рад помочь.

— Постараемся,— твердо пообещал Голубев.

Совещание, намеченное на восемь часов, задержалось, потому что опаздывал Саблин. Геологи азартно стучали костяшками домино, доигрывая пятую партию, когда в отделе появился главный инженер. В этот вечер он сменил обычную потрепанную одежду на новый темно-синий костюм и белую рубашку с черным галстуком. Аккуратно расчесанная борода лоснилась и благоухала одеколоном. Торжественно-неприступный вид главного инженера произвел впечатление. Все присутствующие невольно подтянулись, построжились, рассаживаясь на длинных скамейках.

Голубев начал с того, что попросил геологов высказать все предложения, касающиеся годового отчета, а также все требования по снабжению.

— Даже такие мелочи, как незаказанные вовремя чертежные перья или резинки, вызовут массу неприятностей,— сказал он в заключение.— А самолеты летают не каждый день и не в любую погоду. Поэтому сегодня надо предусмотреть все.

Первый выступил Саблин. Был он необычайно серьезен и собран. Говорил напористо и зло:

— Отчет — венец всех наших работ. Он является фундаментом будущего проекта. На хорошем фундаменте, как известно, строить можно легко и надежно. Наше месторождение отличается необычайно неравномерным распределением титана, и нужна повышенная внимательность при обработке материалов опробования. Прошу всех участников прочувствовать важность задачи.

Саблин сел, потянулся к открытой пачке папирос, взял одну, но курить не стал. Задумчиво разминая папиросу, сказал просто, по-домашнему:

— Люблю чертежи. Хороший чертеж расскажет знающему человеку быстро и точно то, о чем не скажут десять страниц текста. Терпеть не могу авторов—любителей текста. Особенно тех, которые прикрывают незнание материала или боязнь ответственности гладкими обтекаемыми словами: «возможно», «вероятно», «предположительно» и так далее и тому подобное.

Он закурил, обвел взглядом слушателей, усмехнулся:

— Их много, этих хитрых слов. За ними легко спрятаться в случае неудачи и претендовать на роль пророка в случае успеха. И в том и другом случае всегда можно сказать: «А я же говорил!»

Саблин строго глянул на фыркнувшего Картошина, согнал с лица усмешку. Теперь он говорил, словно командовал строем:

— Поэтому основой отчета будут чертежи. В текстовой части главным образом — цифровой материал. Каждое скользкое слово буду вычеркивать беспощадно. Мы — инженеры, а не хироманты. Нам не к лицу гадать: то ли будет, то ли нет. Фактический материал должен быть положен в основу прогнозного. Последний строить строго по формуле: «да», «нет». Наше мнение должно быть конкретным по всем позициям. Любой вывод должен быть точным и обоснованным. С ним могут не согласиться, но пусть про него не говорят, что это «на воде вилами писано».

Главный инженер внимательно оглядел присутствующих, на секунду задержал взгляд на Картошине и добавил:

— Считаю полезным для дела поручить окончательную отработку чертежей в туши Николаю Васильевичу Картошину. У него исключительный чертежный почерк, а красиво оформленный чертеж — гарантия, что его внимательно прочтут.

Польщенный Картошин покраснел и начал протирать платком и без того чистые стекла очков. Как у многих близоруких людей, снявших очки, взгляд Картошина сразу стал робким и беспомощным. По внезапно вспотевшему лицу разлилась счастливая улыбка. Он встал и неожиданно для всех поклонился:

— Ребята... Я оправдаю... Леонид Михайлович, вы не волнуйтесь: я все, что только можно...

Саблин сурово нахмурил брови, пряча смеющиеся глаза, и строго официально закончил:

— Надеюсь, что обычная рассеянность товарища Картошина на эту работу не повлияет.

— Можете быть спокойны, товарищи, все будет выполнено качественно, на уровне мировых стандартов, — торжественно заверил Коля, оправившись от смущения.

Распределение обязанностей по подготовке отчета много времени не заняло. Зная о том, что никто из участников совещания в составлении отчетов ранее не участвовал, Голубев посчитал необходимым рассказать о сложности и трудоемкости этого дела, о том, что эта работа требует максимального внимания и прилежания. Иногда она кажется исполнителям нудной и скучной, особенно, когда приходится по несколько раз подряд пересчитывать цифровые материалы для контроля. К этому надо быть готовыми. Надо заранее оговорить и то, что геологи, занятые составлением отчета, как правило, не укладываются в обычное рабочее время дня и прихватывают вечера и часть ночи. О выходных днях лучше всего сразу

забыть. Официально эти переработки ничем не компенсируются, потому что администрация всегда ссылается на такую неопределенную формулировку, как «ненормированный рабочий день», и предоставляет отдых только за выходные дни. Оснашивать бюрократов бесполезно. Формально они будут всегда правы. Поэтому, во избежание лишней нервозности, искать незаконных прав не следует, а лучше договориться полюбовно о том, чтобы всем предоставить отдых после подготовки отчета в разумных пределах.

Совещание совсем утратило официальный характер и перешло в простую дружескую беседу. Все закурили, заговорили громко. Кто-то спросил:

— Владимир Андреич, расскажите о тех отчетах, которые вы составляли.

Голубев улыбнулся и объяснил:

— Настоящий отчет одному человеку в обычный срок никогда не сделать. Отчет — это кропотливый труд коллектива, и каждый самый незначительный исполнитель должен считать себя автором наравне со всеми остальными. Леонид Михайлович абсолютно прав, и я полностью разделяю его мнение о том, каким должен быть хороший отчет.

Отчеты, в составлении которых пришлось мне участвовать, особых замечаний не вызвали.

— А если мы напишем плохой отчет? — спросил Картошин.

— Для геолога — это позор на всю жизнь. Отчеты, как правило, хранятся в архивах. Ими пользуются спустя много лет, и никто не позавидует авторам, написавшим плохой отчет.

— Вы видели такие отчеты?

— Видел. Вот, к примеру, не так давно был сдан отчет по поисково-съемочным работам. Первый лист этого произведения целиком посвящен восхвалению научных сотрудников института, консультирующих эту работу. Затем следует восторженное описание природы. На нескольких страницах в красочной форме описывается растительность и животный мир района работ. На основании этого даже сделан один потрясающий своей глубиной вывод: «В реках водятся хариусы. Значит, реки — горные».

Геология района описана так туманно и расплывчато, со столькими ссылками на предыдущих исследователей, что inevitably возникает вопрос: что же делали авторы в поле? Занимались ли они изучением геологического строения района или только читали труды своих предшественников.

В главе «Полезные ископаемые» они красочно описывают многочисленные находки обломков марганцевых руд и бокси-

тов, известные по предыдущим отчетам. Но не только в этой главе, а и во всем отчете нет ни одного слова о процентном содержании металла в рудах, не приводится ни одного результата химического или спектрального анализа. В конце отчета помещены две рецензии, написанные научными сотрудниками института. Рецензенты не скупаются на похвалы авторам и предсказывают им великое будущее. Отчет оценен как хороший. А последняя, третья рецензия, которую писал простой инженер нашего управления, вдребезги разносит незадачливых авторов и их консультантов. Этот инженер пишет следующее: «Геолог, нашедший полезные ископаемые и не отобравший пробы, описывающий руды и не интересующийся процентным содержанием металла в них, недостойн называться геологом». Начало отчета, где авторы восхваляют рецензентов, и рецензии, в которых превозносятся авторы, невольно заставляют вспомнить слова из басни Крылова:— «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Вот чем кончаются подобные отчеты. К счастью, их немного, но они есть. И попасть в число таких авторов я никому не пожелаю.

Будущие авторы первого отчета по Кара-Тайге разошлись по домам, а Голубев задержался, чтобы составить заявку на необходимые материалы.

Глава XXIII

В столовую к ужину Голубев опоздал и поэтому был сердит на себя и на всех. Поднимаясь по ступенькам крыльца, он представил себе, что сейчас надо идти за дровами, принести воды и до позднего вечера хлопотать возле печки.

— Андреич, поверь глазам своим!— встретил его радостный Саблин и повел за руку к столу.

Широкий самодельный стол был уставлен от края до края железными тарелками с ветчиной, сыром и копченой колбасой. В самом центре— огромная миска, полная румяных крупных яблок, и рядом с ней— узкогорлая длинная бутылка сухого вина.

— Откуда такая благодать?— спросил Голубев, жадно оглядывая роскошный стол.

— Посылка от мамы Картошина, по случаю дня рождения Коли,— торжественно сообщил Саблин,— и даже вино.

— Именно в этом мама сделала большую ошибку,— перебил Боженятов, выходя из дальнего угла на свет,— вот если бы она ту же емкость наполнила спиртом...

Он был необычайно возбужден и за столом много смеялся, подшучивая над Картошиным и Саблиным.

Прощаясь, задержал на мгновение руку Голубева, попросил:

— Отпусти меня, Владимир Андреич, в город. Надо малость проветриться. Письмо получил от родственников. Зовут к себе в гости.

— Дело за самолетом,— ответил Голубев, поеживаясь от холодного воздуха, хлынувшего в открытую дверь. Его слегка познабливало и клонило ко сну.

Саблин включил радио и пригласил Картошина сыграть в шахматы.

Заканчивая вечернюю передачу последних известий, диктор картонным голосом сообщил: «Сегодня по южным районам Западной Сибири была безоблачная ясная погода, ветер западный, 7—12 метров в секунду. Температура 5—7 градусов мороза. Завтра ожидается переменная облачность, местами кратковременные осадки в виде снега. Ветер юго-западный, 10—15 метров в секунду. Температура 12—15 градусов мороза».

Явно опережая прогноз, над Кара-Тайгой в момент передачи разыгралась пурга. Сырой липкий снег шел всю ночь. К утру резко похолодало, и низкие черные тучи медленно поползли вверх, разрываясь на части, открывая в просветах бледно-голубое небо. По всему горизонту отчетливо виднелись посеребренные снегом вершины гор. Ветер почти утих и только изредка бил по тайге короткими сильными ударами, ломая сухие сучья, осыпая с деревьев тяжелые комья снега.

Голубев плохо спал в эту ночь, его знобило, болела голова, ныли суставы. На рассвете он разбудил Саблина:

— Михайлыч, проводи, пожалуйста, раскомандировку сам, а я полежу часика два.

Саблин долго не возвращался, и Голубев начал беспокоиться: «Не случилось ли чего-нибудь за ночь?»

Болезненно морщась, он вылез из спального мешка, оделся, растопил печку и снова лег.

На крыльце застучали тяжелые сапоги. Первым в комнате появился фельдшер, за ним Саблин.

— Ну, Михайлыч, это ты, наверняка, перестарался,— недовольно заворчал Голубев, пожимая руку Косову.— Не такой уж я больной, чтобы беспокоить медицину.

— А об этом пусть нам скажет представитель медицины. Может быть, ты просто симулируешь и поэтому стонешь всю ночь так, словно из тебя тянут жилы.

Озабоченно хмуря редкие белесые брови, Косов шагнул к окну, повернул к свету термометр.

— Ничего страшного. Тридцать семь и семь для вас, товарищ начальник,— пустяки. Но денька два рекомендую поберечься. Таблетки я сейчас принесу.

— Спасибо, доктор,— сразу повеселел Голубев,— не стоит беспокоиться — все пройдет само собой.

— Конечно пройдет,— горячо поддержал Саблин,— при условии, что ты, Андреич, в эти дни будешь отдыхать дома. Дровишки готовые есть. Топи печку, валяйся на раскладушке, а я сейчас смотаюсь в Кедровку и привезу к вечеру бутылку водки. На ночь ты выпьешь стакан, и к утру вся болезнь исчезнет.

— Постой, постой,— насторожился Голубев,— зачем в Кедровку? У тебя здесь дела нет или времени свободного много?

Он привстал с кровати, крепко взял Саблина за плечо, придвинулся вплотную. Заглядывая в глаза, спросил:

— Что случилось?

Карие чистые глаза Саблина метнулись в сторону, толстые красные губы дрогнули в улыбке:

— Да ничего особенного. Получили радостное известие. Очевидно, в управлении очень интересуются северной частью месторождения и торопят Хватова с отправкой готовых проб. Читай.

Он протянул Голубеву радиограмму. Крупные торопливые буквы разбежались по всему бланку:

«—Голубеву. Связи наступлением зимы вашем районе сегодня самолет сделает последний рейс колесах. Личную ответственность обеспечьте сегодня отправку всех готовых проб северной части месторождения. До установления снежного покрова городском аэродроме перестановки самолетов лыжи вам рейсов не будет. Хватов».

«Повезло Боженятову,— подумал Голубев,— отправлю его сопроводжать пробы, и заодно навестит своих родственников».

— Спасибо, Леонид Михайлыч, что ты меня пожалел и захотел подменить. Но не такая это болезнь, чтобы лежать в постели. У тебя сейчас и своей работы хватит. Насколько я понимаю, этот снег уже не стает, и буквально сегодня надо успеть опробовать до конца канаву, пройденную Снегиревым. Еще день, два — и мы бросим неопробованный забой до следующего лета.

— Но ведь ты...— попытался спорить Саблин.

— Я еду в Кедровку,— отрезал Голубев,— и, если будет нужно, задержу самолет, пока не подвезут пробы.

— Пробы готовы. Их уже выючат. Задержка только с заказом. Картошин заканчивает оформление.

— Отлично. Я беру с собой Боженятова. Он полетит и сдаст пробы. Надеюсь, что Картошин догонит нас на аэродроме. Мы с ним вернемся вечером. В крайнем случае, я задержу самолет до его приезда.

Картошин не заставил себя ждать. Он прибыл на аэродром, когда Голубев и Боженятов развьючивали лошадей. Высоко подпрыгивая в седле, Коля проскакал мимо склада Королевы Марго и резко осадил коня перед Голубевым. Картинно изогнув шею, разгоряченный конь заплясал на месте, часто перебирая тонкими ногами, прося повод.

Боженятов подтолкнул локтем Голубева и, улыбаясь уголками большого рта, указал глазами на Картошина.

Тот лихо спрыгнул на землю, шагнул к Голубеву, держа лошадь на коротком поводу.

— Заказ оформлен,— доложил он, протягивая пакет,— на две тысячи проб.

Втайне любясь бравым видом Картошина, Голубев сурово нахмурил брови, принял пакет.

— Благодарю.

Развязывая веревку, соединяющую выючные сумы, он искося наблюдал, как Картошин сноровисто отпустил подпруги и разнуздал лошадь. С видом бывалого кавалериста он достал из кармана два кусочка сахара и подал коню на раскрытой ладони. Конь взял нежными, бархатистыми губами сахар, захрустел, благодарно помахивая головой.

Обещанный самолет сильно запаздывал. Они успели разогреть на маленьком костре банку тушенки и закусить. Голубев ел нехотя, отодвигая жирное мясо, с трудом глотая кусочки хлеба, смоченные мясным соком. Он часто поглядывал на небо, отмечая про себя с тревогой, что вершины гор уже наглухо закрыты снеговыми облаками.

Разделяя опасения Голубева, Боженятов явно нервничал. Он много курил, зажигая одну папиросу за другой, и хмуро молчал.

Картошин принес охапку хвороста, сел поближе к дотопавшему костру, подбрасывая в огонь мелко изломанные прутья.

— Погода портится, Владимир Андреевич,— сказал он, вопросительно поглядывая на Голубева.— Не пойти ли нам в заезжий?

— Подождем здесь. Летчики не подведут.

— Черт бы их драл, этих летчиков,— вскипел Боженятов,— в кои веки раз донелось человеку слетать в город, а они не летят, как назло.

Самолет появился неожиданно и с той стороны, откуда его не ждали.

— Давайте быстрее груз,— торопил пилот,— перевал уже закрыт. Я прошел стороной, речными долинами. Боюсь остаться у вас на зимовку.

— Улетим, командир, не бойся,— подбадривал его Боженятов, укладывая тяжелые вьючные сумы в самолет,— со мной не пропадешь. Я — счастливый.

Он взял у Голубева пакет, спрятал во внутренний карман пиджака.

— Счастливо оставаться, ребята!— он, прощаясь, поднял руку.

Будто в ответ с ближайшей сопки один за другим прогремели два выстрела. Все повернулись туда, как по команде. На заснеженной плоской вершине отчетливо виднелся всадник с ружьем в руках. Видя, что его заметили, он выстрелил еще раз и поднял коня в галоп.

— Подождите,— обратился Голубев к пилоту,— что-то случилось.

Взметая снежную пыль, лошадь быстро приближалась. Голубев ясно видел летящую по ветру длинную черную гриву и припавшего к ней человека с ружьем в правой руке.

Благополучно миновав пологий склон, лошадь выскочила на посадочную полосу и пошла еще быстрее, роняя с боков и морды клочья пены.

— Чей самолет?— крикнул всадник сорванным голосом, прыгивая с лошади в снег.— Беда у нас: покалечили хлопца на лесоповале.

Он выругался и продолжал спокойнее:

— Сыграла пихта на своем пеньке, скользнула, подлюка, и сломала вальцику обе ноги. Вся надежда на самолет.

— Где он?— спросил Голубев, чувствуя, что у него мелкой дрожью дрожит рука и дергается левая щека.

— Везут на носилках. Тут с километр, не больше. Я как услышал самолет, так махнул напрямик через сопку, а они по дороге идут у подножья. С большим ведь не разгонишься.

— Что будем делать?— обратился Голубев к пилоту.

— Если у него сломаны ноги, то заберу только пострадавшего.

Матерясь шепотом, Боженятов уже выбрасывал из самолета на снег вьючные сумы с пробами.

— Владимир Андреич, а как же мы теперь с пробами?— спросил Картошин.— У нас две тысячи штук. Самая богатая руда в этих суках.

— Эх, Коля, Коля. Да будь там чистое золото, и то бы мы его сейчас сгрузили. Унесем в склад к Коровиной, а потом что-нибудь придумаем.

В дальнем конце взлетной полосы показалась группа верховых. Самодельные носилки из длинных жердей и куска брезента, укрепленные между двух лошадей, идущих гусем, покачивались на ходу. Сопровождающие ехали молча. Так же молча они спешили у самолета и сняли носилки. На них лежал молодой коренастый парень. Русые выющиеся волосы выбились из-под шапки, прилипли к мокрому от пота лбу. В больших голубых глазах было столько боли и муки, что Голубев сразу отвел взгляд.

Сильные пальцы лесоруба намертво впились в жерди носилок. Их разжали с большим трудом. Самодельные шины из грубой древесной коры сделали тело неуклюжим, и укладывая его в маленький самолет, люди невольно причиняли больному новые страдания. Он покраснел от напряжения и закрыл глаза.

— Крепись, Петро, все будет в порядке,— прощаясь, сказал кто-то,— мы с тобой еще походим по тайге.

Когда самолет, скользнув под самой кромкой облаков, скрылся вдаль, люди зашевелились, тихо заговорили.

— Вот это — человек! — взволнованно сказал Картошин.— Даже не застонал ни разу.

— Парень — крепкий, — поддержал его один из сопровождающих, — весь в отца.

Порыв холодного ветра поднял с земли тучу снега и понес по площадке, заметая следы.

«Вершины закрыты, видимости почти нет, и самолетов, конечно, не будет, — решил Голубев.

— Пошли в заезжий, — предложил он, — будем думать.

В тепле у Голубева снова заныли суставы, тупая давящая боль охватила голову. Он сел поближе к открытой духовке и, грея озябшие пальцы, безразлично следил за тем, как Боженинатов резал хлеб и заваривал чай. Рядом с ним хлопотала Дымочка, доставая из большой стеклянной банки малиновое варенье.

Голубеву хотелось плюнуть на все и уехать сейчас же на Кара-Тайгу. Но какая-то надежда удерживала его здесь.

«Как же теперь отправить пробы? — сверлила больной мозг неотступная мысль. — Зимней дороги еще нет. Идти летним путем нельзя — броды сейчас непроходимы. Если не утонешь, то наверняка заморозишь и людей и лошадей.

По берегам реки уже забереги, и спускаться на лодке опасно. Но это, пожалуй, единственно возможный путь».

Обжигаясь, пили крепкий чай с вареньем.

Дымочка, несмотря на неоднократные приглашения, к столу не села. Она удалилась в свою комнатушку и, напевая себе под нос какую-то ультрамодную песенку, устроилась перед зеркалом.

Через приоткрытую дверь было видно, как она сняла бигуди и стала расчесывать редкие рыжие кудри, пытаясь соорудить пышную прическу.

Постояльцы выпили чай и съели все, что было на столе, а Дымочка продолжала вертеться перед зеркалом.

— Дуся, ты когда кончишь штукатурно-малярные работы?— не вытерпел Боженятов.— Чего ты липнешь к зеркалу? Красивее уже не станешь.

Не поворачиваясь, Дымочка через зеркало подмигнула Боженятову и кокетливо повела плечом.

— Нам нельзя ждать милостей от природы, Витенька,— напевно протянула она и опять подмигнула,— наша задача — отвоевать их любой ценой.

— Ну, на это вы — мастера,— подтвердил Боженятов уважительно.— А куда это ты все-таки собираешься, если не секрет?

— На именины к Марусе Коровиной. Там сегодня половина Кедровки гулять будет. Вы уж тут хозяйничайте без меня, а я пойду.

Голубев неожиданно для себя рассмеялся. «Кому что, а курице — просо»,— вспомнил он старую поговорку.

Дымочка закрыла дверь в свою комнату и повесила большой замок.

Боженятов быстро вымыл посуду, вытер клеенку и подсел поближе к Голубеву.

— А что, если попробовать нанять лодку, товарищ начальник? За два дня можно сплавиться до устья, а там дорога...

— Боюсь, что сейчас никто не отважится плыть по реке. Если мороз к утру усилится, на плесах станет лед. Кому охота рисковать жизнью и лодкой!

— Разреши попробовать,— не сдавался Боженятов,— иначе закаляться мне здесь не меньше месяца.

— Пробуй,— согласился Голубев,— может быть, найдется какой-нибудь смельчак.

Осенний пасмурный день клонился к вечеру, когда в заезжем громко хлопнула дверь и на пороге затоптался Боженятов, сметая с сапог снег.

— Дохлое дело, Владимир Андреич,— никто не соглашается. Почти весь поселок пьянствует у Королевы на именинах. Я тоже прихватил бутылку. Может, шарашнем с горя?

От Боженятова сильно попахивало спиртным, черные глаза задорно блестели.

— Я вижу, ты уже **шарашнул**,— с досадой сказал Голубев,— эту оставь на ужин. **Выпьем** на сон грядущий. Нам теперь больше ничего не остается. Может быть, **развеселимся**.

Боженятов неожиданно рассмеялся.

— Ты чего?

— «Каждый веселится по-своему»,— сказал черт, снимая штаны и садясь в крапиву,— горько пошутил он.— Будем ждать у моря погоды. Для полного уюта нам не хватает света.

Он снял с лампы слегка закопченное стекло и вышел в сени. Голубев по-прежнему жался к духовке. Его сильно знобило, и он с трудом держался на ногах.

«Надо выпить водки,— думал он, слушая, как гудит ветер в печной трубе,— может, тогда перестанет лихорадить».

— Ну куда ты прешь, старина?— глухо донеслось из сеней.— Тебе сказано, что начальник болен. Ему **отдохнуть** надо. Какое у тебя может быть к нему дело?

— Это я ему сам скажу, **добрый молодец**,— прогудел сочный бас.

— Владимир Андреич, тут к тебе какой-то дед из местных,— недовольным тоном сообщил Боженятов, неся в протянутой руке лампу.

В неярком свете керосиновой лампы Голубев увидел **кряжистого старика** в высоких **болотных сапогах**. Голенища сапог были отвернуты вниз.

«Как у мушкетеров»,— вспомнил Голубев картинку из книги.

Старик подошел ближе и вдруг **низко поклонился**.

— Спасибо тебе, начальник, за **Петьку**,— сказал он с чувством,— дай бог тебе здоровья.

От старика пахло рыбой, **свежим снегом** и дегтем.

Что-то знакомое **почудилось** Голубеву в лице старика, обросшем густой русой **бородой**.

«Где я его видел?»— старался он вспомнить, **напрягая** память.

— Отец я Петькин,— продолжал старик **громко**,— того самого, которому ты самолет **отдал**. Рыбачил я **сегодня** внизу по ямам и не знал, что дома такая беда. А когда **вернулся**, старуха мне все и обсказала. Говорит: «Приходил какой-то чер-

нявый, похожий на цыгана, просил лодку». — Ну я и подумал: не тебе ли лодка нужна?

— Нужна лодка вот так, — Голубев резанул по горлу ребром ладони, — и лодочник нужен — сами не сплавимся.

— Считай, что все у тебя есть, мил человек, — усаживаясь на скамейку, заявил дед, — я сроду ни у кого в долгу не был. Реку знаю от истоков до устья. Хаживал еще с батюшкой, царство ему небесное, не один раз. И не один раз был бит за ротозейство. Зато теперь знаю каждый камень и умею его обойти по любой воде. Кого дашь мне в помощники?

— Сам пойду. Я уже раз спускался здесь в сентябре.

— Ноябрь — не сентябрь, голуба душа, и я тебя такого не возьму. Вон как у тебя губы обметало и глаза блестят нехорошо.

— Да я...

— А ты не спорь со мной. Река сильная и любит сильных. Ты меня извиняй, но ты нам помехой будешь. Давай мне вот этих молодцев, — старик кивнул на Боженятова и Картошина, — и, если они не сдрейфят, все будет в порядке. Сплавимся до самого устья, а лодку я там оставляю у кума на всю зиму. Сколь у тебя груза?

— Двести килограммов.

— Нормально.

— Спасибо тебе, отец.

— Не за что, сынок, я тебе по гроб жизни обязан. Скомандуй-ка своим ребятам, чтобы взяли у меня в сумке рыбу да сварили на ужин ушицы. Я захватил тебе десятка два хайрюзов. Шибко вкусная рыба. И полезительная.

— Оставайся, батя, — пригласил Боженятов, — у нас водка есть.

— Благодарю на добром слове, но перед таким делом мне пить нельзя ни в коем случае. Я если сегодня пить начну, то через неделю кончу. Вы тоже здорово не накачивайтесь — река хмельных не жалует.

Глава XXIV

Водку Картошин пить не стал. Узнав, что Голубев согласен отправить его на лодке, стал необыкновенно строг и серьезен. У него был такой важный вид, словно он глубоко вздохнул и забыл выдохнуть.

— Ну, ладно, — дружелюбно усмехаясь, пошутил Боженятов, — нам больше останется.

Налил полный стакан, подал Голубеву.

— Твое здоровье, начальник.

Запашистая уха из свежих хариусов была вкусна и навариста, но Голубев съел всего несколько ложек. Выпитая водка сбила озноб и теплой пеленой окутала мозг. Он с трудом добрался до койки и уснул сразу, как только лег.

— Счастливого плавания,— поднял Боженятов второй стакан,— семь футов воды под килем.

— Хватит, Виктор Иванович,— попытался остановить его Картошин,— ведь завтра с утра плыть надо.

— Знаю. И ты, Коля, не психуй. Помнишь, как в песне: «Моряк, будь смелым, не сядь на медь. Чем крепче нервы, тем ближе цель». Ложись и спи спокойно. Для Боженятова одна бутылка что слону дробина.

Голубев проснулся часа через три от острой боли в суставах. Через завесу ресниц он увидел яркое пламя в открытой печке, светлые блики, пляшущие по белой стене, и полуголого Боженятова, сидящего на полене против топки. Острым ножом Боженятов энергично щепал лучину на растопку. По груди его в отблесках пламени наколотый цветной тушью плыл корабль под парусами, ныряли в волнах русалки и орел нес в когтях красавицу, которую украл в чем мать родила. На мускулистых смуглых руках гадюки и кобры обвивались вокруг крестов и кинжалов.

— Беспокойный ты человек, Виктор Иванович,— поднимаясь, сказал Голубев,— весь день на ногах и ночью дело себе нашел.

Боженятов на мгновение замер, ожидая продолжения, а потом, отчаянно тряхнув головой, сказал вполголоса:

— Мне, Андреич, сейчас иначе нельзя. Если я шевелиться не буду, то чокнусь от своих думок. Я раньше в вине пробовал их утопить — не вышло; в геологию подался, чтобы по тайге растерять — не получилось. Одно спасение — работать до упаду, пока сон с ног не шишет. Все думают: Витька — трезвач, Витька — насмешник, Витька — баламут.

Голос его дрожал. Он выругался сквозь зубы и постучал кулаком по разрисованной груди.

— А что здесь делается, вы знаете? Ни черта вы не знаете! У меня здесь стон горит, и потушить его ничем нельзя.

— Расскажи, если не секрет,— мягко попросил Голубев,— может, легче станет.

Боженятов исподобья стрельнул глазами на Голубева, шёл-мал сочувственный взгляд, потянулся к столу за пачкой сигарет.

— Завтра отплываем, Андреич. Я сам тебя в это дело втравил. Но чем оно кончится, известно одному господу богу, а

поскольку его нет, то никому не известно. В другой раз я бы про это и говорить не стал, а сегодня должен.

Тупая, нудная боль шла по телу Голубева волнами. Достигая головы, она давила лоб, мешала смотреть и слушать. Не ясно, будто сквозь сон, он слышал о том, как Боженятов в раннем детстве лишился родителей, как связался с беспризорниками и попал в детский дом, как воевал с фашистами, а потом вернулся в Сибирь и женился. Голос рассказчика звучал глухо и доносился, казалось, издалека. Когда боль отступила, Голубев увидел, что рассказчик сидит, привалившись спиной к стене, и смущенно улыбается.

— Я ведь тебе, Владимир Андреич,— начал он, словно оправдываясь,— не все сказал, когда в город просился: не в гости к родственникам я собрался, а к жене и к сыну.

— Ну и что же?

— А то, что бросил я их и думал навсегда, а вчера получил письмо.

Губы Боженятова нервно дернулись, обнажая в усмешке белую подковку зубов. Он встал и, мягко ступая босыми ногами, направился к Голубеву. Присел на кровать и, понизив голос, сказал, пахуче дыша водочным перегаром:

— Жена пишет: «Ты был прав: не в тряпках счастье. Приезжай и забирай меня с сыном хоть на край света». Весь ум у меня нараскоряку, Андреич: с одной стороны — момент вернуться к семье, с другой стороны — надо бросить Кара-Тайгу, тебя и Михайлыча, а это вроде предательства.

Боженятов закурил, глубоко затягиваясь дымом, тревожно глядя на Голубева, как подсудимый в ожидании приговора.

— Что же тебе мешает, Виктор Иванович, сейчас перевезти семью в Снежный?

Боженятов придвинулся ближе, спросил, тяжело глядя на Голубева:

— А ты, Андреич, можешь обещать, что вся наша работа на Кара-Тайге не пойдет прахом, что нас не разгонят уже через месяц? Пробы-то, по слухам, не радуют.

— Пробы поодиночке рассматривать нельзя, Виктор. Результаты есть и хорошие и плохие, но сказать что-то определенное, не имея всех анализов, нельзя. Саблин надеется, что среднее содержание металла будет иметь промышленное значение. Ты бы мог спросить у Леонида Михайлыча...

— Мне у него и спрашивать не надо,— перебил Боженятов,— я его понимаю со взгляда и знаю, что если бы результат был хороший, то Михайлыч ходил бы козырем. А он в последнее время стал частенько задумываться.

Боженятов неожиданно рассмеялся и, резко оборвав смех, продолжал:

— К нему лишний раз с вопросом не подойдешь: ты же знаешь, что он так может отбрить ни за что ни про что... Помнишь, как он расходился из-за двух человек, когда мы задумали строить печку. Он ведь как огонь в костре: пока горит ровно, греет всех, а как застреляет искрами во все стороны, того и гляди обожжет до болячки. Зачем же его лишний раз шевелить? Поэтому я у тебя и спрашиваю: есть надежда?

Чувствуя, как новая горячая волна тягучей боли захлестывает мозг, ослабляя зрение и слух, Голубев отпил из кружки воды, сел удобнее.

— Надежда есть. Вези семью. Квартиру выделим. Если Кара-Тайга оправдает наши предположения в этом году, то через несколько лет здесь будет крупный рудник. Если нет, то мы так просто отсюда не уйдем, а будем вести поиски еще года три, и никто нас не разгонит.

— Ну и славно! Я ведь не один: мне о пацане думать надо. А я, как представляю себе, что сорву семью из города да здесь не укреплюсь, так меня аж мороз по коже дерет. Одному-то мне все равно, а вот о семье душа болит.

«Вот так же и остальные наши люди сомнениями мучаются,— думал Голубев, щурясь от яркого пламени, полыхающего в устье печи,— неопределенность — бич разведчика-поисковика. Хорошо, что Виктор спросил сам, а ведь мог и не спросить. Уехал бы к семье — и прощай навсегда хороший проходчик и человек Боженятов. Хоть бы скорее получить анализы и твердо определиться. Тогда можно собрать людей и потолковать с ними напрямую. Это лучше, чем всякие слухи и догадки. Вот заметили, что Саблин задумчив, и сразу выводы. А он, может, и думал-то совсем о другом. Да...а... здесь у нас не то что в городе: там тебя видят лишь на работе, и никого твое настроение особенно не беспокоит. Здесь ты весь и все время на виду. И будь ты предельно огорчен, но людей своим видом не тревожь. Крепись как можешь».

Ровно гудел в печке огонь, легонько похрапывал Картошин.

— Ты, Виктор Иванович, смотри завтра в оба,— предупредил Голубев.— С рекой не балуйся. Приказываю тебе и Коле слушаться хозяина лодки беспрекословно. И чтобы никакой самодеятельности. Вам доверены пробы из самой богатой части месторождения. Мы с Саблиным уверены, что получим по ним отличные анализы и...

Боженятов вскинул на Голубева глаза. Взгляд их, обычно веселый и озорной, был спокоен и тверд.

— Не подведу, начальник. То, что я на людях всегда хорохорюсь, не в счет: это вроде того пара, который спускают через предохранительный клапан. Его на каждом котле ставят, чтобы он не взорвался от большого давления. Вот и у меня лишняя сила на всякую чепуху уходит.

— Отдыхай, Виктор Иванович,— скоро полночь, а тебе завтра силенка нужна будет. На этой речке не задремлешь.

Голубев оделся, вышел на крыльцо. С хмурого неба сыпался пушистый снег, скрывая контуры ближних гор. На вершинах приглушенно гудел лес, но в долине пока было тихо.

«Если к утру не стихнет, то завтра будет пурга,— решил Голубев, вслушиваясь в мощный однотонный шум далеких деревьев.— Туго придется ребятам. И надо же было мне расхвораться именно сейчас».

Г л а в а Х Х V

Растревоженный этими мыслями, Голубев долго не мог уснуть. Он невольно прислушивался к ночным шорохам, к тому, как ворочается во сне Картошин, как перекликаются в Кедровке петухи и влзаивают собаки. Он видел, как вернулась домой Дымочка и отметил про себя: «Удивительное дело: пришла с гулянки абсолютно трезвая, безошибочно в полутьме нашла замок на своей двери и сразу его открыла». Он хотел окликнуть Дымочку, чтобы убедиться в своих догадках, но потом передумал: «Какое мне дело до того, пьяна она или нет. Это Семен меня настропалил. Работает она не хуже других, а остальное нас не касается».

Спад он очень мало и чутко. Ему показалось, что он только закрыл глаза, как в комнате прогремело:

— Подъем! Свистать все наверх. С якоря сниматься.

В свете керосиновой лампы Голубев увидел Боженятова, который будил Картошина. Коля — любитель поспать — вырывался из его крепких рук и пытался спрятать голову под подушку. Боженятов сдернул одеяло, схватил Колю в охапку и поставил посреди комнаты вниз головой. Не открывая глаз, Картошин отбрыкивался голыми волосатыми ногами.

— Ты посмотри, Андреич,— рассмеялся Боженятов.— Картошин спит даже в таком положении.— Он легко перевернул Колю в воздухе, поставил на пол.

За льдыстыми стеклами окон начинался день.

— Подсыпало за ночь снежку,— бодро доложил Боженятов,— по реке, наверное, полным ходом идет шуга.

В его голосе Голубев почувал тревогу.

На Кедровском плесе шуга шла толстым слоем по всей ширине реки, облепляя торчащие из воды валуны, подбиваясь к береговому льду и примерзая в тихих местах. Ниже по течению глухо шумел перекат. Упругий ветер с низовьев усиливал этот шум, разнося по всей долине.

Утопая по колено в рыхлом снегу, к Голубеву подошел старый лодочник:

— Присядем перед дорогой.

Сидели на вьючных сумах, курили, изредка перебрасываясь словами. Гонимый сильным ветром, крупными мохнатыми хлопьями падал снег, покрывая длинную узкую лодку, заметая на берегу глубокие следы.

— За пробы не беспокойся, начальник,— сказал лодочник,— к каждой суме привязана веревка, а на конце ее — сухая чурка вместо поплавка. В случае чего — всегда найдем. Понадейся на меня. Завтра к обеду будем на месте. Он легко поднялся, отряхнул с бушлата снег, сказал негромко:

— С богом, ребяташки.

Быстрое течение подхватило лодку, и она будто растаяла в густом месиве снегопада.

Голубев остался наедине с пургой. Он глубоко вдохнул холодный, пахнувший рекой воздух и утомленно закрыл глаза. Мысленно он видел крутое падение реки, ледяные забереги на плесах, смыкающиеся между собой пока еще непрочными мостами, белесый донный лед на перекатах, прячущий опасные валуны, бурный, в клочьях пены, порог Чертово Колесо, после которого река всей силой бьет в отполированную до зеркального блеска скалу и завивается в тугие струи, уходящие по спирали в глубину бездонного водоворота.

Как в тяжелом сне, он увидел легкую лодку, несущуюся прямо на скалу, и в ней трех человек в обледенелой одежде. Один из них согнулся на корме, правя длинным тяжелым веслом, двое стояли в носу и, выставив вперед окованные железом шесты, готовились к толчку. Сейчас вся надежда на них: если они с ходу отобьют лодку от скалы — путь свободен, если шест скользнет по скале или сломается от удара... Голубев знобко поежился и приложил руки к лицу, — пальцы были холодны, как лед, щеки пылали жаром. Он долго стоял на берегу, не замечая, как тает на шапке снег, скатываясь за ворот мелкими холодными каплями.

Папироса давно погасла, он этого не заметил. Белое дыха-

ние пурги холодило горячий лоб, и боль совсем утихла. Дышалось легко, свободно, но тревога давила сердце: «Как доплывут? Надо было настоять на своем и сесть в лодку. Я уже сплавлялся через это Чертово Колесо. Но ведь сейчас я — обуза для ребят».

Так и не решив, кто из них прав, Голубев медленно поплелся в поселок. Новая глубокая складка залегла возле его губ.

В заезжем он отказался от еды и попросил Дымочку оседлать коня. Тяжело наваливаясь на спину Видка, сел в седло, разобрал поводья и шагом поехал по поселку, обнадеживая себя тем, что сегодня он доберется до Кара-Тайги, а завтра к вечеру Боженятов сообщит по радио о благополучном прибытии в экспедицию.

Проводив начальника, Дымочка долго возилась возле крыльца, расчищая лопатой глубокий снег и время от времени поглядывая на дорогу. Убедившись, что Голубев выехал из поселка, она бросила лопату, зашла в дом и закрыла дверь изнутри на тяжелый засов. Еще раз взглянула в окно.

По улице мела пурга. Никого не было видно. Жители Кедровки отсиживались по своим домам.

Она сняла замок с двери, ведущей в ее комнату, и, прихватив с собой керосиновую лампу, вошла. Торопливо чиркнув спичкой, зажгла фитиль и наглухо задернула на окне шторы.

Потом Дымочка коротко стукнула в пол три раза подряд. Отодвинув тяжелый сундук, она бесшумно отворила дверцу подполья. Оттуда пахнуло сыростью и плесенью. Присвечивая себе лампой, Дымочка осторожно спустилась по крутой лестнице, спросила шепотом: — Ты жив, Саша?

Из дальнего угла, отгороженного высокими бочками, прошепестело в ответ:

— Пока жив, клянусь жизнью.

И на свет выполз Сашка Клянусь Жизнью.

Тяжело припадая на правую ногу, он подковылял к Дымочке, взял лампу и, подняв к ее лицу, коротко и пронзительно взглянул в ее глаза.

Дымочка испуганно отшатнулась:

— Ты что, Саша? Или не узнал?

— Ну, тебя-то я уже по походке знаю. Посиди-ка полтора месяца в такой яме без света — по одному шороху будешь людей угадывать, клянусь жизнью. Бинты принесла?

— Еще вчера, да побоялась при чужих тебя открывать.

— Правильно сделала.

Сашка сел на опрокинутый ящик и, завернув широкую штанину, стал осторожно сматывать с ноги бинт. Дымочка проворно поднялась по лестнице, взяла из-под матраца бумажный сверток и снова спустилась в подвал. Сашка снял бинт, и гримаса боли на миг исказила его лицо.

— Заживает,— обрадованно сообщил он, разглядывая рану в тусклом свете лампы.

— Твое счастье, Саша, что этот мильтон ударил навывмет. Если бы пуля зацепила кость, не знаю, как бы я с тобой отживалась. Пришлось бы тебя в больницу отправлять.

— Нет, клянусь жизнью! Ты про это и думать не можешь. Заживет и здесь, как на собаке. Пусть они меня поищут в городах. Или ты уже каешься, что спасла меня от тюрьмы?

— Что ты, Саша! Да я за тебя в огонь и в воду.

— То-то! А я уж думал, что ты чем-то себя выдала, а теперь трухнула и крутишь хвостом. Вчера выпивала?

Дымочка виновато опустила голову и, делая вид, что поправляет в лампе фитиль, созналась:

— Самую малость, для отвода глаз.

— Смотри, падла! Продашь ты меня по пьяной лавочке. Я твой поганый язык знаю, клянусь жизнью.

Глазами, полными страха, Дымочка смотрела на Сашку и оправдывалась дрожащим голосом:

— Нельзя было не пойти, Саша. Мы же с Машкой подружки. Что она подумает? А люди что скажут? Я и выпила-то всего три стопки, посидела немного и смылась. Какая мне гулянка, когда сердце за тебя болит?

— «Сердце болит»,— передразнил Сашка и, подняв голову, цепким взглядом перехватил взгляд Дымочки.— Недолго я тебя мучить буду. Вишь, как хорошо заживает, а ведь сначалагноилась рана-то. Скоро я тебя от этой службы освобожу, клянусь жизнью.

Дымочка испуганно ойкнула и, прижимая руки к груди, всем телом подалась к Сашке:

— Неужто бросишь, Саша? Или у тебя другая есть?

— Не бойся, дура! Этого не будет. Мне надо сделать здесь еще одно дело, отсидеться у тебя, пока стихнет шум, а потом можно и отрываться. Ты приедешь ко мне через месяц, когда позову.

— Что ты задумал?

— Не твоего ума дело... Ты что? В городе сейчас самогонкой торговать собираешься? Не те времена, клянусь жизнью! Нам с тобой на первый случай надо мешок денег, а здесь их как раз и воят по мешку за один раз. Только не

вякни где-нибудь. До ушей пасть разорву, клянусь жизнью.

Сашка опять нагнулся и, тщательно бинтуя ногу, долго не поднимал голову. Дымочка, присев на корточки, присвечивала со стороны лампой, не спуская с лица Сашки по-собачьи преданного взгляда.

Добравшись до Снежного, Голубев попросил радиста:

— Договоритесь с экспедицией и организуйте завтра вечером дополнительный сеанс связи в 10 вечера. Боженятов может задержаться в пути и опоздать. Но вечером он явится прямо на радиостанцию. Так мы условились.

Радист обещал сделать все возможное, но Голубев его уже не слышал. Сладкая тяжелая пелена беспамятства опрокинула его на топчан, погасила сознание. Он не чувствовал, как его раздели и уложили, не видел, как хлопотал встревоженный фельдшер. Очнувшись на минуту от острой боли, понял, что Косов сделал ему укол и снова закрыл глаза.

Фельдшер ушел только к утру, когда у Голубева спала температура.

— Проследите, чтобы больной не раскрывался,— попросил он Саблина,— и не вздумайте тушить печку. Если его потного сейчас остудить, то можно гарантировать воспаление легких.

Голубев проснулся только к обеду. За окном шелестела пурга, потрескивали дрова в печке, где-то далеко на краю поселка лаяла собака.

Первое, что он увидел, были глаза Саблина. Главный инженер сидел возле Голубева и неотрывно смотрел на него. Встретившись взглядом, он улыбнулся, весело подмигнул: «Все будет в порядке».

— Который час?— трудно ворочая языком, спросил Голубев.

— Скоро двенадцать, Владимир Андреич.

— Ребята сейчас проходят через Чертово Колесо. Как там видимость?

— Пурга,— коротко ответил Саблин.

— Неужели они не пройдут, Михайлыч?

Через Чертово Колесо они прошли удачно и успокоились. Боженятов открыл консервы, нарезал крупными ломтями хлеб и пригласил своих спутников подкрепиться. Картошкин придвинулся ближе, подцепил ножом большой кусок мяса, буркнул себе под нос:

— Жаль, что нельзя разогреть.

— Может быть, причалим на часок?— обратился к лодочнику Боженятов.

— Нет,— отрезал хозяин лодки.— Видишь, как стихает пурга? Надо радоваться и плыть. Нам до устья еще далеко, километров тридцать, а на тридцати километрах можно триста раз попасть в беду.

— Какая же еще может быть беда, если мы уже прошли все пороги,— удивился Боженятов.— Это ведь не море и не океан. А насколько я понимаю, шторма не будет.

— Я, парень, на море-окияне не был, но наша река тоже с характером, и мне ее ндрав очень даже хорошо известный. Кто по ней не плавал, тот богу не маливался. То, что я решился сплавливать груз в пургу, в счет не идет. На такое можно решиться раз в жизни.

Боженятов незаметно подмигнул Коле и вполголоса произнес:

— Скажите, пожалуйста: «наша река». Ну, пока были пороги, это, конечно,— серьезная штука. А сейчас какая же это река? Так, задрипанная речонка. Вот на море...

Он взял толстый ломоть хлеба, положил сверху мясо и подал со словами:

— Подкрепись на ходу, папаша.

Не стрывая глаз от белесо-серой поверхности воды, лодочник благодарно кивнул, начал есть стоя, придерживая весло одной рукой.

Легкая лодка быстро неслась в толстом беспрерывно шевелящемся слое шуги. Шуга глушила обычные всплески, мягко шелестела возле крупных камней. Притупляя сознание, этот шелест убаюкивал, нагонял дрему. Сказывалась ночь, проведенная у костра: тело безвольно обмякло, притупились зрение и слух, хотелось лечь на дно лодки, вытянуться и уснуть.

Уткнувшись острым подбородком в короткий воротник ватника, Боженятов сгорбился, утомленно закрыл глаза. Картошин уже спал, скорчившись рядом. Ослабевший ветер дул ровно, слабо гудел по берегам в вершинах деревьев. Снегопад почти прекратился, открылась широкая долина реки, невысокие горы, густо заросшие лесом.

Течение ослабло, и заметно стих неумолкающий шелест шуги. Засыпанная снегом лодка скользнула, как призрак, в зыбком свете ненастного дня мимо белых берегов.

— Бей справа!— неожиданно крикнул лодочник, пытаясь веслом повернуть лодку влево в узкую протоку, где темнела быстрая вода, свободная от шуги. Вскочил Боженятов, со сна ошалело закрутил головой:

— В чем дело?

— Бей справа!— свирепо рявкнул лодочник, быстро загребая веслом.

Боженятов оттолкнулся шестом от валуна, завалил нос лодки в протоку. Мелькнула каменистая отмель большого острова, и лодка, царапнув дно, влетела в узкое русло.

Неотрывно глядя вперед, лодочник указал рукой вправо, крикнул:

— Залом!

Там, куда он показал, поперек реки лежал вековой кедр, свалившийся вместе с землей подмытого берега. Мощный ствол кедр, намертво заклиненный между крупными валунами мелководья, местами висел над водой, и под ним громко всхлипывала шуга. Огромная крона поверженного красавца, обломанная и помятая с нижней стороны, с верхней стояла глухой стеной. Бревна и мелкие деревья, напирая друг на друга, табунились возле кедр, лезли из воды вверх, вставали дыбом. Могучая сила течения не могла сдвинуть с места неожиданную преграду и смирилась с ней.

— Пронесло,— вытирая со лба крупные капли пота, сообщил лодочник.— За малым не влетели мы в эту ловушку. Теперь не зевайте, молодцы. У этой протоки худая слава.

Боженятов и Картошин уже стояли возле бортов, зорко вглядываясь в хаотическое нагромождение камней, верхушки которых были слегка припорошены снегом, а бока льдисто поблескивали. Здесь шуги почти не было, но везде белел сквозь воду коварный донный лед. Он выровнял дно протоки, маскируя крупные камни, предательски скрывая ямы.

— Смотрите на дно!— командовал лодочник.— Не дай бог...

Сильный толчок оборвал его речь. Сбитый с ног, Боженятов шукой перелетел через борт и, подхваченный течением, исчез за крупным камнем. Картошин изо всех сил нажал на шест, пытаясь столкнуть нос лодки с камня на глубокое место. Но она только вздрогнула и осталась на месте. Энергично работая веслом, лодочник еще удерживал ее по течению, не давая развернуться корме.

Картошин, не раздумывая, прыгнул в ледяную воду, поскользнулся и, чудом сохраняя равновесие, ткнул шест под нос лодки. Действуя им, как рычагом, он столкнул лодку на глубину. Скрежетнуло о камень дно, и она понеслась дальше. Картошин успел схватиться за борт и, чуть не перевернув свой корабль, мешком свалился к ногам лодочника. Все произошло так быстро, что Боженятов не успел еще добраться до берега.

Когда он, хлюпая сапогами, полными воды, подбежал к

причалившей лодке, хозяин участливо спросил, пряча в глазах хитринку:

— В океане, небось, такие камни не встречаются?

Боженятов сверкнул глазами, но ничего не ответил. Сбрасывая мокрую одежду, он стучал зубами от холода, как в лихорадке. Рядом раздевался Картошин.

Греясь возле большого костра, они накрылись широким плащом лодочника. А он, поворачивая перед огнем мокрую одежду своих помощников, незлобиво допытывался:

— Ты по каким морям плавал, молодец?

— По морям, батя, не плавают, а ходят,— внушительно объяснял Боженятов, стараясь сохранить достоинство.— Я был на Черном.

— И, наверное, такого страху не видел, как на нашей задрипанной речке. А?

— Это точно,— охотно согласился Боженятов.— Не речка, а натуральный Змей Горыныч.

— Ну вот, скажи спасибо своему товарищу: хоть и молод, а не растерялся. Если бы он дрогнул, лежали бы сейчас наши пробы на дне, а мы бы закалялись на берегу.

— Пожалуй,— согласился Боженятов.

Коля скромно молчал.

Глава XXVI

Две недели подряд шумели над Кара-Тайгой бураны, засыпая снегом дорогу. Отрезанный от Кедровки и от всего мира, Снежный жил, поддерживая связь с Большой землей только по радио.

— Мы сейчас как на острове,— шутил Саблин в первые дни сильного снегопада,— и никакое начальство до нас не доберется.

Но дней через пять шутить перестал. Поглядывая на метровый слой рыхлого снега, он озабоченно теребил свою бороду и потихоньку, чтобы не слышал Голубев, ругался. Уходя на участок или в геологический отдел, он оставлял с больным фельдшера и строго-настрого запрещал ему передавать Голубеву плохие новости.

Голубев поправлялся медленно и чувствовал себя плохо: высокая температура изнуряла сильное тело, убивала аппетит, путала мысли. По утрам она обычно спадала, и он живо интересовался всем, что происходит в партии. Но к обеду словно проваливался в тяжелую дрему, выныривая из нее на короткое время только к вечеру. Помня приказ Саблина, Косов

ни словом не обмолвился о том, что Картошин после невольного купания в ледяной воде заболел и лежит в больнице, что все попытки Матвеева пробить и накатать санную дорогу в Кедровку безрезультатны, что люди передвигаются по поселку только на лыжах. О том, что упала раздавленная снегом палатка, в которой дробили пробы, Саблин не говорил даже Косову. А о том, что переданные последним самолетом анализы рудных проб с южной части месторождения оставляют желать лучшего, знал он один. Знал и терзался в ожидании следующих анализов. Как ни бедна была руда в этой части участка, но местами, на значительных промежутках, была явно с промышленным содержанием, и Саблин в глубине души всегда надеялся, что в среднем содержание титана здесь будет в пределах кондиций. Сейчас эти надежды рухнули. Ему хотелось верить, что впоследствии, когда по всем пробам придут анализы, общая картина будет более обнадеживающей. И он верил, ни словом, ни взглядом не намекнув своим товарищам о плохих результатах. Зная по себе, каким тяжелым ударом для них явится такое известие, он дважды сам рассчитал среднее содержание и бросил в печку листки с расчетами, а анализы спрятал на дно железного ящика, закрытого всегда на замок. На людях он по-прежнему был бодр и весел, но, оставаясь наедине со своими мыслями, переживал болезненно остро.

«Какая коварная штука титан,— думал он, в тысячный раз рассматривая план участка.— Неужели прав был Хватов, когда в разговоре с Голубевым вскользь бросил сомнение в том, будет ли промышленным месторождение или не будет? Нет! Даже если вся разведанная площадь на южной стороне участка не представляет промышленного интереса, то северная не подведет. И хотя нет пока ни одного анализа из этой части участка, обмануться нельзя. Промышленное месторождение будет. А значит, не зря столько пережито и не зря затрачено столько труда и денег».

Голубев встал на десятый день. Пошатываясь от слабости, прошел к окну, расписанному диковинными морозными цветами. Билась в окно пурга, заунывно пел свою нескончаемую песню ветер. Голубев потянулся за шапкой.

— Рановато, Владимир Андреич,— остановил его Косов.— Еще дня три на улице я вас не выпущу. Посидите-ка вы лучше в тепле — так будет надежнее.

— Не на чем мне сидеть,— жалобно пошутил Голубев.— Вы, доктор, так расстарались со своим шприцем, что я теперь не присяду минимум месяц.

— Зато результат, Владимир Андреич, как в лучших клиниках города. Жаль, конечно, что не послушались моего совета с самого начала. Мы бы с этой простудой справились за два дня. А когда разыгралось воспаление легких, щадить вас я уже не мог.

— Чувствую, доктор, свою вину и иголки ваши долго не забуду. Обещаю впредь слушаться медиков беспрекословно.

— Вот и отлично,— обрадовался фельдшер,— сейчас я сделаю вам еще один укольчик, а потом, если хотите развлечься, мы с вами сыграем в подкидного дурачка.

Фельдшер Косов оказался великим знатоком этой, казалось, нехитрой игры. Голубев проигрывал партию за партией при любых картах, Косов оставался невозмутимо спокойным, но его глаза победно сверкали каждый раз, когда Голубев оставался дураком.

— Черт знает, что получается!— сердился Голубев, постепенно входя в азарт.— Вы, часом, не плутуете, доктор?

— Как можно, Владимир Андреич!— оскорбленно взывал Косов.— Я же медицинский работник.

— Поделитесь секретом, товарищ Косов.

— Секрет прост: большая практика. Развлечений для лежачих больных у нас никаких нет. Вот я с ними и тренируюсь в карточки с утра до ночи, отвлекаю их от грустных мыслей.

А как реагируют на это пациенты?

— По-разному: одни сердятся, другие смеются, но самое главное — они не скучают.

— Ловко!— похвалил Голубев.— В жизни не слышал о подобных методах лечения.

— Стараюсь, Владимир Андреич.

— В таком случае продолжим лечебные процедуры. Должен же я, наконец, выиграть!

— Не раньше, чем через три дня,— пообещал Косов.

— Не может быть! Выиграю сегодня.

Косов тщательно перетасовал карты и начал сдавать.

Саблин, пробивший весь день на выработках, явился только к вечеру. Он очень обрадовался, увидев Голубева сидящим.

— Как успехи?— поинтересовался он, пристраивая возле печки валенки.

— Двадцать четыре — ноль в пользу медиков,— мрачно сообщил Голубев и неожиданно рассмеялся:— Опозорены геологи на веки вечные.

— Не унывай, начальник,— улыбнулся Саблин.— Лежать тебе долго, и все еще впереди.

— Доктор обещал выпустить через три дня.

Косов выпустил его только через неделю. Но, чтобы сгладить вынужденное заключение, разрешил доступ к больному всем желающим. Днем к Голубеву часто забегал Матвеев, подробно докладывая о состоянии дел. По вечерам обычно заходил Снегирев, приносил горячие пирожки, малиновое варенье.

— Ешь, Владимир Андреич,— угощал он,— поправляйся. Это моя старуха тебе прислала.

Однажды, пользуясь отсутствием фельдшера, он притащил чайник, полный отвара каких-то корешков.

— Это маралий корень,— пояснил Снегирев, подсаживаясь ближе к Голубеву.— Растет он и в тайге, но больше на гольцах. Когда цветет, то пахнет медом. Давно замечено, что марал во время гона копытит этот корень и ест. И если ты притомился в дальней дороге — самое верное дело выпить кружку отвара из этого корня. Враз уйдет твоя усталость и прибавится сил.

— Что-то я слышал об этом корне,— подтвердил Голубев,— а пробовать не приходилось.

— Я бы давно принес, да доктора опасался,— оправдывался Снегирев.— Вдруг запретит или просмеет. Ты пей, не бойся. Это лекарство верное. Мы, старые приискатели, живем в тайге всю жизнь, и тайга нас не обижает.

Голубев выпил стакан отвара и через полчаса почувствовал себя значительно бодрее.

— Много пить нельзя — предупредил Снегирев.— Стаканчик в обед, и будет в самый раз.

На следующий день после обеда явился радостный Матвеев, сообщил:

— Есть зимник, товарищ начальник. Вчера пробились до самой Кедровки. Притомили, правда, лошадок, но дорога теперь есть.

— Поздравляю, Семен Пантелеич. Большое спасибо всем.

— Спасибо Снегиреву, Андреич. Он научил делать дороги в снегу. Пустили мы, по его совету, впереди пять человек на лыжах, и за ними на длинном поводу кобылу Вьюгу. Афанасий Егорыч еще с лета приметил, что она берет с хода любое препятствие и наказал мне пускать ее первой.

— Никогда бы не поверил,— вставил Голубев.— После того, как она свалилась в канаву, я и думать не мог, что Вьюга пойдет впереди.

— Пошла, да еще как: ребята топчут лыжню, а она прыгает вслед за ними, как заяц. Местами тонет по самые уши, но идет. Я так думаю, что тут крепко помог Кадымаев. Любит

парнишка лошадей, а Вьюга у него на особом счету. Он ее балует, а она за ним повсюду, как привязанная. Он ее и вел всю дорогу.

— Ай да Александр Дмитрич! Молодчина! Обещал я ему премию, да так и не смог дать.

— Не надо ему премии, Андреич. Его похвалишь, и то он ходит козырем целую неделю.

— Нет, Семен Пантелеич. Слово надо держать. Позови-ка ко мне Кадымаева. Я что-нибудь придумаю.

Голубев подошел к длинной полке, уставленной книгами, долго выбирал, потом огорченно вздохнул:

— Ничего подходящего нет, старина. Был бы у нас свой магазин на Кара-Тайге, купил бы ему хорошую вещь: ружье или часы... Стоп. Как же раньше не сообразил?

Голубев вынул из карманчика брюк плоские часы «Молния» на длинной серебряной цепочке.

— Зови Кадымаева.

Когда Матвеев вернулся в сопровождении Кадымаева, Голубев сидел за столом рядом с фельдшером. Он попросил гостей раздеться, пригласил садиться. Кадымаев с интересом оглядывал простенькое убранство комнаты, ружье и фотоаппарат над толчком Картошина.

— Расскажи, Александр Дмитрич, как ты пробивал дорогу,— попросил Голубев.

— Однако я не пробивал, начальник. Вьюга пробивала. За ней еще шел твой Видок, а потом другие кони. Ну, а по готовому следу Мухранчик уже тащил пустые сани.

— А товарищ Матвеев говорил нам, что ты шел первым.

— Однако так, но дорогу пробивала Вьюга.

— Будь по-твоему.

Голубев встал и, стараясь сохранить на лице самое серьезное выражение, сказал:

— Вьюге разрешаю в течение десяти дней выдавать двойную норму овса. А тебе, Александр Дмитрич, за хороший уход за лошадьми, за то, что помог их вылечить, от имени администрации и разведочного комитета — благодарность и премия.

Голубев протянул над столом руку, в которой держал конец цепочки. На другом конце ее ятрово поблескивал корпус часов.

— Однако не соврал начальник! — удивился Кадымаев, беря часы в ладони, сложенные лодочкой. Он бережно держал их, потом приложил к уху и радостно засмеялся:

— Однако идут часы-то!

Видя неподдельную радость на лице маленького конюха,

Голубев забыл о торжественности момента и тоже рассмеялся. Матвеев и Косов улыбались.

— Будем пить чай,— объявил Голубев, выставляя на стол кружки.

— Некогда мне чаи распивать,— заявил Кадымаев, поглядывая на стрелки часов.

— Это почему же?— удивился Голубев.

— Давай отпуск на пять дней, начальник.

— Зачем?

— Однако надо на деревню идти, показывать премию.

— Но ведь это семьдесят километров.

— Однако по прямешкам пятьдесят,— настаивал Кадымаев.— Сегодня добегу до Кедровки, а завтра буду дома.

Матвеев незаметно толкнул Голубева и, пряча смеющиеся глаза, посоветовал:

— Отпусти его, Владимир Андреич. Такая радость у него первый раз в жизни. А на лыжах он прирожденный ходок. Добежит быстрее любого чемпиона.

— Ладно, Александр Дмитрич, но уговор: к вечеру пятого дня быть на Кара-Тайге.

Кадымаев благодарно сверкнул глазами, спрятал часы в карман, пообещал твердо:

— Буду.

Спустя полчаса мимо окон дома промелькнула маленькая щуплая фигурка в ватнике и исчезла в нижнем конце поселка.

— Как пуля,— заметил Матвеев, взглядываясь в след, оставленный лыжами на снежной целине.— Разливай чай, Андреич, и будь спокоен: вернется он в срок. Парнишка аккуратный.

К чаю подоспел Саблин. Покрасневшими от холода пальцами крепко охватил железную кружку, хлебнул пахучего напитка, вкусно причмокнул. От него пахло морозом и свежим снегом. Сидел прямо, распушив бороду, блаженно жмурился, радуясь теплу, уюту.

У Голубева от удовольствия видеть Саблина в углах глаз дрогнули морщинки, защекотало в носу.

— Семен Пантелеич сегодня вернулся из Кедровки с грузом,— похвастался он Саблину.— Теперь у нас есть дорога, а значит, будет и все остальное.

— Кроме денег,— вставил Саблин.— С деньгами целое горе, Владимир Андреич: не выплачена зарплата за октябрь, не выдан аванс за ноябрь, теперь уже под угрозой и зарплата за ноябрь. А все из-за этой шальной погоды.

— Да уж погодка на нас отыгралась за всю осень,— подержал его Матвеев,— а с деньгами дело швах: кассир каж-

дый день забирает выручку из склада и из столовой и выдает авансы по пятерке на нос. К вечеру эти деньги ребята расходуют, и они снова идут в оборот.

— Народ не шумит?— заволновался Голубев, вставая из-за стола.

— Садись, садись,— надавил ему на плечо Саблин.— Ничего страшного пока нет — народ понимает и терпит. Правда, сначала забузили некоторые бичи из большого общежития, но я побеседовал с ними, доказал, что с голоду мы не умрем, и сейчас все в норме. Люди все работают на шурфах, заработки большие, а получают они деньги немного позже. Чего же волноваться?

Через десять дней этот разговор Голубев продолжил в Кедровке с Матвеевым. Был погожий морозный день, ярко светило солнце на бледно-голубом чистом небе. Ожидая самолет, они сидели в заезжем. Говорил Голубев:

— Деньги привезу завтра первым самолетом, Семен Пантелеич. Твой наказ выполняю: подарки Анфисе Парамоновне куплю и привезу. Встречать меня не надо. Оружие при мне. Ты сегодня уезжай в Снежный на своем коне, а Видка оставь здесь. Меня жди к обеду в Снежном.

Голубев улыбнулся, пошутил:

— Без меня за стол на садитесь. Помни, что я первый гость на твоей свадьбе.

— Будь уверен: дождемся.

— Ну, кажется, все. Да скажи Саблину, пусть он ни о чем не беспокоится. Незачем таскать с собой кассира, каждое место в самолете дороже дорогого, да и нужнее он сейчас на Кара-Тайге. Вдруг случится задержка, кто будет выручать партию пятерочными авансами? А я сегодня сделаю все дела в экспедиции, завтра получу деньги и вернусь.

— Дай бог, чтобы все было, как задумали, Андреич. Брوده налаживаются наши дела. А то последнее время нам что-то не везло. Правду говорят, что беда никогда не приходит одна. Будто и предусматриваем мы все вперед, да, видно, всего не предусмотреть.

В подполье, стоя коленями на высокой бочке и скорчившись в неудобной позе, этот разговор слушал Сашка Клянусь Жизнью. Плотнo прижатые, как у хищного зверя, уши не пропустили ни одного слова. Ныло онемевшее тело, побаливала раненая нога, а он стоял на коленях и не шевелился. Хлопнула в доме дверь, кто-то вошел в комнату, и рассохшиеся доски пола жалобно закрипели. Сашка бесшумно спрыгнул

с бочки, расслабленно опустился на матрац, постеленный в дальнем углу, зло усмехнулся:

«Предусматривайте, предусматривайте. Меня-то вы не предусмотрите, клянусь жизнью».

Проводив Голубева, Матвеев поручил Дымочке приглядывать за Видком и поехал к складу, где до самого вечера разбирался с Королевой Марго в перепутанных накладных. Уже скрывалось за Кара-Тайгой низкое солнце, когда он, подхлестывая своего Мухранчика, шибкой рысью выехал из Кедровки. Снег на вершинах гор отсвечивал светло-розовым цветом. Ниже по склонам голубел лес. Вагряный диск солнца коснулся Кара-Тайги, и снег вспыхнул кроваво-красным огнем, словно подсвеченный изнутри чудовищно сильной лампой.

«К ветру,— определил Матвеев, подгоняя коня,— разгуляет завтра, и дорогу переметет на чистых местах».

Торопясь домой, он на первом спуске к реке разогнал Мухранчика во всю прыть. Застоявшийся сытый конь, сухо пощелкивая подковами и екая селезенкой, летел по твердой накатанной дороге.

Но на переезде через никогда не замерзающую речку остутился в подопревшем от близкой воды снегу и со всего маху завалился на левый бок, сломав оглоблю. Проклиная себя за спешку, Семен поздним вечером кое-как дотащился до Кедровки, на краю поселка выпросил у знакомого оглоблю и снова собрался в дорогу.

— Какая нелегкая несет тебя ночью в путь,— уговаривал его хозяин.— Ты видел, как садилось солнце, как полыхали гольцы? А теперь цветастый круг вокруг месяца нарисовался. Быть перемене погоды. Ночуй у меня.

Подумав, Семен согласился.

«Ничего не случится,— размышлял он, распрягая лошадь.— Заночую у доброго человека, а завтра с начальником заявимся прямо к Парамоновне с подарками. То-то ей радости будет».

Он еще раз глянул на месяц, окруженный голубовато-бледным тонким кольцом, на тихую, словно замороженную, тайгу и вошел в дом.

В это время в комнате Дымочки, отодвинув на окне плотную занавеску, смотрел на месяц Сашка Клянусь Жизнью. Рядом на широкой кровати храпела Дымочка.

Неяркий свет освещал стоящий вблизи окна стол, покрытый белой клеенкой, две тарелки с остатками еды и две пустые бутылки.

Сашка оставил занавеску приоткрытой, вымыл под умывальником тарелку, стакан и ложку. Чистую посуду аккурат-

но поставил на полку, взял из стола полную бутылку водки и налил до краев оставшийся на столе стакан. Постоял, подумал, подвинул его на самый край стола ближе к Дымочке. Прихватив одну пустую и начатую бутылку, спустился в погреб, сунул их в угол. Долго возился, одеваясь на ощупь. В комнате еще раз внимательно оглядел стол, задержал взгляд на полном стакане, усмехнулся:

«Этого тебе, подружка, хватит, чтобы проспять весь день».

Поставил на крышку погреба сундук, вышел на улицу, высоко подняв воротник полушубка.

Свежий морозный воздух оглушил его. Опираясь на священные лыжи, он постоял в тени дома, по-приятельски подмигнул уходящему за гольцы месяцу и не спеша двинулся по дороге к Кара-Тайге.

Прогноз погоды, выданный хозяином дома, где ночевал Матвеев, подтвердился с некоторым опозданием. Только на рассвете восточный ветер разбудил спящую крепким сном тайгу.

Зашевелились, переговариваясь между собой, мохнатые лапы кедров, закрипели голые березы, раскачиваясь под напором ветра. Ожидая полного рассвета, глубже в снег вжались тетерева и глухари. Ветер постепенно крепчал, набирал силу, и вот уже зашуршали по морозному насту отдельные крупишки снега, вырванные из общей плотной массы. Сильнее дул ветер, громче шумела тайга, и поднятый с мест снег белой пеленой несся по чистым местам, ровняя лога и распадки. Белым прозрачным дымом закурились гольцы.

В Кедровке было сравнительно тихо, но, поглядывая на дымящуюся вершину Кара-Тайги, Матвеев забеспокоился: «Чего доброго отменят сегодня полеты, и лопнет наша свадьба».

Будто подтверждая его мысли, ветер, набрав полную силу, ворвался в Кедровку, засвистел вдоль домов и обрушился на аэродром, переметая утоптанную посадочную площадку.

Первый самолет приземлился на час раньше обычного. Семен доложил Голубеву о причине своей ночевки в Кедровке и заторопился:

— Побегу запрягать, Андреич, а то как бы не засесть нам здесь надолго. Гляди, как переметает поземка дорогу. Еще часа два, и мой конишка уже не пробьется на Кара-Тайгу.

— Придется немного задержаться, Семен Пантелеич,— мягко остановил его Голубев.— Следующим рейсом прилетит Коля Картошин. Я обещал ему, что подожду здесь. Он только что из больницы. Неудобно оставлять его одного.

— Какой может быть разговор,— согласился Матвеев.— Ко-

нечно подождем. Не переметет же поземка за один час всю дорогу.

— Торить дорогу пустим тебя на Видке вперед, как только услышим самолет, Семен Пантелеич, а я с Колей по готовому следу поеду на твоём Мухранчике сзади.

— И то верно,— подхватил Семен.— Видок силен, как зверь, и хорошо чует дорогу — он не собьется.

Они зашли в нетопленный заезжий, где за тонкой перегородкой похрапывала Дымочка.

Матвеев чутко пошевелил ноздрями, втягивая в себя воздух, определил:

— Пьяна хозяйка, чтоб ей пусто было.

— А ты ее в последнее время в непьющие зачислил,— улыбнулся Голубев.— Выходит, что напрасны были твои поздравления: пьет она и в праздник и в будни. Ей бы сейчас самолеты надо разгружать, а она дрыхнет с похмелья.

— Насчет Дымочки ты меня не уговаривай, Андреич. Не верю я таким людям ни на грош, хоть ты что со мной делай! Не верю!

Матвеев ушел и вскоре вернулся со своим конем. Кончая запрягать в кошевку Видка, вызвал Голубева во двор:

— Гудит самолет, товарищ начальник. Давай мне покупки для Парамоновны, бери себе моего Мухранчика и погоняй на аэродром, а я тронусь на Видке пробивать дорогу.

Тщательно уложил в передок кошевки мешок с подарками и тронул Видка с места. Холодный пронзительный ветер, бьющий прямо в лицо, заставил его поднять ворот тулупа, закрыть голову, оставив только щелку для глаз.

Через полчаса по свежему следу из Кедровки выехали Голубев и Картошин. Чужа впереди лошадь, Мухранчик старался изо всех сил, но догнать сразу Видка не мог. Они миновали чистую низину, въехали в лес. Здесь было тише, и Голубев придержал коня.

— Не торопись, не торопись,— приговаривал он, еле шевеля замерзшими губами.— Мы успеем.

Они не успели. Выезжая из-за крутого поворота, Голубев увидел впереди на ровной дороге несущегося навстречу галопом Видка. Задранная кверху сильно натянутыми вожжами морда коня была оскалена. Железные удила раздирали его губы. В кошевке во весь рост стоял человек в полушубке и крутил над головой кнутом, подгоняя обезумевшего коня.

Разъехаться на узкой дороге или остановить Видка было невозможно. Голубев успел только чуть повернуть Мухранчика вправо, как на него налетел Видок. Удар пришелся вскользь.

Глухо стукнулись оглобли, заскочив одна за другую, подался, приседая, назад Мухранчик, и кони, храпя, затоптались на месте. Человек в полушубке прыгнул из кошевки вперед и в сторону, провалился выше колен в снег и, с трудом выдирая вязнувшие ноги, пошел на Голубева, не выпуская из руки кнут. Это был Сашка Клянусь Жизнью. В следующий миг он узнал Голубева, и нечеловеческий, полный отчаяния вой перекрыл шум леса. Так воет волк, попавший в капкан. Голубев рванул из кармана наган. Щелкнул, поднимаясь, курок.

— Руки, подлец! Руки вверх!

Сашка медленно, очень медленно, как показалось Голубеву, поднимал руки. Черной змеей лежал на снегу отброшенный кнут. Бессильная злоба и страх стыли в широко открытых глазах Сашки. Шевелились белые губы, беззвучно шептали одно и то же:

— Я же тебя убил... Я же тебя убил, клянусь жизнью...

Связанного Сашку бросили в кошевку. Голубев с Колей вытоптали справа от дороги разъезд, провели Мухранчика мимо Видка. Передавая Картошину наган, Голубев приказал:

— Гони в Кедровку. Если что, стреляй гада в упор. Я к Семену.

Нахлестывая коня, он помчался вперед по протоптанной дороге. Свистел в ушах свирепый встречный ветер, бешено колотились о высокие борта дороги легкие сани, подпрыгивал в передке мешок с деньгами, а Голубев все торопил и торопил коня. Там, где дорога круто пошла на подъем, возле огромного вывернутого из земли кедрового корневища, стоящего стеной, снег был свежееутоптан. Дальше дорогу замела поземка. Накинув вожжи на кривой корень, торчащий крючком из заспанного снегом выворотня, Голубев огляделся.

По обе стороны лежал чистый нетронутый снег, грозно гудел в вершинах кедров ураганный ветер.

Негромкий придушенный стон из-за выворотня сорвал его с саней. За выворотнем, глубоко провалившись в снег, лежал вниз лицом Матвеев. Из черной кожи тулупа торчала наборная рукоятка самодельного ножа. Только сейчас Голубев заметил, что снег на верхней кромке выворотня сбит и комьями лежит с тыльной стороны рядом с Семеном. Очевидно, Сашка прямо с высокого передка кошевки перебросил тело за выворотень, туда, где прятался сам, подкарауливая добычу.

Осторожно, стараясь не делать резких движений, Голубев повернул Семена на бок. Матвеев слабо застонал и уронил голову. Лицо его бледное, как гипсовая маска, было пугающе неподвижным. Жили только глаза. Голубев протоптал дорожку

в обход выворотня, поднял отяжелевшее тело, положил в сани. Мела поземка, заноса на дороге следы, осыпая людей, лошадь и сани.

Матвеев дышал прерывито, со всхлипом. Голубев низко наклонился над ним, спросил тихо:

— Ты меня слышишь, Семен?

Раненый открыл рот, в горле у него заклокотало, и он выдал.

— Слышу.

— Крепись, старина, сейчас я тебя мигом к доктору...

Матвеев невнятно прохрипел:

— Не надо, больно...

Голубев приподнял ему голову, подсунул под нее мешок с деньгами. Семен снова заговорил, словно выталкивая каждое слово, и Голубев скорее догадался, чем понял:

— За тобой... охотились... Андреич... Не дожил... я до свадьбы-женитьбы... Повенчали меня... со смертью...

Левый угол рта, окрашенный кровью, опустился вниз и судорожно подергивался. Казалось, что Матвеев пытается улыбнуться. Так и осталась на лице его эта горькая усмешка. Он пытался сказать еще что-то, но не смог и застонал. Взгляд его стал далеким и безразличным.

— Очнись, Семен, очнись!— шептал Голубев, и ему казалось, что он кричит во весь голос.— Очнись!

Матвеев не ответил. Голубев облизнул внезапно пересохшие губы, сунул в рот комок снега и сел рядом с Семеном. Обессиленный, близкий к обмороку, он растерянно огляделся: в чистом бездонно глубоком небе ярко светило зимнее солнце, а на земле по-прежнему ревели и стонали под ударами ветра тайга. На лицо Матвеева сыпался снег и больше не таял.

Глава XXVII

По совету Снегирева, могилу Семену Матвееву рыли вблизи тропы, ведущей к месторождению.

— Незачем его прятать в тайге,— сказал Снегирев.— Жил он всегда с нами вместе, пусть и после смерти останется рядом.

Не было на Кара-Тайге мягкой земли. И для того чтобы углубить могилу, Саблин выписал взрывчатку.

Пропальным салютом ударил сильный взрыв, разбивая на куски монолитную скалу на дне неглубокой ямы, когда вынесли Матвеева из его нового дома, в котором ему так и не пришлось пожить. Пламенел на фоне белого снега обтянутый

красным материалом гроб, мерно покачиваясь в такт шагам.

Жители Снежного сгрудились возле могилы, Саблин сказал короткую речь, и гроб опустили в могилу. Застучали по крышке комыя земли. Земли было мало, и поэтому сыновья Снегирева, копавшие могилу, сложили ее отдельной кучкой.

Невысокий холмик венчала простая пирамидка с красной звездой. На пирамидке четким чертежным почерком надпись:

С. П. МАТВЕЕВ

разведчик недр

Огромное холодное солнце нехотя садилось за черные скалы, бросавшие длинные тени. Оттуда потянул слабый ветерок, незаметно окреп, погнав легкую поземку, ровняя могилу, засыпая памятник. В чистом небе вспыхнули звезды, и на Кара-Тайгу опустилась ночь.

— Не казни ты себя, Владимир Андреич,— успокаивал Снегирев Голубева.— Слов нет — жалко Семена. Да что поделаешь? Жизнь есть жизнь: хоть и тяжело, а жить надо.

Сухие глаза Голубева болезненно блеснули, тоскливый взгляд заметался по лицам товарищей. Что бы он ни делал в эти дни, о чем бы ни думал, мысли его постоянно возвращались к Семену. Образ Матвеева не тускнел. Он оставался таким, каким был при жизни: хлопотливым, энергичным, всегда занятым самым неотложным делом. Даже во сне, по несколько раз в ночь, Голубев видел Семена и разговаривал с ним. Казалось, что этому не будет конца. За все эти дни никто не бросил в сторону Голубева ни одного косога взгляда, но ему чудилось, что люди смотрят на него с осуждением:

«Прошляпил, начальник. Подставил Семена вместо себя под удар».

Видя его осунувшееся лицо и потускневшие глаза, Саблин и Картошин молчали, чтобы не беспокоить, и он чувствовал в этом молчании почти враждебное отношение к себе, но не пытался его нарушить.

Чтобы забыться хотя бы ночью, он по целым дням не приседал, посещая без особой надобности все выработки. Но, засыпая тяжелым сном, внезапно пробуждался и долго лежал с открытыми глазами, терзаясь одной неотступной мыслью:

«Я не виноват в том, что послал Семена вперед. Я виноват в том, что не прислушался к его советам, легкомысленно поверил Дымочке. Эх, послушался бы! Тогда бы все сразу открылось, и Матвеев был бы жив по сей день. Ведь чувствовал он постоянное недоверие и неприязнь к ней. А я? Ну как теперь смотреть людям в глаза? Как? А Саблин говорил мне,

что здесь каждый человек — загадка... Еще и Саблина призывает больше доверять людям. Доверил, ротозей. А хорошего человека не вернешь».

Измученный этой мыслью, он бесконечно долго ворочался в своем мешке, а когда зыбкая дрема смежала веки, стонал в забытьи, тревожа товарищей.

Снегирев как никто понимал, что происходит с Голубевым, и не избегал разговоров о покойном. И Голубев невольно тянулся в эти дни к старому прискателю. Афанасий Егорович умел успокоить и утешить простыми словами.

— Жалеют сейчас все Пантелеича,— рассуждал он, укоризненно покачивая седой головой.— И так всегда: жалеют человека после смерти. Эх, люди, люди! Пожалели бы его хоть разок при жизни. А он вам немало добра сделал.

Снегирев надолго замолкал, окутываясь сизым табачным дымом, пряча в нем покрасневшие угрюмые глаза. Потом продолжал:

— Жил вот Семен Пантелеич Матвеев, незаметный пожилой человек. О чем бы ему мечтать? А он мечтал о счастье. Человек всегда должен мечтать, Владимир Андреич, и мечты эти должны сбываться. На том весь белый свет стоит. Ты мне верь — я знаю. И нам тоже надо свою мечту в дело производить. Шевелить надо Кара-Тайгу. Людей надо искать и вербовать к нам побольше. А горе? Горе и радость всегда рядом. Будут у нас еще и веселые дни и веселые дела. Надо скрепиться сердцем и жить.

Как бы в подтверждение этих слов однажды вечером к Голубеву явился рулевой с карбаса.

— Принимай гостей, начальник,— заявил он, пожимая Голубеву руку.— Привел с собой пятнадцать человек. Ребята хоть куда.

— Где они?

— Ждут в конторе. Ты особенно не беспокойся: нам надо только крышу и печку, харчи у нас свои, лыжи тоже. На всякий случай мы из дому прихватили топоры и пилы.

Отдельного свободного помещения не было, и Голубев долго разделил по домам новых рабочих. Беседуя с каждым, он выяснил, что многие знакомы с горным делом и желают работать на проходке шурфов. Знакомый рулевой помалкивал, пыхтел своей старой трубкой, и только оставшись наедине с Голубевым, сказал:

— Ты им веры особой не давай, начальник: знают они горное дело, но знают и плотницкую работу. Ставь нас всех завтра на стройку. Я вижу, у тебя и без нас с жильем туго.

— Это верно,— согласился Голубев,— с жильем прямо беда.
— Ну и береги его для городских граждан, которые топора в руках сроду не держали, а мы себе сами за неделю дом изладим.

— Спасибо за совет, за помощь.

— Я тебе, Владимир Андреич, еще присоветую: ты всех проходящих ставь для начала на стройку. Срубят себе дом, переводы на шурфы. В проигрыше не будешь: если человек рассчитается и уедет, жилье для партии лишним не будет.

— Конечно не будет,— обрадовался Голубев.

— А если кто будет носом крутить, начальник, ты говори ему прямо, что урвать деньги на шурфах успеет, но для этого его надо куда-то поселить.

Узнав о том, что всех новичков Голубев направляет на стройку, Саблин по привычке заспорил, отстаивая интересы горного цеха, но быстро уступил.

«Пусть будет по-твоему,— думал он, искоса заглядывая в запавшие глаза Голубева.— Не буду огорчать тебя лишний раз — и так тебе досталось за эти дни. Может быть, появление этих людей хоть немного отвлечет тебя от последних событий».

Саблин не ошибся: занятый делом, Голубев заметно веселел, избегал уединения, большую часть времени был с людьми. Вспоминая Матвеева, он рассказал Саблину о том, как Семен агитировал в Кедровке рабочих, и в первый раз после его смерти улыбнулся:

— С далеким прицелом действовал Семен Пантелеич: через два месяца пришли карбасники, но пришли.

А через несколько дней, возвращаясь с Саблиным из дробилки, Голубев заметил, что с вершины Кара-Тайги в Снежный спускается цепочка лыжников. Впереди, опираясь на изогнутый на конце и выдолбленный в виде узкой лопаточки лыжный каек, стремительно мчался седобородый бронзоволицый дед. Проскочив мимо Голубева, он круто развернулся, подняв целую тучу снежной пыли. Такой же лихой поворот сделали и остальные. Когда улегся поднятый в воздухе снег, Голубев увидел, что дед, легко передвигая широкие, обшитые шкурой дикого козла лыжи, приближается к нему. Пытливо вглядываясь в лица Голубева и Саблина, он подошел вплотную, ткнул рукавицей в грудь Саблина спросил нетромо:

— Однако ты главный инженер?

— Угадал,— улыбнулся Саблин.

— А ты — начальник?! — не столько спрашивая, сколько утверждая, обратился он к Голубеву.

— Точно,— подтвердил Голубев,— откуда вы нас знаете?

— Однако вас уже вся тайга знает. А мне ваши приметы Александр Дмитрич обсказал. Он из нашего рода, Кадымаевых, и мы все Кадымаевы.

— Сколько же вас, Кадымаевых?— засмеялся Саблин.

— Однако шибко много: **целая** деревня— никто не считал.

— А Саша говорил, что у него нет родственников.

— Зачем говоришь «Саша»?— укоризненно спросил старый шорец.— Однако у него был отец Дмитрий.— Он Александр Дмитрич. Он правду сказал: матери нет, отца нет, никого родных нет.

Сняв меховую рукавицу, он расправил пожелтевшим от табака пальцем седые вислые усы, пояснил:

— Кадымаевых много, а своих родных нету. Шибко плохому без родных. Он приходил в отпуск на один день, хвалился: начальник Голубев как родной, инженер Саблин тоже как родной.

Остальные лыжники стояли кучкой, слушали молча.

— Так вы к Александру Дмитричу в гости?— обратился к старику Саблин.

— Зачем в гости? На работу мы. Разве на Дурной Камень в гости ходят? Нас десять человек. Мы много сделаем.

Саблин незаметно толкнул локтем Голубева, шепнул:

— Вот и шорцы пришли к нам, перестали бояться Кара-Тайги.

— Однако скоро ночь. Айда в поселок, начальник!

Старик шел рядом с Голубевым, привычно легко скользил по гладкой поверхности снега. Перед крутым спуском к посылке он остановился на миг, насмешливо глянул на многочисленные кривые лыжные следы, пересекающие склон в разных направлениях, и, резко оттолкнувшись кайком, ринулся напрямую вниз. Сухая поджарая фигурка сжалась в комок, как тугая пружина, за ней узкой струей закурился потревоженный снег.

— Отступать нельзя,— решил Саблин и рванулся вслед за старым Кадымаевым.

Отступать действительно было нельзя. Сзади стояли еще девять Кадымаевых и внимательно смотрели на Голубева. Он решительно шагнул вперед, сильно оттолкнулся палками и, приседая и пружиня согнутыми ногами, полетел вниз по склону. На мгновение замерло сердце, как у ныряльщика, прыгающего с высокой вышки, ударил в лицо сразу уплотнившийся воздух и запел, засвистел, рассекаемый несущимся с головокружительной скоростью телом.

«Только бы не упасть!»— промелькнула мысль, и Голубев вихрем влетел в поселок.

Следом за ним, перегоняя друг друга, неслись Кадымаевы. Дома Голубева встретил Картошин и сообщил, что днем прилетел Боженятов с семьей. Поздним вечером он принес почту из экспедиции. Высыпал на стол целую грудку разноцветных конвертов и, извинившись, ушел. Нетерпеливо просмотрев конверты, Саблин подал Голубеву одно письмо, два взял себе, остальные подвинул Картошину и, указывая на него пальцем, сказал сварливо:

— Эта куча писем написана одной рукой. Судя по количеству, автор писал каждый день. Минимум через день, в течение месяца. За это же время этот автор написал мне всего одно письмо.— Пронзая Картошина притворно-сердитым взглядом, он закончил:

— Коля, ты — злодей! Ты похитил у меня сестру!

Покрасневший Картошин бережно сортировал письма по датам и помалкивал. Он не слышал, как вышел и вскоре вернулся Саблин, неся в руке толстую пачку форменных бланков.

Коля читал письма.

— Если сейчас произойдет землетрясение и старая Кара-Тайга разлетится вдребезги, Картошин и ухом не поведет,— пошутил Саблин, раскладывая на столе бланки с результатами химических анализов, за которыми он бегал в геологический отдел.

Добавив к ним привезенные сегодня Боженятовым, он взял лист бумаги, карандаш и погрузился в вычисления. В комнате было по-вечернему тихо. Каждый занимался своим делом, и никто никому не мешал.

Голубев, не раздеваясь, прилег на топчан. Слушая, как шуршат в руках Картошина страницы писем, усмехнулся: «Перечитывает в третий раз».

Саблин долго подсчитывал среднее содержание с учетом полученных анализов и потихоньку ругался про себя — результаты не радовали.

— Ты что, Михайлыч, голову повесил?— обратился Голубев, вставая. — Может быть, тебе нужна помощь?

— Помощь надо просить в химической лаборатории,— отозвался Саблин и сгреб в одну кучу многочисленные бланки, густо исписанные цифрами.— Тянут черти резину: нет чтобы сделать все анализы и выслать разом. Я вот прикинул сейчас, и получается, что пятая часть всех отправленных проб еще не проанализирована.

Голубев нахмурился: «Опять ничего определенного, опять надо ждать».

Вдруг Саблин сорвался с места, шагнул к Голубеву и, словно отвечая на мысли, сказал:

— Ждать больше нельзя. Завтра выношу результаты на графику. Остальные чертежи в карандаше уже готовы.—И повернувшись к Картошину:— Вам, Николай Васильевич, поручаю сделать их в туши.

— Сделаю, Леонид Михайлыч,— отозвался Картошин.

— Но у нас нет еще всех анализов,— вмешался Голубев.

— Повторяю: ждать больше нельзя, товарищи. Со дня на день нас могут вызвать в экспедицию. В крайнем случае, мы там добавим на чертежи только цифры, а места взятия проб и номера их вынесем здесь заранее.

— Порядок,— одобрил Голубев.

— Сейчас всем спать,—скомандовал Саблин.— Завтра Коля должен быть в лучшей форме и не зевать во время работы.

— Леонид Михайлович,— взмолился Картошин,— мне надо часика полтора-два еще посидеть и написать ответ на письма...

— Насколько я понимаю, молодой человек, вы собираетесь испортить листов десять бумаги на одно письмо. Считаю, что можно обойтись одним. На это даю пятнадцать минут и марш в постель.

— Леонид Михайлович, я...

— Коля, кончай разговоры. Приказываю писать кратко: жив, здоров, загружен по горло работой, главный инженер — зверюга не дает ни одной свободной минуты и — конец.

Саблин прошелся по комнате, подмигнул улыбающемуся Голубеву, спросил нарочито строго:

— Надеюсь, что после недельного знакомства вы еще не целуетесь в письмах, голуби?

— Что вы, Леонид Михайлович? Дружеская переписка...

— Тем лучше: значит в конце просто «до свидания». Остальное я сам за тебя допишу, можешь не беспокоиться. Пиши быстро и спать. Завтра ты мне нужен, как никогда.

Этот день запомнился Картошину и Саблину на всю жизнь. Утром Картошин обнаружил, что черная тушь, привезенная из города специально для отчета, высыхая, приобретает тусклый серый оттенок, и чертежи выглядят бледно.

Перепуганный насмерть Коля бросился искать Саблина. Через час в геологическом отделе состоялось экстренное совещание. Присутствующие по очереди подходили к начатому чертежу, пристально вглядывались в серовато-черные линии и, сокрушенно покачивая головой, отходили в сторону. Саблин

молча взял со стола флакон с тушью, понюхал, закрыл пробку и сильно потряс, взбалтывая содержимое. Не удовлетворившись этим, он опустил во флакон карандаш и тщательно перемешал тушь, надеясь поднять осадок. Большие сильные руки Саблина двигались уверенно и спокойно. Глядя на них, Картошин немного успокоился. Саблин капнул в рейсфедер с карандаша несколько капель туши и, подвинув к себе чистый лист ватмана, быстро провел несколько прямых линий. На плотной белейшей бумаге заблестела черная жидкость. Все облегченно вздохнули, заулыбались, переглядываясь. Только Картошин подозрительно вглядывался в свежие линии, не решаясь улыбнуться.

— Выше голову, Николай Васильевич,— командовал Саблин,— вперед без страха и сомненья...

Голос Саблина внезапно дрогнул, и он умолк, видя, как тускнеет подсыхающая тушь.

— Что за чертовщина?— гневно воскликнул Саблин.

— Это я виноват, Леонид Михайлович. Давно надо было попробовать эту проклятую тушь, а я ничего не сделал. Нас еще когда Владимир Андреич предупреджал, а теперь поздно.

Он кивком указал на окно, за которым бесшумно кружились и падали крупные хлопья снега.

— Какой прогноз?— обращаясь к Голубеву, спросил Саблин.

— На ближайшие пять дней осадки по всему югу Западной Сибири.

Саблин задумался. Картошин растерянно перекладывал на столе поблескивающие никелем чертежные инструменты.

Голубев сказал с надеждой в голосе:

— Надо попробовать тушь из других флаконов, вдруг на наше счастье...

— Пробовал,— уныло сообщил Картошин,— во всех одна и та же.

— Закажи радиogramмой, чтобы купили несколько новых флаконов,— попросил Саблин Голубева.— Может быть, успеем.

За день Картошин издергался и к вечеру заболел. У него поднялась температура, болела голова, но, не желая тревожить Голубева и Саблина, он никому не жаловался. Сидя в пустом отделе, Коля рассеянно просматривал выполненные в карандаше чертежи, представляя, как бы он работал сейчас, если бы была хорошая тушь.

«Что делать? Что делать?— думал он.— Как достать в этой дыре пару флаконов или одну палочку сухой туши? Сбежать в Кедровку, может быть, там у кого-нибудь случайно есть тушь?»— Он мысленно перебирал всех знакомых жителей Кедр-

ровки: «Бесполезно. Кому она там нужна? Там и простой кандаш не в каждом доме есть».

Все раздражало в этот день Картошина: и треск горящих в печке дров, и громкие голоса людей, спорящих в бухгалтерии. Собаки Саблина, встретившие Колю возле дома, привели его в ярость. Он разогнал ласкающихся псов и с тяжелым сердцем переступил порог своего дома. Напрасно Голубев пытался расшевелить Картошина, пригласив его сыграть в шахматы: Коля равнодушно проигрывал партию за партией, сдаваясь на первых же ходах. Голубев решил утешить Колю и в очередной партии пожертвовал ему ферзя, но Коля этого не заметил и проиграл.

— Пойдем-ка, принесем дровец,— предложил Голубев, потеряв всякую надежду развеселить Картошина.— Натаскаем в сенки кубика два на всякий случай. Снегопад-то утих, и мороз набирает силу. Дрова не помешают.

Картошин безразлично кивнул головой, соглашаясь. Ему было все равно: играть в шахматы, носить дрова или ходить вверх ногами по поселку. Безо всякой охоты он отнес в сени охапку дров, вторую, вернулся за третьей. Голубев бодро покрикивал, энергично вышагивая от поленицы к дому и обратно. Вкусно похрустывал под его валенками сухой мерзлый снег.

«Хрустит, как сахар,— отметил про себя Картошин, невольно подчиняясь темпу, заданному Голубевым, и стараясь не отставать от него.— Именно, как сахар».

Он внезапно остановился посреди узкой дорожки, повторяя в уме: «Сахар, сахар. Причем тут сахар, когда нужна тушь?»

Голубев оторопел, видя, как Картошин осторожно опустил на дорожку охапку дров, шагнул в снежный целик и, проваливаясь почти по пояс, побрел к конторе, бормоча сквозь зубы, словно стараясь не потерять это слово:

— Сахар, сахар, сахар...

«Одно из двух: или Коля заболел белой горячкой, или я схожу с ума».

А Коля, тяжело дыша и почти ничего не видя через запотевшие очки, плыл по снегу, повторяя одно и то же:

— Сахар, сахар, сахар...

— Коля, вернись!— крикнул Голубев вслед Картошину.

Но тот уже выбрался на дорожку и, не оглядываясь, шел к конторе.

Пар от дыхания леденел в морозном воздухе, а Голубеву вдруг стало жарко:

«Кроме всех бед, которые свалились на мою голову, при-

шла еще одна: свихнулся Коля». У него бессильно опустились руки, и охапка дров рухнула в снег.

«Скорей за доктором»,— приказал он себе, бросаясь в сторону медпункта.

Через несколько минут он вместе с фельдшером, осторожно приоткрыв дверь, зашел в геологический отдел. В отделе никого не было. На всякий случай они заглянули в бухгалтерию. Там сидел нормировщик и так быстро крутил ручку арифмометра, словно шил на швейной машинке.

— Наверное, он вернулся домой,— догадался фельдшер.— У шизофреников это бывает: навязчивая идея, ему нужен сахар, он его ищет везде, где только может.

Недалеко от дома Косов остановил Голубева, молча указал на окно. По толсто заиндевелому стеклу двигалась тень человека. В одной руке человек держал какую-то посудину, вроде тарелки, другой рукой старательно размешивал в ней что-то невидимое с улицы.

— Первый случай в моей практике,— шепнул фельдшер.— Он достиг своей цели: нашел сахар и успокоился. Может быть, он даже сейчас смеется от радости.

Бесшумно проникнув в дом, они убедились, что Косов прав: Картошин стоял к ним спиной, низко согнувшись над столом, и громко смеялся, словно его щекотали сразу с двух сторон.

«Ну, что я говорил?— спросил фельдшер у Голубева взглядом.— Видишь?»

Он покрутил возле виска пальцем и безнадежно махнул рукой. Они зашли со стороны, опасливо огибая Картошина. На столе перед Колей стояла тарелка, на дне которой маслянисто поблескивала тонким слоем тушь, а рядом лежал обрывок ватмана. Он чертил на нем рейсфедером замысловатые фигуры, отдельные линии и тихо смеялся.

— Отдохни, Коля,— мягко попросил Косов.— Хватит рисовать, голубчик. Надо отдыхать.

Картошин перестал смеяться, послушно отложил рейсфедер и повернулся к фельдшеру. Увидев Голубева, устало улыбнулся и тихо сказал:

— Кажется, это то, что надо.

— Конечно, конечно,— подтвердил Голубев, не понимая, о чем говорит Картошин.

— И как я мог забыть, Владимир Андреич, что сахар, добавленный в тушь, придает ей особенный блеск. Это же очень просто: вы берете тушь, сахар и размешиваете до тех пор, пока сахар не растворится полностью. Посмотрите.

Черные влажные полосы на листе жирно блестели и отсвечивали, словно лакированные.

— Все ясно. Спасибо, Коля.

Провожая Косова, Голубев покрутил возле виска пальцем и, копируя фельдшера, махнул рукой.

Косов, оправдываясь, развел руками, тихонько шепнул:

— Перестарались.

Необычайно рано Картошин лег спать, а встал затемно.

Он умылся, приготовил завтрак и плотно поел при свете керосиновой лампы. Жалея о том, что на Кара-Тайге с утра не работает движок, он насыпал в кулек сахару и отправился в геологический отдел.

Вечерний мороз отступил, плотные тучи надвинулись на Кара-Тайгу, бросаясь снегом. Началась пурга. Рассвет запаздывал, и Коля с нетерпением поглядывал на запорошенные снегом окна. Он растопил печку, приготовил по своему рецепту тушь, кнопками прикрепил к чертежной доске первый лист, а в помещении еще было мало света. Как только на чертеже стали видны линии, нанесенные карандашом, Картошин приступил к работе. Саблин не ошибся, предложив кандидатуру для окончательной отделки графического материала: Коля работал быстро и исключительно чисто. Буквы и цифры, обведенные тушью, выходили из-под его руки четкими, изящными. Голубев хотел на минутку забежать в отдел, чтобы проверить, как трудится Картошин. Но, увидев ювелирную работу Коли, задержался надолго. Его увел Саблин. Он же незаметно удалил из отдела всех геологов, чтобы никто не мешал Картошину.

Еще не был готов первый чертеж, когда Картошин обнаружил, что тушь с разведенным сахаром плохо сохнет. Чертеж был отличный, и самый придирчивый специалист не нашел бы, к чему придраться. Но для полной отделки надо было дожидаться, пока высохнет тушь, и мягкой резинкой убрать еле заметные следы карандаша. А тушь не высыхала. Снимать готовый лист с доски тоже нельзя — Коля боялся, что тушь размажется. Второй лист он расстелил прямо на столе. Выводя пером тончайшую вязь цифр, Картошин бормотал себе под нос что-то непонятное. Сначала он только шевелил губами, потом зашептал, повторяя по несколько раз одно и то же. Так продолжалось часа два. Ныла тупой нудной болью согнутая спина, немели руки, а Коля чертил и шептал. Заканчивая второй лист, он с натугой разогнул деревенеющую спину, счастливо улыбнулся и, пугливо оглянувшись, будто боясь, что его

кто-нибудь увидит, написал карандашом на листе бумаги несколько строк.

Держа бумагу в вытянутой руке и почти не глядя на нее, Коля прочитал в полный голос:

— Он тигровых шкур не хранил, как трофеи.

Но когти оставили след на руке.

Он в паводок трижды тонул в Енисее:

Тянули ко дну минералы в мешке.

Подмигнув сам себе, спрятал лист в карман и снова склонился над чертежом. К вечеру в геологическом отделе не осталось ни одного пустого стола.

Пять чертежей красовались на столах, шестой — на чертежной доске. Больше крепить ватман было не на что. На первом листе тушь подсохла, но только сверху. Трогать его было опасно. Решив, что рисковать зря не стоит, Картошин расхаживал по отделу, улыбался, любуясь результатами дня. Время от времени он подходил к доске, легонько касаясь ваткой бумаги, и, убедившись, что тушь еще не высохла, отходил в сторону.

Темнело. На окраине Снежного заработал движок, в отделе засветились электрические лампочки, и готовая для отчета графика стала еще наряднее. Вошел Саблин, восхищенно чмокнул толстыми губами:

— Ай да Картошин! Ай да молодец! Благодарность в приказе, Николай Васильевич, вам обеспечена.

Он крепко обнял Колю, прислонился щекой к его лицу и сразу отшатнулся:

— Да ты горишь огнем, братец!

Картошин вяло улыбнулся, сказал устало:

— Слабость какая-то после болезни.

— Если бы только слабость,— забеспокоился Саблин.— А если что-нибудь серьезное?

— Обойдется, Леонид Михайлович.

Саблин тщательно осмотрел все чертежи, пожалел, что тушь сохнет очень медленно.

— До утра высохнет,— обнадежил Картошин.— Пошли домой. Утром приведем начальника — пусть полюбуется.

Они привели утром Голубева, но любоваться было нечем: на доске и на столах белели листы ватмана, а чертежей не было. Бесчисленное тараканье племя, привлеченное сладкой тушью, аккуратнейшим образом вычистило бумагу, уничтожив даже точки и запятые. Рыжие твари еще шевелились на ватмане, заканчивая небывалое пиршество и проедавая ватман до дыр.

Не веря своим глазам, Картошин торопливо достал очки, глянул на бывшие чертежи и зашатался:

— Все погибло, товарищи, все погибло.

Саблин ожесточенно скрипнул зубами, плюнул и выскочил на улицу, громко хлопнув дверью.

Оставалось несколько дней до сдачи отчета, но Саблин опасался, что его могут вызвать раньше срока. Поэтому через полчаса он уже сидел за чертежной доской, энергично работая карандашом, заново создавая на бумаге то, что уничтожили за одну ночь тараканы. Рядом пыхтел Картошин, обрабатывая в туши те чертежи, которые не успел сделать вчера. Тушь не сохла, как и днем, но на ночь в геологическом отделе оставили дежурить уборщицу, а движок гоняли до самого утра, чтобы тараканы не воспользовались темнотой и не уничтожили готовую графику.

Глава XXVIII

За неделю до Нового года первым сеансом связи радист принял короткую радиограмму:

«Голубеву для Саблина. Выезжайте немедленно управление материалами отчета решения вопроса работ следующего года. Представитель Министерста ждет. Самолет Кедровку вам заказан тринадцать ноль ноль. Я выезжаю поездом. Хватов».

Голубев нашел Саблина в глубоком шурфе.

Пачка белый бланк жидкой глиной, облепившей руки, Саблин прочитал текст, весело подмигнул:

— Решается судьба всего предприятия. Распорядись насчет лошадки, начальник.

И надевая лыжи:

— Кого из геологов можно сейчас найти в поселке? Одному-то трудно будет.

— Все в разгоне, Михайлыч. Разве Картошина потревожить? Он последний день на больничном.

Коля Картошин нежился возле горячей печки, играя в подкидного дурака с фельдшером, когда в комнату ввалился Саблин.

— Хватит киснуть, боляга, собирайся в город,— весело крикнул он и шлепнул Картошина по спине.

Фельдшер встал, загоразивая грудью своего пациента. Саблин вежливо обратился к нему:

— Товарищ доктор, извините, но я вынужден прекратить вашу трудотерапию.

— Коля, двадцать минут на сборы. Уложи быстро всю пи-

санину и отдельно графику, не забудь ящик с образцами. Летим в город ровно в час дня.

— Позвольте, позвольте,— заволновался Косов,— он же болел! Это неслыханное нарушение режима.

Не выпуская из рук карты, он повернулся спиной к Саблину.

— Ходи, Коля!

— Свой ход Картошин сделает в управлении,— заверил фельдшера Саблин,— а за его здоровье я ручаюсь. Даю слово, что с ним нечего не случится. Вы же знаете, что он — герой сплава с пробами. А герои от простуды не умирают.

Картошин поспешно оделся, машинально пихнул в карман карты и уложил в первый попавшийся рюкзак толстую пачку бумаг. Чертежи, свернутые трубкой, уже лежали в железном тубусе.

— Начальник-то расщедрился: своего выездного Видка нам не пожалел,— заметил Картошин, умащиваясь в кошелке поудобнее и подбивая под себя пахучее сено.

Видок с места пошел машинистой рысью, норовисто выгнув атласную шею и зло оглядываясь на седоков.

— Откормил тебя Матвеев, Видок,— посмеивался Саблин, придерживая горячившегося коня на крутом спуске,— знал старина, что Голубев за добрых лошадей простит сто грехов.

После недавнего бурана в тайге было тихо. Свежий снег подмолодил, приукрасил обычно угрюмые пихты, пушистыми пластами покрыл мохнатые хвойные лапы, шапками причудливой формы одел высокие пни и сухостой.

— Повезло нам, Леонид Михайлович: погода как по заказу,— восхищался Картошин, с наслаждением вдыхая пахнущий свежим снегом воздух.— Вот вы говорили, что у нас сплошные неудачи и нет им ни конца, ни края, а из Министерства специально приехал...

— Коля, я украл тебя у нашего лекаря под честное слово. Будь добр, дыши носом, иначе опять будешь чихать и кашлять.

Коля обиженно замолчал и задышал носом.

Видок шел, не сбавляя хода, глухо стуча копытами по свежеприкатанной дороге. Он разогрелся: на шлее, возле задних ног, за клубилась желтовато-белая пена, нежные бархатистые губы и ноздри его закуржавели. Остро запахло крепким конским потом. Комки снега, сбитые высокой дугой с веток, падали на Видка и быстро таяли на его широкой спине и на горбоносой, словно выточенной из черного дерева, морде.

До Кедровки оставалось километра три. Переехали через речку. На подъеме Видок перешел на шаг.

— Дадим ему передохнуть,— пожалел Картошин коня,— вылезайте, Леонид Михайлович, пройдемся.

Они на ходу выскочили из кошевки и пошли сзади, старательно ступая след в след по мягкому, еще не сильно укатанному снегу. Дорога на подъеме свернула в густой пихтач, заюлила между деревьями. Видок прибавил шаг. Саблин попытался его остановить:

— Тпру, милый, тпру...

Конь прынул ушами, на миг повернул назад голову, сверкнул темным глазом и пошел быстрее.

Саблин метнулся к задку кошевки. Он уже протянул руку, чтобы схватить вожжи, когда на ближайшей пихте резко, как винтовочный выстрел, хрустнул сухой сук и целый поток снега обрушился на Видка. Испуганно прижав уши, Видок задрал морду, рванул и помчался галопом.

Картошин отстал сразу. Саблин взмок на первой сотне метров. Тяжеленный полушубок невыносимо давил на плечи, новые нарядные валенки, надетые специально для выезда в город, скользили и подворачивались на снегу, выламывая ноги. Саблин расстегнул полушубок, бросил его на обочину и стал снимать тугие валенки. Подбежал Картошин, выдавил, выдыхаясь:

— Это же Гибель, Леонид Михайлович. Разве можно ба- сиком...

— Документы, черт, не понимаешь, что ли? Постевай за мной. Барахло подберем после.

Высоко вскидывая ноги в толстых, домашней вязки носках, Саблин належке понесся по дороге. На первом раскате, в стороне от колеи, лежала полевая сумка. Он схватил ее не останавливаясь. Вблизи Кедровки подобрал рюкзак и тубус с чертежами. Вычужный ящик с рудными образцами лежал на въезде в поселок. Дымясь паром, Саблин остановился и облегченно вздохнул: «Все цело».

Поджидая Картошина, он сел на ящик, положил ноги на рюкзак.

Видка уже разнуздали и накрыли попоной, когда на аэродром, шатаясь от усталости, притащились с грузом Саблин и Коля.

— У-у-у, зверюга!— погрозил Саблин кулаком коню и не закончил: издали, стремительно нарастая, донесся шум мотора.

— Коля, быстро в склад. Попроси у Королевы что-нибудь одеться и на ноги...

Кроя оглушительным ревом поселок, зажатый между гор, самолет шел на посадку.

Саблин торопливо натянул короткий грязный бушлат, попытался застегнуться, но тут же отказался от этой затеи. В новых, чересчур свободных ботинках без шнурков, синих диагональных галифе и старом узком бушлате он поспешно заковылял к самолету, проклиная коня, Колю и отчет.

Сторож притащил ящик с образцами. Сказал, давясь от смеха:

— Михальч, ты в этой одежде, как глиста в обмотках.

Саблин свирепо оглядел улыбающегося пилота, румяное, намеренно спокойное лицо Королевы, мокрого от пота Картошина и рывкнул:

— Поехали!

Огромный зал ожидания городского аэропорта — сплошное стекло — приглушенно гудел голосами многочисленных пассажиров. Комбинированный наряд Саблина вызвал среди них некоторое движение. Нарядно одетые люди испуганно шарахались в стороны, уступая дорогу бородатому бродяге, несущему на плече тяжелый зеленый ящик.

Два молодых и очень серьезных гражданина в штатском, сидевшие в глубоких креслах у входа, переглянулись.

— Похож? — многозначительно спросил тот, что был постарше, и указал глазами на Саблина.

— Он, товарищ младший лейтенант, — отрывисто произнес второй, обшаривая пристальным взглядом несуразную одежду нового пассажира, — но откуда он взялся? Ведь рейсовых самолетов после обеда не было. А как вам нравится борода?

— Маскировка — наука, стажер, — поучительно заявил младший лейтенант, поднимаясь, — надо иметь наметанный глаз и профессиональное чутье. Иначе тебя обведут вокруг пальца.

Они вышли вслед за Саблиным, потеснив в дверях отставшего Картошина.

— Под грузчика работаешь? — злоеце спросил младший лейтенант, опуская руку на плечо Саблина.

— Будешь тут грузчиком, — поправляя ящик с образцами, зло бросил на ходу Саблин и направился к стоянке такси.

Стажер призывно махнул кому-то рукой.

Темно-синяя закрытая автомашина прошелестела шинами по ухоженному асфальту и остановилась рядом.

Стажер преградил Саблину путь.

— Спокойно, гражданин, предъявите документы, — сказал он внезапно охрипшим голосом.

Саблин грохнул на асфальт вьючный ящик и решительно шагнул вперед.

— Вы что? Шутить изволите, молодой человек?— спросил он задыхаясь.— Я таких шутников видел...

К ним торопливо приблизился милиционер, козырнул по форме. Рядом топтался взмыленный Картошин. Запотевшие очки наглухо отгородили его от мира, и Коля растерянно шарил по карманам в поисках носового платка.

Саблин усмехнулся, достал из полевой сумки паспорт.

Двое недоверчиво разглядывали безусую физиономию молодого Саблина на маленькой фотографии, милиционер цепко следил за каждым его движением.

— Маскировка,— уверенно подтвердил стажер,— придется побриться для опознания.

— Молодец, соображаешь,— покровительственно одобрил младший лейтенант,— из тебя выйдет настоящий работник.

Картошин, протерев стекла очков, сразу понял суть дела и ринулся с объяснениями:

— Товарищи, это же наш главный...

— Ваши документы,— как на пружинах, подскочил к нему стажер,— нам и надо главного.

Коля поспешно сунул руку в карман и, не сознавая от волнения, что делает, вытащил потрепанную колоду карт.

— Все ясно!— торжествующе воскликнул стажер, отбирая карты.

— Придется проехать в городское отделение, граждане,— обратился младший лейтенант к задержанным,— там разберутся.

В длинном коридоре городского отделения милиции густо пахло карболкой, смазанными сапогами и махоркой.

— Бороду брить не дам,— заявил Саблин, усаживаясь на краю узкой скамейки, занятой ранее задержанными правонарушителями,— ящик, рюкзак и сумку тоже никому не отдам, пока не разберетесь. Там — документы особой важности.

Саблин вырвал из записной книжки листок:

— Вот номера телефонов. Звоните нашему начальству. Пусть едут выручать.

Младший лейтенант пожал плечами, мигнул стажеру, чтобы присматривал, и направился к дежурному, унося паспорт Саблина и Колины карты.

Картошин присел на вьючный ящик. Рядом застыл стажер, не спуская с него настороженного взгляда. Он явно считал Колю своей добычей.

— Видать, крупных жуликов взяли,— громко шепнул кто-то

на дальнем конце скамейки. И будто в ответ ему пьяный хриплый голос от окна затянул:

— Жизнь наша — на барже и под лодкой,
И реченька по камешкам течет,
А судьба наша такая:
От тюрьмы ничто нас не спасет.

Картошин обреченно опустил голову на грудь.

Саблин с интересом осмотрелся. Рядом с ним сидела могучая старуха, повязанная поверх ватной фуфайки теплым шерстяным платком. Слоноподобные ноги — в растоптанных валенках с загнутыми вверх носками. Темная, казалось, прокопченная кожа лица изрезана глубокими морщинами. В морщинах блестели слезы. Они текли медленно, но непрерывно, оседая мелким бисером в крыльях носа. Большой, рыхлый, подозрительно красный нос с легким фиолетовым оттенком придавал лицу легкомысленно-веселый вид. Старуха плакала беззвучно.

— Нюся, голубка, ну что ты плачешь, — вполголоса успокаивала старуху ее соседка, тяжело дыша и распространяя вокруг запах перегара, — товар у нас не нашли, а за то, что с похмеля — не судят.

Старуха засопела, и слезы полились градом.

— Ну, Нюся, ну что ты плачешь?

— Дура, ты, Клавка. Разве я плачу?.. Я рыдаю! — утробным басом прогудела старуха. — Если б ты знала, Клавка, как тяжело жить на свете, когда тебе не верят лягавые.

Дальнейшие объяснения заглушил пьяный певец. Искерпав бластной репертуар, он перешел на классику.

— «Сижу за решеткой в темнице сырой», — завыл он восторженно и упал на четвереньки, издав при этом громкий непотребный звук.

— Будь здоров, батюшка, — низко поклонилась ему старуха, не разобравшись. На скамье громко заржали. Улыбнулся даже суровый стажер. Поблескивая стеклами очков, пугливо оглядывался Картошин.

— Опять, Коля, мы задерживаемся с отчетом, — сказал Саблин, — снесет нам Хватов головы.

— Это все из-за меня, — удрученно вымолвил Картошин, — видно, такой я невезучий, что и Новый год буду встречать в тюрьме.

Хлопнула входная дверь. По коридору за клубился белым облаком морозный воздух.

Не здороваясь, мимо задержанных прошел Хватов, направляясь к дежурному.

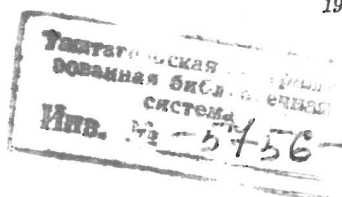
В пачке служебных и поздравительных радиogramм к Новому году Голубев нашел одну и от Саблина:

«Анализы получены все. Результаты полностью подтвердили наши предположения: среднее промышленное содержание металла руде доказано. Отчет поисковым работам принят. Есть решение переходе предварительной разведке. Прошу отпуск семь дней без содержания счет очередного. Поздравляю празником. Целую всех. Саблин».

Отшумели первые метели, укутали двухметровым слоем снега Кара-Тайгу. Пробитый ветром, спрессованный собственной тяжестью, он лежит, скрывая под собой каменный хаос курумов. Кипенно-белое покрывало в ясный день блестит под лучами солнца, слепит глаза, выжимая из них слезы. В это время на Кара-Тайге, кроме белых куропаток, никакой живности нет. Собравшись в стайки по шесть—восемь штук, они кочуют днем у границы леса, оставляя на снегу кружевную россыпь следов, а на ночь зарываются в снег. Огромными черными клыками торчат из снега источенные ветром скалы на вершине Кара-Тайги и стыннут под ледяным дыханием неба. И некому оценить черно-белую траурную красоту вершины гольца и первозданную тишину. Так было всегда.

Сейчас серебряный панцирь Кара-Тайги исчерчен лыжными следами, пробит во многих местах шурфами. Каждый день стемна дотемна грохот взрывов тревожит сердце гор, рождая беспокойное эхо. Ночной ветер гонит поземку, зализывает раны на теле Кара-Тайги, но уже с утра тянется от поселка паутина лыжных следов. Скрипит под широкими лыжами скованный сумасшедшим морозом снег, отсвечивает ослепительными вспышками под лучами солнца, а люди упрямо идут каждый день на участок, чтобы вечером на рабочем плане месторождения обозначить условным знаком вскрытую руду. Все больше и больше появляется на плане этих знаков и меньше остается белых пятен.

Новокузнецк — Большой Каным,
1970—1974 гг.



- Власов В. А.**
В58 **Кара-Тайга. Повесть. Серия «Современная сибирская повесть».** Кемерово, Кемеровское книжное издательство, 1981.

ИСЭН

В глухой сибирской тайге геологическая партия ведет изыскательские работы. Суровый климат, нехватка кадров, нерациональное планирование осложняют работу. Начальник партии Голубев и главный инженер Саблин, первооткрыватель месторождения титано-магнетитовых руд, ломают устаревшие планы, сплачивают коллектив и добиваются победы.

Владимир Аскольдович Власов

КАРА-ТАЙГА

Повесть

Серия «Современная сибирская повесть»

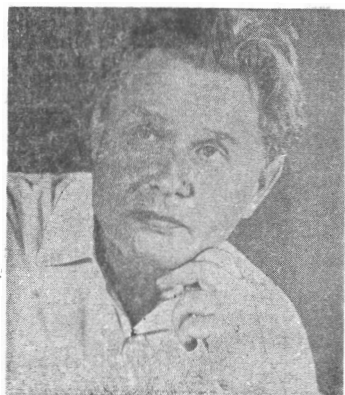
Печатается по изданию
Кемеровского книжного издательства 1975 года.

Редактор *Т. Махалова*; художник *В. Кадочников*; художественный редактор *А. Ротовский*; технический редактор *Г. Манохина*; корректор *В. Лузина*.

ИБ № 569

Сдано в набор 25.06.1980 г. Подписано к печати 28.01.1981 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура журнальная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 14,77. Тираж 50 000. Заказ 13098. Цена 1 р. 10 к. Кемеровское книжное издательство, Кемерово, Ноградская, 5. Полиграфкомбинат, Кемерово, Ноградская, 5.

В 1981 году
в серии «Слава труду»
наше издательство
переиздает романы
А. Караваевой «Лесозавод»
и Ф. Гладкова «Цемент»



ВЛАДИМИР ВЛАСОВ

Власов
Владимир Аскольдович
родился в 1924 году
в г. Шахты
Ростовской области.
Служил в Советской Армии.
С 1951 года работал
в геологоразведочных
партиях
Кемеровской области
на разных должностях:
от техника-геолога
до начальника Колзасской,
Кечинской, Байдаевской,
Терсинской ГРП.
В. Власов — член Союза
писателей СССР, автор книг
«Завтра связи не будет»
(1972 г.),
«Кара-Тайга» (1975 г.),
«Техник Валька, Мерзавец
и другие» (1979 г.)